

И.И. ЯНЧУК

ПЕРУ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: 1884 – 1914 гг.

ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL
CENTRO DE INVESTIGACIONES LATINOAMERICANAS

I.I. YANCHUK

**EL PERÚ A FINALES DEL SIGLO XIX
Y A COMIENZOS DEL SIGLO XX: 1884-1914**

MOSCU 2008

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ЯНЧУК И.И.

ПЕРУ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: 1884-1914 гг.

*Ответственный редактор
Е.А. Ларин*

МОСКВА 2008

Рецензенты: д. и. н. Марчук Н.Н.
к. и. н. Казаков В. П.

Я-666 Янчук И.И. Перу на рубеже веков: 1884-1914. М., ИВИ РАН, 2008. – 225с.

В монографии впервые в отечественной историографии рассматриваются переломные моменты в истории Перу в 1884 – 1914 гг. Потерпев поражение в войне с Чили, Перу удалось восстановить экономику страны и с 1895 г. политическую стабильность. Исследовано становление новых форм зависимости страны от мирового экономического порядка. Показано зарождение и развитие новых классов и слоев – аграрной и промышленной буржуазии, анклавного иностранного капитализма, что характерно для современного Перу. Книга предназначена для историков, преподавателей, студентов и всех тех, кто интересуется историей Перу и Латинской Америки.

ISBN 5-94067-230-2

© Янчук И.И.
© Институт всеобщей истории РАН, 2008.

ПЕРУАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВВЕДЕНИЕ

История любой страны уникальна. Уникальна ее природа, ее политический процесс, ее экономический потенциал и социальная физиология. Но в чем конкретно состоит эта уникальность определить очень трудно. Когда исследователь начинает выявлять глубинные с его точки зрения черты уникальности той или иной страны, то порою и метод изложения и способ передачи найденных закономерностей недостаточно доказателен для читателей. Многие ведь однородно и очень похоже с происходившим в других странах и в другое время.

Думается, однако, что уникальность исторического развития, это конкретика явлений, событий и процессов, их особого сцепления, неповторимые ни в одной стране. И именно этой задаче выделения в калейдоскопе событий переломных моментов и направляющих тенденций исторического развития Перу в конце XIX - начале XX вв. и посвящена настоящая книга.

Тихоокеанская война (1879-1884 гг.), в которой Перу и Боливия боролись против агрессии со стороны Чили, была настоящей катастрофой для Перу. Селитра и гуано, дававшие мощный экономический стимул буржуазному развитию, оказались в руках Чили, которая присоединила перуанский департамент Тарапака, и удерживала вплоть до 1929 г. еще два департамента - Такну и Арику. Так что начало периода четко обозначается концом Тихоокеанской войны. Перу пришлось трудно и противоречиво возвращаться на прежний путь развития в новых условиях. Она прошла через крупнейшие крестьянские движения, выражавшие протест основной производительной силы - крестьян и ремесленников - против "пруссских" методов капиталистического развития. Ее потрясла буржуазная революция 1894-1895 гг., за которой последовало относительное ускорение капиталистического развития. Возросшее после заключения контракта Грейса 1890 г. наступление империализма произвело глубокие деформации в политике и экономике страны, определило в значительной степени направление и формы капитализма в Перу. Целенаправленная политика империализма в утверждении фрагментарного, зависимого, сырьевого характера перуанской экономики привела к созданию тех ее черт и особенностей, которые и до сих пор оказывают негативное воздействие на страну. Окончательное закрепление этих черт и особенностей произошло в годы первой мировой войны после серьезного поли-

тического кризиса 1912-1914 гг., когда потерпели неудачу попытки прогрессивных сил страны во главе с президентом Гильермо Биллингхурстом предотвратить дальнейшее усиление зависимого характера развития Перу.

В 1884-1914 гг. сложился тот тип общества в Перу, который мы называем современным. Это в первую очередь становление основных классов буржуазного общества - буржуазии и рабочего класса, а, следовательно, и возникновение основного противоречия капитализма. Политическая борьба в Перу все более отражала классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом. Рабочее движение при этом перешло от форм организаций ремесленного типа - мутуализма и цеховых союзов - к созданию боевых профсоюзов, в условиях определенной незрелости самого рабочего класса в качестве элемента производительных сил и его самосознания, на выработку которого решающее влияние оказывали анархисты. Будучи по преимуществу аграрной страной Перу вступила в это время в период быстрого роста капитализма в сельском хозяйстве, сопровождавшимся наступлением латифундий на общины, разорением и разложением крестьянства, ростом рынка наемной рабочей силы в аграрном секторе экономики. Отсюда и обострение классовой борьбы и деревне, характерное для последнего десятилетия XIX и двух десятилетий XX века.

Выявление основных форм, этапов и региональных особенностей капиталистического развития в аграрном секторе экономики несомненно необходимо для понимания общей панорамы исторического процесса в Перу. Автор намерен показать, что "дуализм", т.е. сосуществование в Перу различных и равноположенных способов производства - капитализма на Косте (Тихоокеанское побережье страны, большей частью полупустынное, где население - в основном белые, метисы и китайцы - сосредоточивается по берегам рек) и феодализма в сьерре (равнины и горы срединного Перу, основной ареал проживания индейских народов-кечуа и аймара) не имел места в действительности. На деле в процесс капиталистического развития были вовлечены все регионы Перу, хотя, естественно, что район Косты и особенно Лимы, более открытый воздействию мирового капиталистического рынка, шел в этом развитии быстрее. Нельзя говорить, что сьерра - это регион, застрявший в феодализме, или царство полуфеодалных отношений, лишь незначительно затронутый капиталистической цивилизацией. Капитализм проникал в самые глухие уголки страны, формировал новые производственные отношения, может быть и не классического

типа, но характерные для раннекапиталистического уровня развития. В этом смысле можно говорить о недостаточном развитии капитализма в сьерре, но то, что оно происходило в рассматриваемое время, не подлежит сомнению. Слабость перуанской городской промышленной буржуазии, зависимость аграрной буржуазии косты от империализма, медленное преобразование латифундий (перуанское название крупного полуфеодального землевладения - асьенда) сьерры по "прусскому пути" в капиталистические латифундии - все это предопределило в целом неустойчивый, а главное мучительный для подавляющего большинства населения процесс капиталистического развития. В надстройке осталось еще много полуфеодальных элементов - на местном уровне - патернализм и всевластие латифундистов (асендадос) и забитость индейца. На общегосударственном уровне - преобладание недемократических форм правления, отстранение от политической жизни не только сельского населения, но и трудящихся города и анклавных поселений.

В перуанской историографии утвердилось обозначение периода 1884-1930 гг. как периода господства "аристократической республики". Это понятие ввел в оборот крупнейший и плодотворнейший перуанский историк Хорхе Басадре¹. Автор имел в виду, прежде всего, тот факт, что власть в стране в этот период принадлежала аграрной буржуазии косты, финансистам и горнопромышленникам, а народные массы на деле были отстранены от политики. Самую же суть политической власти, направление экономического развития Басадре не уловил, уделив преобладающее место в своих исследованиях формам государственной власти, надстройке, а не базису общества. И сам термин "аристократическая республика" более уместен для истории древнего мира, а не нового времени. Специфику общественных отношений в Перу в рассматриваемый период быстрого развития капитализма и экспансии империализма подобная концепция не может выявить. К сожалению, концепция Басадре, имеющая скорее значение литературного оформления исторического материала, глубоко проникла в перуанскую историографию². Выделение лишь надстройки в качестве ведущей определяющей характеристики периода ослабляет внимание к классовой борьбе, являющейся основой исторического процесса и очевидно не укладывающейся в рамки неограниченного господства сивилистов.

Приступая к анализу одного из переломных моментов в истории Перу, автор сознавал невозможность с достаточной полнотой

осветить процесс исторического развития страны. Лишь главные направления бурной политической и социально-экономической истории будут рассмотрены в этой книге.

Круг источников по истории Перу этого периода достаточно обширен. Отмечу ценнейшую публикацию речей президентов Перу, изданную в 14 томах в Мадриде³. В нашем распоряжении имеются и публикации в виде отдельных брошюр всех речей президентов Перу этого периода. Особенно важны памфлеты президентов Перу Х. Пардо (президент Перу в 1904-1908 и 1915-1919 гг.) и Г.Биллингхурста (президент страны в 1912-1914 гг.), опубликованные ими после их свержения⁴. Они дают ясное представление о причинах политических конфликтов внутри правящего класса в это время. К сожалению, автору удалось познакомиться лишь с несколькими томами материалов конгресса Перу, главным образом стенограммами заседаний сената (1893, 1910-1911 гг. - Peru. Congreso. Camara de senadores. Diario de los debates. Lima, 1893, 1910, 1911). Недостающие материалы о важнейших вопросах, обсуждавшихся в конгрессе, пришлось заимствовать из литературы. Использованы автором и ряд материалов из архивных документов, хранящихся в зале исследований Национальной библиотеки Перу, Национального архива ГДР в Потсдаме и Национального архива США в Вашингтоне.

Из источников по экономической истории следует отметить статистические сборники, издаваемые правительством Перу⁵. Практически к официальным изданиям относятся работы правительственного экономиста А. Гарланда и К. Сиснероса⁶. Чрезвычайно важны отчеты консулов Англии, Германии, Франции и США при анализе характера экономических связей Перу, ее зависимости от империализма. И все же в силу неразработанности статистической информации в самом Перу ряд вопросов, в частности, по проблемам социально-экономического положения крестьянства в сьерре, развития здесь внутреннего рынка не могут быть изучены с достаточной полнотой. Конечно, значительный материал известен из работ современников событий: Х. Гонсалеса Прады, Х. Аренаса, В. Белаунде, Х. Рива-Агуэро, Х. Мансанильо, Ф. Осма, Х. Капело, Х. Валкарселя и многих других.

Глубокие исследования, проведенные перуанскими историками Э. Бонильей, Э. Епес дель Кастильо, Н. Манрике, М. Гонсалесом, В. Каполи по проблемам капитализма на косте и сьерре, значительно облегчают осмысление основных этапов политической и экономической истории Перу в рассматриваемый период. Основа-

тельная книга английского ученого П. Бланшара, раскрывает основные этапы становления перуанского фабрично-заводского пролетариата в Лиме и на косте⁷. Обзорный характер носят книги профессора католического университета в Лиме С. Сулмонта⁸.

Две книги американцев М. Гонсалеса и П. Кларена⁹ дают представление о развитии сахарных плантаций на косте, но преуменьшают империалистическое проникновение в этот регион Перу. Тем не менее, авторы этих работ указывают на ряд объективных обстоятельств, препятствовавших самостоятельному и независимому развитию капитализма в стране. Это и неразвитость инфраструктуры и внутреннего рынка, и отсутствие предпринимательского опыта перуанских бизнесменов, и небольшое население, и недостаток рабочих рук для современной промышленности. В объёмистом исследовании английских экономистов Г. Торпа и Дж. Бертрам¹⁰ тщательно описываются связи правящих кругов Перу с иностранными интересами, своего рода альянс, хотя и во много противоречивый, на правах младшего партнёра, с английскими, американскими, немецкими, итальянскими компаниями. Прослеживаются циклы экономического развития Перу вполне совпадающие с процессами, определяемыми в центрах капиталистически развитых странах. Казалось, можно было бы сделать вполне аргументированный вывод о целенаправленном воздействии империализма на экономику и политику страны во имя утверждения ее статуса как источника сырья и сферы сбыта промышленных товаров. Но у них нет и намёка на империалистическую экспансию, дело представлено таким образом, что Перу и Англия, США, Германия и т.д. - это равные партнёры в экономических отношениях, и совершенно игнорируются масштабы империалистического грабежа страны.

С позиции марксизма основные проблемы национальной истории рассмотрены в работе основателя коммунистической партии Перу Хосе Карлоса Мариатеги. "Семь очерков истолкования перуанской действительности", изданной в 1928 г.¹¹ Важно отметить, что Мариатеги четко говорит о развитии капитализма в Перу как ведущей силе перуанского общества со времен правительства Рамона Кастильи (президент Перу в 1845-1851, 1855-1862 гг.), которое "было этапом в укреплении класса капиталистов. Государственные уступки (т.е. - концессии - И.Я.) и прибыли от гуано и селитры создали капитализм и буржуазию. Этот класс, организовавшийся впоследствии в сивилистскую партию, очень скоро приступил к полному завоеванию власти"¹². Вместе с тем Мариатеги отмечает и такое препятствие к достижению Перу уровня капитали-

стических высокоразвитых стран как наличие полуфеодальных пережитков в виде латифундий: "Класс помещиков не превратился в капиталистическую буржуазию, хозяина национальной экономики. Горнодобывающая промышленность, торговля, транспорт находятся в руках иностранного капитала. Латифундисты удовлетворялись ролью его посредников в производстве хлопка и сахара. Эта экономическая система способствовала сохранению полуфеодальной организации нашего сельского хозяйства, представляющей самое серьезное препятствие на пути экономического развития страны"¹³. Мариатеги впервые указал на многоукладность экономики Перу, не связанной в комплексное единство общей тенденцией развития капитализма. Он указывает на рост империалистического проникновения в страну, на создание финансовой олигархии, основанной на торговле, банках и плантационной экономике. Учитывая, что четыре пятых населения Перу - это индейцы кечуа и аймара, занятые сельскохозяйственным трудом, Мариатеги впервые в перуанской историографии показывает, что решение индейской проблемы - это решение вопроса о земле, что суть борьбы индейца заключается в борьбе за землю против латифундизма. Здесь не место анализировать взгляды Мариатеги на все проблемы исторического развития Перу. Они детально освещены в работах советских исследователей, в частности в книге "Хосе Карлос Мариатеги - пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке", опубликованной издательством Наука в 1966 г., (в монографии Ю.П. Гаврилова)¹⁴. Подчеркнем только важную роль теоретических выводов Х.К. Мариатеги о периодизации истории Перу, о характере Тихоокеанской войны, о контракте Грейса, о революции 1894-1895 гг., о сивилистской партии и правительстве сивилистов, об индейской общине, ее расхождении, об индихенизме, о становлении рабочего класса и его первых политических и экономических выступлениях, об империализме, структурно подчинившего экономику Перу интересам и нуждам внешних рынков и т.д. Под критическим взором Мариатеги проходит большое число политических деятелей, литераторов, ученых, сыгравших видную роль в истории Перу рассматриваемого времени. Задачи, поставленные Мариатеги по детальному изучению проблем истории Перу - классовой структуры, истории народных движений, развитого капитализма, борьбы против империализма и многие другие продолжают оставаться важными актуальными направлениями исследования современных историков-перуанистов. Проблемы истории Перу этого периода в сжатом из-

ложении представлены также и в коллективных трудах, созданных в последнее время в Центре латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН совместно с ведущими историками-перуанистами страны.

Свою скромную лепту в исследовании ряда этих проблем стремится внести и автор этой работы. Автор выражает большую благодарность за советы и предложения коллектива сектора во многом способствовавшие улучшению работы в целом, а в ряде случаев и наметивших определённые направления данного исследования. Особенно полезными были замечания, высказанные при обсуждениях в Центре латиноамериканских исследований Е. А. Лариным, Н. П. Калмыковым, Ивановым Н. С., Н. Г. Ильиной, С. А. Созиной, В. П. Казаковым, Л. Ю. Кораблёвой, А. А. Щелчковым, Л. А. Ивкиной. Принимая с благодарностью все эти советы, я, конечно, всецело сознаю, что за всякого рода упущения и недостатки в данном исследовании, ответственен только я, как автор. Я глубоко также признателен за всю проявленную ко мне теплоту и заботу в непростых обстоятельствах при публикации Истории Перу и помощь при лечении директора Института всеобщей истории РАН Александра Огановича Чубарьяна. Мне хочется сказать и о постоянном участии и создании наиболее удобных для работы и жизни условий моей жены Янчук Евгении Алексеевны. Не было бы её — не состоялась бы и эта книга.

---

1 Basadre, Jorge. Historia de la República del Perú. 1822-1933. Volúmenes I-XVII. Séptima edición corregida y aumentada. Lima: Edición Universitaria. 1983. Vol. VIII P.1,335.

2 См. например: Burga M., Flores Galindo A. Apogeo y crisis de la República Aristocrática (Oligarquía, aprismo y comunismo en el 1895-1932. Lima. 1979.

3 Gobernantes del Perú: cartas y papeles. Volúmenes 1-14. Madrid, 1921-1926.

4 Pardo, José. Peru, four Years of Constitutional Government. N.Y., 1920; Billinghurst G. El Presidente Billinghurst a la Nación. Santiago de Chile. 1915.

5 Statistical Abstract of Peru. 1924. Prepared by the Bureau of Statistics. Lima. 1925.

6 Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1906; Cisneros C. B. Reseña económica del Perú. Lima, 1905. Хорошим дополнением их являются статистические данные, опубликованные Итальянским банком в Лиме: Gerbi A. El Perú en marcha. Ensayo de geografía económica. Lima, 1941; Perú en cifras. Lima, 1945.

7 Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labour Movement. 1883-1919. University of Pittsburg Press. Pittsburg, 1982.

8 Sulmont S. D. Historia del movimiento obrero peruano (1890-1977. Lima, 1977; idem. El movimiento obrero en el Perú(1900-1956). Lima, Pontificia Universidad Católica del Perú, 1975.

9 Gonzalez M.J. Plantation Agriculture and Social Control in Northern Peru. 1875-1933. University of Texas Press. Austin, 1985; Klarén P.F. Modernization, Dislocation, and Aprismo: Origin of the Peruvian Aprista Party, 1870-1932. Austin, 1973.

10 Thorp R., Bertram G. Peru 1890-1977: Growth and Policy in an Open Economy. Lnd.: The MacMillan Press Ltd., 1978.

11 Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Иностранная литература. 1963.

12 Там же. С. 63.

13 Там же. С. 70.

14 Гаврилов Ю.П. Совесть Перу (О Хосе Карлосе Мариатеги и его единомышленниках - перуанских коммунистах). М., 1987. См. также История Латинской Америки: 70-е годы XIX века-1918 год. Отв. редактор д. и. н. Е. А. Ларин. Издательство "Наука", М.: 1993; История Перу с древнейших времён до конца XX века. Отв. редакторы д. и. н. И. И. Янчук и к. и. н. С. А. Созина, члены редакционной коллегии д. и. н. Е. А. Ларин и к. и. н. Макеева Л. А.

Перу после Тихоокеанской войны

10 июля 1883 г. в сражении вблизи г. Уамачуко чилийская экспедиционная армия в северной сьерре Перу нанесла сокрушительное поражение перуанской армии во главе с генералом Авелино Касересом (годы жизни 1833-1923).

Это было последнее крупное сражение Тихоокеанской войны (1879-1884), в которой Чили разгромила объединенные силы Перу и Боливии. В Перу прекратилось организованное сопротивление чилийским оккупантам. После падения г. Арекипы на юге и г. Трухильо на севере без единого выстрела, сдавшихся чилийцам, марионеточное правительство М. Иглесиаса, еще в 1882 г. провозгласившего в Кахамарке лозунг заключения мира на любых условиях "во имя порядка", смогло, наконец, приступить к исполнению своей цели. Чилийцы передали в руки М. Иглесиаса города Арекипу и Трухильо и, эвакуировав свои войска в окрестности Лимы, дали возможность новому "президенту" водвориться в столице. Анконский договор о мире (по имени курортного городка Анкон вблизи Лимы, в котором велись переговоры об его условиях) 20 октября 1883 г. и ратифицирован 6 июня 1884 г. После ратификации договора чилийские войска покинули Перу. По его условиям Перу уступала Чили территорию южного департамента Тарапака, а департаменты Такна и Арика продолжали находиться под властью Чили в течение 10 лет, после чего плебисцит должен был определить их окончательную государственную принадлежность. Оговаривались также условия уплаты перуанских долгов в отношении территорий, перешедших к Чили и суммы компенсации в 10 млн. песо стране, к которой перейдут Такна и Арика по итогам плебисцита¹.

Тихоокеанская война была одним из тех исторических катаклизмов, который надолго определил последующую эволюцию Перу, прочно отложившись в народной памяти. Война нанесла глубочайшие раны народу и экономике страны. На полях сражений остались лежать около 30 тыс. человек². Были потеряны богатейшие департаменты Тарапака, Такна и Арика с их крупными запасами селитры. Практически исчезла добыча гуано. На захваченных Чили территориях до войны перуанское казначейство получало в год примерно 25 млн. серебряных солей, не считая доходов от та-

можен в гаванях Тарапаки и Такны³.

Были разрушены ранее процветавшие сахарные и хлопковые плантации на побережье, заброшены деревни и мелкие города, население главного порта страны Кальяо к концу войны сократилось на две трети. В горной части страны – сьерре – грабительские экспедиции чилийских карателей подорвали скудную экономику индейских общин и асьенд. В центральной сьерре на крупнейших скотоводческих асьендах в долине реки Мантаро чилийцами был захвачен весь скот. Так, на асьенде Тукле в 1879 г. было 42 тыс. овец, а в 1887 – лишь 3 тыс. Асьенда Лайве лишилась за время войны 38 тыс. овец общей стоимостью 1,14 млн. солей⁴. Обнищание народа приняло катастрофические размеры. Серьезно нарушилось политическая стабильность, разладился механизм власти, расстроилась финансовая система. Разорились перуанские банкиры, и кредиты, особенно важные для страны, экспортирующей сырье, можно было получить лишь у иностранцев. Бушевала инфляция, стоимость бумажных денег стремительно падала.

Андрес Авелино Касерес

Генерал А. Касерес, заслуживший славу наиболее стойкого защитника суверенитета страны в ходе двухлетнего сопротивления агрессии Чили в сьерре, хотя и признал условия Анконского договора, одобренного "конгрессом" Иглесиаса 3 марта 1884 г., вскоре после эвакуации чилийских войск из Перу в октябре 1884 г., усилил борьбу против "президента" М. Иглесиаса. Касерес потребовал, чтобы Иглесиас подал в отставку, восстановил конституцию 1860 г. и объявил о выборах президента и конгресса.

Иглесиас ответил отказом, хотя влиятельные военные, сивилисты и сторонники Николаса Пьеролы (президента в 1880 – 1882 гг.), организовавшего Демократическую партию, поддерживали популярного генерала. Действительно, в ходе войны против интервентов Касерес опирался на крестьян центральной сьерры, призывал их расправиться с предателями, крупными асендадос сьерры центра, долины Мантаро. Здесь наряду с внешней войной фактически

велась и внутренняя война владельцев асьенд и крестьян свободных общин против крупных асендадос, к тому же сотрудничавших с врагом. Своеобразие обстановки в департаменте Хунин заключалась в том, что на высокогорье господствовали крупные асьенды, применявшие кабальный труд пеонов и янаконов (мелкие арендаторы, обязанные за землю трудиться в асьенде, или отдавать землевладельцу часть урожая). В долине же Мантаро преобладали мелкие землевладельцы, объединенные в общину и ведущие в основном натуральное хозяйство. Но земли было недостаточно. В долине Мантаро с площадью культивируемых земель в 100 тыс. га было всего 42 асьенды с 1034 га, из них лишь 6 крупных – от 272 га до 85 га. Остальные асьенды, носившие название фундос, имели не более 20 га земли каждая⁵. Наиболее агрессивные позиции по отношению к крестьянам занимали крупные скотоводческие асьенды высокогорья: к крупнейшим асендадос этого типа относилась семья Вальядарес, владевшая 70 асьендами общей площадью в 300 тыс. га. На них паслось 38 тыс. овец, выращивалась пшеница, производились сахар, масло, сыр, которые вывозились в Лиму. Глава семьи Хуан Энрике вывез первый каучук из Перу, организовал добычу первой партии молибдена. Семья Дель Валье имела три скотоводческие асьенды между Хаукой и Уанкайо в 70 тыс. га, 8,4 тыс. га и 16,5 тыс. га, и две в Уанкавелике площадью в 23,5 тыс. га. Горнопромышленник Олавегоя, владелец 60 рудников, ввез на свои асьенды французских мериносов. На доходы от животноводства семья Олавегоя создала крупный торговый дом в Лиме, участвовала в банковском и страховом деле столицы⁶. На асьенде рабочие трудились на основе пеонажа – долгового рабства. Крестьянину, всегда имевшему необходимость дополнительного заработка в связи с выплатой подушного налога, неурожаем, недостатком земли, администрация асьенды выдавала денежный аванс, за который тот обязывался отработать определенное число месяцев. Но в основном оплата была натуральной, а долг рос в связи с необходимостью приобретать продукты питания у того же асендадо. Так, на асьенде Лайве в 1882 г. юридической основой для возврата на асьенду беглых пастухов была их задолженность хозяину, сумма которой была зафиксирована в долговой книге. На возврате этой суммы хозяину обычно не настаивали, так как целью ее является принуждение работника к работе на асьенде⁷. Оплата пастуха состояла из определенного количества ячменя, коки, водки, одежды и обуви, стоимость которых записывалась на текущий счет работника и достигала такой суммы, которую он не мог выплатить. В

ряде случаев крестьянин мог пасти и собственный скот вместе с хозяйским.

Разорение центральной сьерры чилийскими оккупантами, сотрудничество крупнейших асендадос с врагом направило гнев крестьянства на крупных землевладельцев. Соседние с асьендами общины захватили их земли и скот, зачастую к ним присоединялись и пеоны. К 1888 г. таким образом было захвачено более 45 асьенд, в том числе и самые крупные. В провинциях Колка и Моя действовал 1,5-тысячный партизанский отряд крестьян во главе с капралом Томасом Лайме. Крестьяне нападали на асьенды, обвиняя их владельцев в сотрудничестве с чилийскими интервентами. Таким образом, были заняты асьенды Лайве, Тукле, Ингауаси, Антапонто. Были расстреляны их владельцы – Гиральдес, Уилок, Дуарте, губернатор Моя⁸.

А. Касерес, начиная борьбу за пост президента, быстро и решительно порвал с крестьянами, которых до этого провозглашал истинными защитниками родины. Обманым образом он вызвал Т. Лайме и его соратников – героев народной войны – и после недолгого суда, обвинившего их в нападении на асьенду Тукле, которой владела тётка Касереса, - вожди крестьян 2 июля 1884 г. были расстреляны. Вскоре после этого 16 июля Касерес провозгласил себя временным президентом. 18 июля Касерес приказал партизанам дистрикта Комас вернуть асендадо скот. А это был Мануэль Фернандо Вальдарес с его асьендами Рунатульо, Пампа Эрмоса, Курибамба, Киски. Теперь предатель Вальдарес и "патриот" Касерес объединились против крестьян, называя их "бандитами". Но крестьяне Комаса, зная о судьбе Лайме, не дали себя обмануть, организовали оборону занятых им асьенд, которые удерживали в течение 20 лет⁹.

"Авторитет" Касереса среди крестьян после этих событий резко упал. Характерно, что лишь немногие из партизанских вождей центральной сьерры последовали за ним в походе на Лиму. 27 августа 1884 г. Касерес попытался штурмом захватить президентский дворец в Лиме, но был наголову разбит. Касерес бежал, но уже не в центральную сьерру, где крестьяне с оружием в руках защищали свои общины, а в Аякучо и затем в Арекину, где он занялся мобилизацией новой армии для борьбы за президентский пост. Нестабильность правительства Иглесиаса, рост социального недовольства его политикой в стране, облегчали достижение Касересом своих амбициозных планов.

ВОССТАНИЕ АТУСПАРИИ

Во время гражданской войны между сторонниками генерала Андреса Касереса и генерала М. Иглесиаса вспыхнуло крупнейшее в XIX в. восстание крестьян-индейцев в северной сьерре в департаменте Анкаш. Это был ярко выраженный индейский департамент – значительный процент его жителей (кстати, департамент по населению занимал первое место в республике – 284.091¹⁰ человек по данным переписи 1876 г.) – составляли индейцы-кечуа. Это типичный район сьерры, основная экономическая деятельность сосредоточивалась в плодородной долине реки Санта, так называемой "Кальехон де Уайлас", где располагались города Уарас – столица департамента, Карас, Каруас, Юнгай, Рекуай. Река Санта пересекает Западную Кордильеру на две части – Бланка (Белую) на востоке и Негра (Черную) на западе. В Кордильере Бланка расположены высочайшие вершины Перу, покрытые вечным снегом, например, г. Уаскаран – 6768 м. На горных пастбищах Кордильеры Бланка рассеяны селения индейцев-пастухов, в Кордильере Негра – расположены богатые месторождения серебра и других полезных ископаемых, на которых трудились малоземельные крестьяне. Как нигде в Перу здесь интенсивно шло обезземеливание крестьян, лишь 5%¹¹ их владело собственной землей, остальные были вынуждены, влезая в долговое рабство (пеонаж), арендовать землю у крупных асендадос, отрабатывая стоимость аренды личным трудом на поместье хозяина. Во многом экономическая характеристика департамента типична для сьерры. По данным переписи 1876 г. в департаменте Анкаш производилось 50 тыс. фанегас (1 фанега = 62 кг) пшеницы, 70 тыс. фанегас кукурузы, 100 тыс. фанегас картофеля, 1 тыс.¹² фанегас ячменя. Здесь имелось 250 тыс. овец, 24 тыс. голов крупного рогатого скота, 3 тыс. лошадей. Почти вся площадь в 160 тыс. га обрабатываемой земли находилась в руках 126 семей в сьерре и 38 на coste. Имелась и небольшая добыча серебра, составлявшая в 1876 г. 12 тыс. марок серебра (1 марка = 230 г.)¹³, в рудниках трудились главным образом крестьяне – индейцы, не способные прокормить семью урожаем с небольшого земельного участка.

Тихоокеанская война и последовавшая за ней гражданская война разорили крестьянские хозяйства. Чилийская оккупация и военные действия на территории департамента привели к катастрофическому сокращению поголовья скота, овец и лошадей. Крестьянин использовал в работе на бесплодных каменистых участках

примитивные орудия труда: чакитакля (вид деревянной лопаты, известной со времен инков), мотыга и кирка – вот и вся техника.

Исчезли воловьи упряжки, контрибуции и грабеж, природные катастрофы (наводнения и обвалы) – покончили практически с крупным рогатым скотом. Те же условия повлекли и рост эксплуатации крестьян со стороны асендадос – батраки, колонны и арендаторы за свой труд получали номинальную оплату в 50 сентаво. В эти же годы стоимость крупного рогатого скота составила 18 – 20 солей за голову, ягненка – 1 – 1,2 соля, так что заработки крестьян не

позволили возместить им потери. До войны колон имел две-три воловьих упряжки, одну-две дюжины овец, шерсть которых шла на выделку одежды, а навоз для удобрений. Обычно он также имел 2-3 осла или лошади для перевозки грузов и продуктов в дом хозяина или асендадо. Мелкое животноводство было практически разрушено в годы войны. Описывая злоупотребления властей и бедствия войны старосты индейских общин Уараса в своем мемориале правительству 25 марта 1887 г. указывали, что в десятилетие 1879-1887 г.: "то небольшое число быков, лошадей и овец, которые использовались как средство пропитания и труда было силой, бесчеловечно отнято у нас нарушителями порядка или его псевдозащитниками, и ни один каудильо, ни один правитель не проявил к нам сострадания..."¹⁴.

Типичный пример приводит перуанский исследователь Альба Эррера. 21 августа 1884 г. полковник Мануэль Мадуюньо, рекрутировавший солдат в Уарасе для армии Касереса, готовившего наступление на Лиму, одновременно с реквизицией зерна предписал селениям Чикьян, Акиа, Уаста, и Тикльос предоставить в его распоряжение 120 лошадей и мулов¹⁵. Будучи театром военных действий, департамент Анкаш потерял в результате насильственной рекрутчины значительное число молодых, трудоспособных мужчин. И снова это бремя падало на мелких землевладельцев, не

имевших возможности откупиться деньгами, как это делали богатые люди. Боясь рекрутчины, индейцы бежали в высокогорную холодную пуну, лишая и без того скудное хозяйство трудоспособных членов, затрудняя восстановление разрушенного войной хозяйства.

Расстройство мелкого хозяйства вследствие бедствий и войн, усиление эксплуатации крестьянских масс вызывали нарастание недовольства масс, их попытки изменить положение. Близкий к Х.К. Мариатеги перуанский публицист Эрнесто Рейна в своей книге, основанной на опросе участников восстания, воспроизвел умонастроение индейцев-общинников села Мариан вблизи Уараса накануне восстания. Из этой общины вышел вождь восстания индейский староста Педро Пабло Атуспария. Вот отдельные высказывания индейцев, собравшихся в феврале 1885 г. в доме Атуспарии: "Генерал Касерес повел нас сражаться с генералом Чили. Связанными он загнал нас в казарму, плетью учил нас обращению с оружием, голодными бросил нас в сражение, и чилийцы убивали нас как кроликов". "Генерал Чили захватил всех овец хозяина, а он нам сказал: "Вы виновны. Почему не спрятали хорошо моих овец? Оплатите половину потерь! - И бедняк-индеец закабален". "Генерал Пьерола говорил: "Я защитник индейской расы", и убивал индейцев как собак". Генерал Иглесиас приказал префекту Норьега: "Избей индейцев, но добейся оплаты в год двух солей серебром подушной подати. Подушный налог платят только индейцы, а откуда достать два соля, если у нас в доме, кроме вшей ничего нет". "Наши хозяева говорят: "Я заплачу налог за моих индейцев эти два соля". Но ведь это два года рабства". "Все празднуют, а бьют индейцев. Когда он пытается протестовать, его бросают в навоз, а жену насилюют. С индейцем обращаются хуже, чем с паршивой собакой - все пинают его. Если он выкажет недовольство - его заковывают в колодки, если громко возмущается - ему в ответ плети, если поднимает руку на белого - то расстрел". "... Гамоналы отобрали у нас общинные земли. И как легко белым овладеть нашей собственностью! Напоят наиболее тупого индейца общины, дадут ему 20 солей и побуждают его в присутствии нотариуса подписать документ о продаже земель всего айлью. Подпись свидетеля и его собственная стоит всего лишь бутылки водки. С этим документов гамонал является к субпрефекту и говорит: "индейцы такого-то айлью продали мне свои земли за 2 тыс. солей, как явствует из этого документа. Индейцам было сообщено об этом, но эти мошенники отказываются признать меня хозяином, утверждая, что никакой прода-

жи не было. Так как это неуважение к закону, то я прошу Вас, сеньор субпрефект, оказать мне помощь вооруженной силой. Я оплачу 10 солей за каждого жандарма." И действительно, ему предоставляются солдаты с целью изгнать нас с нашего айлью. Мы протестуем, тогда обнажаются сабли, и нас бьют. Самые смелые индейцы обороняются мотыгами, но, увы! Обстрелы и поджоги наших лачуг, грабеж нашего скота, насилие над нашими женщинами - все это кончается заточением нас в городскую тюрьму, где голод и пытки заставляют нас признать этого гамонала хозяином айлью". "Префект заставляет нас трудиться как бессловесных мулов на строительстве кладбища, казармы, мошении улиц и ремонте церкви, не давая даже еды". Этот бесплатный труд "республика" выпадает только на долю бедного индейца - чистка дорог, оросительных каналов, строительство домов и работа на земле священника, алькальда или субпрефекта. А поскольку власти часто меняются, то бесплатное строительство домов фактически ведется для всего города". "В субботу властям нужно нести "подарок" - дрова, дюжину яиц, пару куйес (род мелких свиней. - И.Я.) или ягненка... и даже детей в услужение. И того, кто не принесет подарки - бьют и наказывают". Бедный индеец! Если он выпьет рюмку тростниковой водки - то ему сразу кричат: "Пьянчуга! В казарму! Подметать улицу! Платить штраф. Если же белый пьянствует, то просто забавляется!" "Даже свободные рабочие (*operarios libres*) живут в нищете. Им платят бумажными деньгами (соли-инки), а в лавках затем говорят: "Инки ничего не стоят, даем за 10 инков один серебряный соль"! "Горнорабочий в шахте зарабатывает в день 10 сентаво, а на что ему купить коку, водку и сигареты? Чем заплатить священнику за обедню и молитвы за упокой, за крещение? Чем оплатить праздник святого Яго и великолепные костюмы для карнавалов "уанкильяс"?^{15*}

Весь комплекс классовых противоречий хорошо высвечивается в этих бесхитростных свидетельствах современников и участников восстания Атуспарии. В основе их был протест крестьянства против полуфеодальных методов эксплуатации, обезземеливания, унижения человеческого достоинства.

Лишенные средств к существованию многие крестьяне-индейцы направлялись на горные рудники, но и тут восстановление шло медленно ввиду недостатка капиталов, плохих средств сообщения и 3%-ного налога на вывоз минералов, установленного правительством Иглесиаса 7 декабря 1883 г. По данным правительственной статистики 1885 г. в провинциях Уайлас, Уарас, Уа-

ри и Пальяска имелось 68 пертененсий горных разработок (100х200 м = 1 пертененсии). Экспорт горнопромышленной продукции на 95% состоявший из серебра достиг 1924 т. В этих рудниках было занято лишь 2% населения Анкаша¹⁶. К тому же горнорабочие Анкаша вынуждены были конкурировать с хорватскими рабочими, которые были законтрактованы представителем горнорудной компании "Тикапампа" Сокольским¹⁷. Оплата тяжелого труда горнорабочего составляла 50-60 сентаво серебром, переносчика руды 30-40 сентаво, во многих случаях обесцененными бумажными деньгами¹⁸.

Неразвитость денежного обращения в среде значительной массы крестьян затрудняла уплату ими подушного налога, хотя и отмененного в 1854 г. президентом Р. Кастильей, но постоянно возобновлявшегося под разными предлогами и в различных одеяниях местными властями. Действительно, крестьянин сеял пшеницу на своем небольшом участке земли (зачастую не более 0,5 га)¹⁹, и использовал почти весь его урожай на личное потребление. Шерстяные ткани он производил на ручных станках из шерсти своих овец. Он делал обувь (ojotas) из кожи вола или осла, павшего от тяжелой работы или старости. Он строил дом из самана и камней, соломы и дерева той местности, где жил. Излишки своего урожая он менял на необходимые ему продукты, произведённые другими крестьянами вблизи от места своего проживания. Мелкая торговля на рынке давала крестьянину небольшую сумму денег для покупки соли, мыла, чанкаки (местная водка) и коки. Чтобы оплатить налог крестьянин нанимался на сезонные работы - сев, уход и сбор урожая - на мелких фермах, владельцы которых также обеднели из-за войны, резких климатических перемен - засухи, наводнений и т.п. Поэтому любое требование властей об уплате подушного налога, его увеличении вызывало сопротивление крестьянства. Серебряный соль котировался в декабре 1884 г. в 15,85 бумажных солей, а в Анкаше положение в начале 1885 г. было и того хуже. Здесь за один серебряный соль давали 20 бумажных солей. И в этих условиях власти г. Уараса стали требовать уплаты подушного налога в сумме 30 солей, вместо 20, ссылаясь на новое снижение курса бумажных денег²⁰.

Экономический кризис и политическая нестабильность отразились и на положении других слоев населения - мелких земледельцев, ремесленников, торговцев и даже некоторых асендадос. Была разрушена еще в 1878 г. железная дорога Чимботе-Уальянка, что прервало связь кусты со съеррой и вызвало дороговизну в долине

Санты. Чилийские оккупанты систематически разрушали не только подвижной состав железной дороги, но даже рельсы. Они взорвали один из самых современных сахарных заводов в Южной Америке "Пало Секо" и разрушили машины рисоочистительного завода в долине реки Санта. Центры снабжения департамента сахаром и рисом лежали в развалинах. Резко выросла дороговизна в городах. В письме, опубликованном 30 июля 1884 г. в газете "Эль Бьен Публико", издававшейся в Уарасе, говорилось: "Жизнь в городе невыносима, деньги не имеют силы, нечего есть, безопасность жизни отсутствует, ибо и богатый дом и последняя лачуга подвержены риску грабежа... Громадна нищета частных лиц и общественных учреждений"²¹. Подводя итоги трагическим событиям последних лет, префект департамента Анкаш Педро Хосе Каррион в циркуляре субпрефектам и муниципальным алькальдам провинций департамента 27 ноября 1886 г. писал: "В роковые годы внешней и внутренней войны сельское хозяйство окончательно подорвано в связи со смертью в сражениях большого числа граждан департамента и последовавшего недостатка рабочих рук. Разорено скотоводство вследствие реквизиций огромного числа лошадей, мулов, овец и ослов нашими и вражескими войсками. И эти потери невозможно было возместить в период общего хаоса. Оторваны от своих очагов здоровые и трудолюбивые жители, выполняющие в армии свой патриотический долг и их нечем было заменить в частных и общественных предприятиях и мастерских. Не действуют уже много лет основные гарантии прав граждан. Катастрофически сократились капиталы по причине банкротства нашего основного средства денежного обращения - бумажного соля и потому нанесен глубочайший ущерб торговле и всем отраслям национальной промышленности..."²²

Партизанская война против чилийских оккупантов повысила самосознание крестьян, защищавших свой домашний очаг, своих родных, свою землю, результаты своего труда. Когда 19 июня 1883 г. чилийцы заняли Уарас, то индейцы горной общины Мариан организовали оборону своего села. Все жители собрались на скале, нависшей над селом, приготовив огромные камни, чтобы обрушить их на чилийцев. Когда последние, захватив весь скот крестьян, повели добычу в город, индейцы сбросили эти камни. Чилийцы были уничтожены вместе с награбленным скотом. Больше они не решались делать вылазки в эту местность²³. В отличие от Иглесиаса, представлявшего крупных землевладельцев сьерры и части северной косты, его противник Касерес возбуждал надежды крестьян

на землю и лучшее будущее. Конечно, эти надежды были иллюзорны, но, тем не менее, в ряде мест, как, например, в центральной сьерре (департамент Хунин) крестьяне начали захватывать земли и скот крупных асьенд, обвиняя их владельцев в пособничестве чилийцам и в сотрудничестве с правительством Иглесиаса, которое опиралось на оккупантов. На землях асьенд создавались новые общины, где крестьяне обрабатывали распределенные среди них участки²⁴. Солдаты-крестьяне сражались на стороне Касереса, но стремились провести свои антиолигархические, антигамоналистские цели. Вот, например, что сообщала поддерживавшая правительство газета "Эль Паис" в Уанкайо 23 мая 1884 г. о действиях партизан: "прикрываясь именем упрямого каудильо и его антиобщественной и коммунистической доктриной, они надеются и впредь владеть асьендами, силой узурпированными у их собственников". А "Регистро офисиаль" 7 января 1885 г. разъясняла сложившуюся ситуацию: "То, что сегодня происходит - вовсе не гражданская война, это коммунистическая социальная война рас, это разгул индейских масс, спровоцированный и поддерживаемый генералом Касересом и его сторонниками, которые, не предусмотрев последствий, бездумно ведут всех к гибели"²⁵.

Напряженное положение в Уарасе создалось уже в 1882 г. Индейцы общины Мариан, как сообщал алькальд Уараса Федерико Оливера министру внутренних дел, 12 мая под конвоем солдат были приведены в здание городского муниципалитета, чтобы в порядке очереди провести его уборку. Один из индейцев попытался бежать, и в последующей стычке ударом по голове был тяжело ранен приведший их индеец - налоговый инспектор. Алькальд указывал, что такие действия лишь подготовят умы к социальной войне, ибо ненависть к военным всё возрастает²⁶.

В январе-феврале 1885 г. индейцев провинции Уарас заставляли по очереди с использованием собственных строительных материалов, ремонтировать церковь в городе. 700 человек ежедневно бесплатно трудились на строительстве городского кладбища, навеса для городской тюрьмы и т.п. Тех, кто отсутствовал на этой работе, штрафовали за каждый день 10-ю солями²⁷. Сменив в ноябре 1884 г. касеристского префекта Дугу, новый префект Анкаша установил повышенные нормы и сроки уплаты подушного налога, хотя он был уже выплачен касеристскому префекту. У индейцев просто не было возможности и средств для оплаты нового подушного налога, ибо плата за работу на асьенде была ничтожной, а в городе для них имел место принудительный бесплатный труд. К

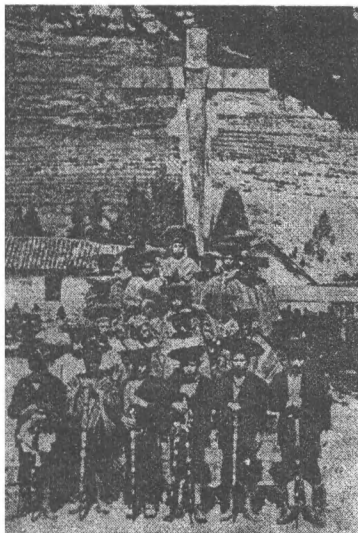
тому же собственники асьенд имели обыкновение давать крестьянам аванс деньгами или продуктами с тем, чтобы те отработывали год, два, а иногда и больше. Крестьянин, его семья и дети становились вечными должниками, его чакра (мелкий земельный участок) зачастую становилась собственностью асендадо. Поэтому крестьяне питали глубокое отвращение к любому новому налогу, закабальявшему их на много лет. Взаимосвязь подушного налога и полуфеодальной эксплуатации крестьянства ясна из резолюции собрания собственников асьенд провинции Уарас 21 февраля 1885 г. в связи с обращением префекта с просьбой о займе под залог от будущих доходов от налога. Торговцы в Уарасе одновременно были владельцами асьенд, и на своем собрании с энтузиазмом решили поддержать сбор подушного налога, поскольку таким образом им обеспечивались рабочие руки. Они сами передали властям департамента список крестьян-налогоплательщиков, живущих на асьендах. И в то же время встревожились крестьяне, узнав о составлении списков налогоплательщиков. Ведь это грозило им не только насильственной рекрутчиной, но перспективой вынужденной задолженности, которая повлекла бы ужесточение эксплуатации со стороны хозяев асьенд, от которой не могли бы освободиться и их собственные дети. Протест возглавили отставной полковник метис Хусто Солис и Алоис Шрайбер - иммигрант из Австро-Венгрии и сам крупный землевладелец, сторонник Касереса²⁸.

В отличие от других асендадос Шрайбер и его сын использовали наемный труд крестьян, оплачивая его достаточно высоко, и не стремились к долговому закабалению крестьян. Они даже вооружили крестьян, возражая против требования властей уплатить налог за крестьян, работавших на асьенде и шахтах Шрайберов. Однако, по сообщению из Уараса напечатанному в столичной газете Лимы "Эль Комерсио" 2 мая 1885 г., большинству "асендадос (департамент. - И.Я.) было бы выгодно уплатить налог за своих работников, потому что в результате роста задолженности последние были бы вынуждены трудиться у них"²⁹. Как указывает перуанский исследователь М. Рейна Лоли причиной вспышки крестьянского гнева "был страх крестьян стать должниками "мистис" (белых. - И.Я.). Последние охотно уплатили бы налог за своих пеонов-колонов или законтрактованных рабочих с целью пользоваться затем их трудом. А впоследствии возникала и возможность захватить мелкую земельную собственность крестьян-должников под предлогом неуплаты авансированных денег и расширить свою латифундию"³⁰. 2 февраля 1885 г. префект Анкаша Франсиско

Норьега издал предписание об уплате за полугодие подушного налога в 2 соля серебром. Два соля равнялись 20 инкам, и индейцы не могли уплатить налог, (тем более за три дня 26-27 февраля). Норьега восстановил и бесплатную трудовую повинность крестьян в городе. А когда индейцы направили старосту общины Мариан Педро Пабло Атуспарию с просьбой отменить трудовую повинность и отсрочить сбор налога, то Норьега задержал жалобщика и даже подверг его пыткам, стремясь выяснить, кто составил жалобу³¹.

Изложение жалобы-мемориала крестьян дано Эрнесто Рейной в его книге "Амаута Атуспария". В нем индейцы снова повторяли, что их не признают перуанскими гражданами, и обращаются как с рабами. Их силой без оплаты и даже без еды принуждают строить в городе Уарасе кладбище, тюрьму и церковь. От этого принудительного труда освобождены белые. Вдобавок к этому была установлена монополия на соль, а теперь и подушный налог в 2 соля серебром за полугодие. Индейцы не в состоянии уплатить его из-за нищеты, плохого урожая в этом году, из-за того, что во время войны с Чили пострадали от грабежей и контрибуций. Большинство индейцев - это крестьяне, которые работают на асьендах только за еду. Они получали в день 10 сентаво, причем платили им бумажными деньгами, которые в условиях падения покупательной силы их до 10 инков за 1 серебряный соль, разорили и без того живущих впроголодь пеонов. Обязанные всю неделю работать бесплатно в городе на "общественных работах", индейцы не имели дополнительных денег. В мемориале-жалобе указывалось, что попытка введения подушного налога за последние годы четырежды отвергалась жителями города Уараса, ссылавшихся на их разорение в связи с контрибуциями чилийцев и "революционеров". И если сами белые не смогли оплатить подушный налог за своих индейцев на асьенде, то в какой же нищете находятся индейцы? Многие из них платили хозяину за долги своих отцов и дедов, а предлагаемый подушный налог ограбит их детей и внуков. Эти долги несправедливы и незаконны, уплата их происходит по давно сложившейся традиции и при потворстве властей. Мемориал заканчивался просьбой об отмене подушного налога, либо, в крайнем случае, снижении его в четыре раза, а также прекращении принудительных бесплатных работ в городе Уарасе³². Прошение крестьян было подписано 40 старостами индейских общин в дистриктах провинции Уарас. Его должен был передать Норьега Педро Пабло Атуспария, староста общины Мариан и Баррио де ла Рестаурасьон го-

рода Уараса. Но накануне передачи прошения Атуспария был посажен в тюрьму. Губернатор приказал ему привезти в город солому для крыши, строящейся здесь казармы, но Атуспария ему решительно ответил: "Сначала заплати"³³.

Индийские касики (старосты)

Префект Норьега набросился с оскорблениями на Атуспарию, требуя назвать, кто из белых составил прошение. Префект предполагал, что мемориал написали адвокаты-касеристы. Атуспарию подвергли бичеванию плетьюми, но тот молчал. Атуспария назвал имя составителя мемориала, когда тому - местному адвокату Гарсия Гонсалесу - удалось скрыться. Затем почти все старосты общин дистриктов (*alcaldes ordinarios*) были брошены в тюрьму.

Норьега вместе с отрядом в 25 человек из батальона "Artesanos de Lima", стоявшего в Уарасе, направился 28 февраля в инспекционную поездку на юг департамента в г. Айха.

По его приказу 1 марта 1885 г. во время воскресной мессы в Уарасе, на которую собралось множество окрестных индейцев губернаторы (дистриктов Уараса — Индепенденсия и Ла Рестаурасьон) Хосе Колясос и Викторiano Магинья потребовали о незамедлительном сборе сельскими старостами (*alcaldes pedaneos o de сапо*) в течение трех дней подушного налога.

Единственный оставшийся на свободе староста дистрикта Педро Паскуаль Гильен Флорес во главе 20 общинных старост, заявил губернатору Колясосу от имени крестьян 31 селения, окружавших

Уарас, об отказе уплачивать подушный налог. Он также потребовал освободить заключенных в тюрьму старост дистриктов. Кольясос продолжал издевательства. У старост отрезали косички - символ их власти и достоинства. Это оскорбление индейских старост вызвало глубочайшее возмущение крестьян. Они стали собираться группами, горячо обсуждая неслыханные издевательства. Было решено освободить старост, и в 6 часов утра 2 марта более 100 крестьян направились в префектуру, чтобы добиться освобождения своих старост. За ними в отдалении следовало еще 2000 индейцев.

Внезапно безоружные крестьяне были атакованы войсками во главе с губернатором Кольясосом. Началась кровавая вакханалия. Улицы Уараса были завалены трупами индейцев³⁴, не подозревавших о таком "приеме" властями их просьбы. Спасаясь бегством, крестьяне практически голыми руками и камнями около 5 часов сдерживали на мосту "Ауки" напор правительственных войск, но затем отступили к окружающим город холмам, к расположенной над Уарасом старой инкской крепости Пумакаян.

Всю ночь вокруг Уараса на холмах горели костры - то индейцы готовились к решительному сражению. Были разосланы вестники ко всем общинам и селениям в радиусе 15 км от Уараса. Число этих общин составляло 20. Ими руководили старосты. Общая численность восставших крестьян достигла 30 тыс. человек. К рассвету 3 марта индейцы окружили Уарас³⁵. Они были вооружены пращами (причем камни подносили мужчинам женщины), копьями, палками с узловатыми шишками. Лишь немногие имели ружья, захваченные во время войны с чилийцами. Жители общины Лукма были вооружены Херманом Шрайбером - асендадо и горнопромышленником, враждебным правительству Иглесиаса и рассчитывавшим использовать крестьян в своих эгоистических интересах. Общее руководство осуществляли близкие к Атуспарии люди - его шурины Анхель Байлон и Мануэль Гранадос, имевшие опыт участия в боевых действиях против чилийцев. Когда стало известно о решимости крестьян добиться освобождения своих вождей, то нотабли города и руководители правительственных войск освободили алькальдов общин и дистриктов, и одновременно обратились к правительству с предложением освободить индейцев от подушного налога. Но было уже поздно. Повсюду завязались стычки с солдатами. Бой за город продолжался с 8 часов утра до 5 часов вечера. Из 200 карателей сумело спастись бегством лишь 50 человек³⁶ во главе с полковником Видаурре и губернатором Кольясосом. Палач

и истязатель индейских старост Вергара был растерзан индейцами, некоторые из них выпили его кровь, надеясь приобрести такую же свирепость и храбрость. Голова его была отрезана и поднята на пику, руки прибиты к стенам церкви, фаллос был брошен собакам. Мечь народа обрушилась главным образом на непосредственных убийц и палачей - ведь от их рук пало 2 и 3 марта значительно большее число крестьян. В первую очередь были разграблены лавки китайцев, ряда сторонников префекта и губернатора. Было подожжено здание налогового управления Анкаша, где находились списки налогоплательщиков³⁷. Но уже вскоре индейские патрули установили полный порядок в городе. Руководитель восстания Педро Пабло Атуспария твердо проводил линию на сотрудничество с мелкой и средней буржуазией Уараса. Но в то же время Атуспария разослал чакис (гонцов - И.Я.) во все селения департамента и в Уануко с призывом присоединиться к восстанию "всем братьям, которые должны быть хозяевами своей земли, но не являются ими в настоящее время"³⁸.

Сотрудничество определенной части буржуазии Уараса с восставшими индейцами имело целью придать восстанию прокасери-стскую направленность. Действия префекта Норьеги, развернувшего преследование политических противников, установившего дополнительные налоги, в частности налог в 40 сентаво серебром за новые номерные знаки на домах, прибегшего к насильственному навязыванию "удостоверений о занятости" за плату, ограничившего права муниципалитета на расходование средств и т.д. вызвали недовольство многих горожан. Бесцеремонно обращался Норьега и с местными священниками, наложив руку и на церковные доходы. Поэтому на первом этапе индейское восстание поддерживали и представители городской буржуазии и даже церковники.

5 марта на центральной площади Уараса в присутствии более 5 тысяч крестьян Атуспария, действуя как делегат префектуры, назначил префектом департамента Анкаш представителя городской мелкой буржуазии Мануэля Москеру. Генеральным секретарем восстания был назначен молодой журналист Луис Фелипе Монте-струке.

Педро Пабло Атуспария - вождь крестьянского восстания, метис, родился в деревушке Мариан недалеко от Уараса 29 июня 1840 г. в крестьянской семье. Он трудился на небольшом земельном участке (чакре) родителей, а позднее работал в красильне Мануэля Альсаморы. Атуспария обычно говорил на кечуа, знал и испанский язык. Атуспария был избран старостой (алькальде педа-

нео) 20 общин окружающих Уарас в декабре 1884 г. Каждое воскресенье Атуспария созывал индейских старост для обсуждения общих для всех дел - строительства дорог, мостов, школ, арыков, организации праздников. Атуспария был руководителем индейцев-крестьян, хотя официально и не признанным властями. Но именно через такого рода представителей крестьянства власти департамента навязывали свои требования и распоряжения. Авторитет Атуспарии среди индейского крестьянства способствовал объединению вокруг него возмущенных новыми поборами общинников. По их просьбе Атуспария поручил одному из адвокатов составить просьбу-прошение к властям об отмене бесплатного труда и сокращении подушного налога. Как уже говорилось, в этом мемориале указывалось, что крестьяне больше не могут платить новых податей, ибо разорены войной, поборами попов, властей, бесплатным трудом на асьенде и т.п. А как было хорошо известно, новый налог еще больше бы закабалял крестьян, ибо "некоторые асендадос воспользовались уже этим обстоятельством и предлагали уплатить налог за крестьян в обмен за новые повинности или оброк натурой, что, в конечном счете, еще более ухудшило бы положение крестьян"³⁹.

Власти ответили репрессиями. Вспыхнуло восстание, которое возглавил Атуспария. Выражая, прежде всего, интересы свободных крестьян-общинников, Атуспария в то же время стремился придать восстанию более широкий размах, привлечь в союзники и мелкую буржуазию городов и часть асендадос. Это выразилось в назначении им префектом департамента М. Москеры. Но в то же время Атуспария пытался не допустить революционной расправы восставших индейцев со своими угнетателями, проявляя колебания и идя на компромисс с городской буржуазией и церковью.

Уроженец Уараса Москера был внебрачным сыном богатого торговца и асендадо. Детство, полное лишений провел в семье матери. Тем не менее, ему удалось закончить школу и поступить в 1863 г. на юридический факультет университета Сан Маркос в Лиме, который он и закончил в 1868 г. Работал в ряде школ директором и учителем (Каука, Тумбес, Уарас). В политической деятельности стал участвовать в 1883 г., когда был избран от провинции Уарас в конгресс, собравшийся в Арекипе под эгидой временного президента контр-адмирала Лисардо Монтеро. Сражался против чилийцев в центральной сьерре в войсках Касереса, а затем и против Иглесиаса. В ходе борьбы с оккупантами и коллаборационистами М. Москера пришёл к пониманию, что только крестьяне

способны на последовательную борьбу с врагами родины. Он рассчитывал, что мелкие буржуазия в союзе с крестьянами может сыграть важную роль в укреплении власти генерала Касереса. Демагогические призывы Касереса к крестьянам захватить земли белых в центральной сьерре, сотрудничавших с врагом, действительно сыграли свою роль в привлечении на его сторону общинников-индейцев. Но уже вскоре после Анконского договора 1883 г. Касерес пошел на союз с асендадос, расстреляв ряд вождей крестьян; захвативших крупные латифундии. Но касеристские иллюзии еще оставались в толще крестьянской масс. Используя эти иллюзии крестьянства, Москера вел линию на придание восстанию про-касеристского характера. Он говорил, что Касерес, в жилах которого течёт индейская кровь, отменит подушный налог, восстановит империю инков, а Атуспария станет Апу-Инка, т.е. руководителем одной из территорий прежнего государства инков. Обращаясь к индейцам-солдатам, Москера демагогически провозглашал: "Вам возвратят узурпированную землю. Не будет налогов. Не будет бедных и богатых, так как вся земля будет принадлежать общине"⁴⁰. Но последовавшая деятельность Москеры, применение им выборочного террора против своих личных врагов - иглесистов, презрительное отношение к крестьянам, фактическая выдача правительственным войскам планов сражений, продемонстрировала истинные цели мелкой буржуазии. Его личные свойства - позерство и хвастовство, склонность к попойкам и любовным похождениям, когда требовалось наивысшее напряжение всех сил души и ума, сыграли отрицательную роль в решающие моменты восстания.

Наиболее радикальные позиции среди руководителей восстания занимал индеец Педро Кочачин или Педро Учку (учку - на языке кечуа – дыра, пустота. Вероятно, это был намёк на то, что Педро Кочачина трудился забойщиком в руднике). Он родился в селении Атакеро на склонах Кордильеры Негра в районе г. Каруаса в 1835 г. Рано лишившись отца, Педро Учку помогал матери в обработке земельного участка. Затем он стал горнорабочим на руднике, принадлежавшем Хосе Лагуне. Одно время он был администратором небольшой асьенды Учкус в селении Тамбра. И тогда же получил прозвище "Учку". Неоднократно Учку Педро занимался перевозом урожая асьенды в Каруас и руды в Касму для вывоза ее в Лиму. Отец восьми детей (пятеро из них - сыновья) Учку Педро вёл трудную жизнь малоземельного крестьянина, переменяя ее извозом и работой в рудниках. Он занимался и сам старательством. Как явствует из его завещания 29 сентября 1885 г. он имел два

мелких рудника (bosamangas) в Каруампе, где добывал 30 марок серебра. Кроме того, ему принадлежали небольшие земельные участки в Атакеро. Но все это, очевидно, мало способствовало сколько-нибудь устойчивому положению семьи. Малоземелье гнало крестьян на рудники, но и здесь им пришлось столкнуться с безжалостной эксплуатацией и конкуренцией. Ненависть к асендадос и нуворишам- горнопромышленникам горела в сердце Учку Педро. Его поддерживало большинство крестьян и одновременно горняков-старателей и горнорабочих на севере Кордильеры Негра. Он был непримирим к торговцам-клерикалам и богатеям городов долины Кальехона де Уайлас и всегда призывал к решительному ведению боевых действий, к своего рода крестьянской "жакерии". Хосе Карлос Мариатеги считал, что Педро Учку более, чем Атуспария отражал дух индейского восстания. Ведь последний обращался к идее восстановления инкской империи, вряд ли возможной в это время. Да и надежды на то, что слабая буржуазия Перу сможет покончить с феодализмом и примет в качестве лозунгов требования индейцев о земле и отмене принудительного труда были весьма иллюзорны⁴¹.

Идеологом восстания, его романтической фигурой был генеральный секретарь восстания журналист Луис Фелипе Монтеструке. Он родился в Лиме 21 июля 1852 г. Окончил университет Сан Маркос. Участвовал в сражении при Уамачуко 10 июля 1883 г. в звании капитана национальной гвардии. Он был также секретарем командования армии Центра, которую возглавлял А. Касерес. После поражения в Уамачуко он скрывался в Уарасе, встав в ряды противников Иглесиаса. Хорошо зная страну, её историю, размышляя над прочитанными книгами, Монтеструке пришёл к выводу о необходимости воссоздания инкского государства на основе современных учений о коллективистском переустройстве общества. Именно средние слои должны, следуя тактике немецких социалистов, обучить и организовать крестьян с целью совершения социальной революции, которая неизбежно должна привести к коллективному владению землей и орудиями труда⁴². Свою программу Монтеструке изложил на банкете сразу же после захвата индейцами столицы департамента Анкаш Уараса. Эрнесто Рейна приводит в изложении ряда свидетелей событий эту речь. В ней, в частности, Монтеструке говорил, что "современное Перу - это лишь отвратительное наследие и продолжение испанских колониальных порядков. Война за независимость была революцией против метрополии: белых против белых, привилегий против приви-

легий. Сейчас же необходима революция "социальная", угнетенных против угнетателей, "индейцев" против "белых". Индейцы имеют право на восстание - их дело свято, ибо они борются за справедливость. Он напомнил о действительно индейских движениях, имевших место в Перу - восстаниях Манко Инки, Тупак Амару, Пумакауа и Хуана Сантоса Атауальпы, а также совсем недавние - в Уанкане, Чукуйто, Уанте, Куско и Аякучо, подавленных с помощью оружия "негодами"⁴³.

Эта речь была выслушана с явным негодованием более умеренными элементами городского населения Уараса, примкнувшими к восстанию в чисто политических целях борьбы со сторонниками Иглесиаса. Монтеструке пытался также придать восстанию идеологическую и национальную окраску, взывая к инкскому прошлому крестьян и называя Атуспарию "Апу Инка". В другой речи, вдохновляя индейцев перед сражением за Юнгай, Монтеструке сказал, что "Перу после войны с Чили обескровлена и подавлена. Народ жаждет новой силы, которая оживила бы ее умирающие душу и тело. Эта сила должна исходить, прежде всего, из низших слоев народа, а лозунг ее можно выразить в двух словах: "Землю - всем". И время для этого лозунга уже наступило, ибо вся страна разрывается персоналистскими амбициями различных каудильос"⁴⁴. Имеются свидетельства, что в ходе восстания Монтеструке издавал газету "Эль Соль де лос Инкас", хотя до сих пор не найден ни один ее экземпляр. Хосе Карлос Мариатеги, хотя и критикует многие высказывания Монтеструке как проявление "бескрылой фантазии", свойственной людям, живущим "в тропиках", тем не менее признает, что "восстание в Уарасе без программы "Эль Соль де лос Инкас" было бы одним из многих мятежей индейцев нескольких общин, в которых иссякли пределы покорности и терпения"⁴⁵. Массовость движения и лозунг борьбы за землю, перевешивают некоторые аристократические, расовые моменты программы Монтеструке⁴⁶. Таким образом, уже состав руководителей, их взгляды свидетельствовали о неоднородности восставших. Общим был отказ признать подушный налог и представителей власти, назначенных Иглесиасом. Но городская мелкая, средняя буржуазия и горнопромышленники настаивали в первую очередь на восстановлении "порядка" и, главным образом, на прекращении актов стихийной мести крестьянства против асендадос. Индейцы-общинники придавали первостепенную важность возврату земли, расправе с угнетателями-латифундистами и с "белыми" жителями города.

С бегством Норьеги в Лиму, власть в департаменте перешла в руки восставших. Москера как префект департамента Анкаш во главе с вооруженным отрядом численностью 80 человек и 2 тыс. сопровождавших его крестьян направился по Кальехону де Уайлас с целью обеспечить присоединение всех селений и городов долины реки Санта к восстанию. 15 марта был занят г. Каруас, где 8 тыс. индейцев во главе с Учку Педро присоединились к восстанию. Индейцы разграбили и подожгли дома торговцев и крупных асендадос, был сожжен городской архив. Но прибытие в город Атуспарии остановило дальнейшее развитие классовой мести. Большую роль сыграла в этом религиозность индейцев, перед которыми с проповедью мира выступил влиятельный священник Уараса Фидель Оливас Эскудеро⁴⁷.

Атуспария публично осудил действия Учку Педро, заявив в присутствии собравшихся на центральной площади индейцев: "для того, чтобы победила революция, нужно быть солдатами ее, а не разбойниками, поджигателями и убийцами... Я полон решимости наказать нарушителей порядка. После победы революции все станут владельцами земли и не будет ни богатых, ни бедных, как это было во времена инков. Такого рода стычки между Атуспарией и Учку Педро происходили и впоследствии. Действительно, на первом этапе тактика компромисса как будто приносила успех. Без сопротивления к восстанию присоединились города Карас и Юнгай. Но богатые метисы-буржуа города и асендадос стали тайно создавать городскую гвардию. Эдуардо Чуэка, богатый горнопромышленник, субпрефект, назначенный Москерой, ничего не сделал, чтобы предупредить формирование контрреволюционных сил. Открыто они выступили, когда в конце марта стало известно о высадке правительственных войск в порту Касма.

В Юнгае городскую милицию возглавил богатый алькальд одного из районов города Мануэль Росас Вильон, который провозгласил временным префектом Анкаша богатого асендадо Юнгай Игнасио Фигероа Фернандеса. Индейцы, жившие вокруг Юнгай, 29 марта решительно бросились на штурм. Их возглавил чумак Симон Бамбарен, проживавший в селении Чукибамба (вблизи Юнгай). Другим вождем индейцев Юнгай был сельский староста Хосе Орубио по прозвищу "Кори Бланко" ("белое золото" - на языке кечуа). Около 2000 индейцев, вооруженные палками, пращами, ножами, мачете, и устаревшими ружьями пробивались почти до центральной площади Юнгай, но были рассеяны плотным огнем городской гвардии. Вождь индейцев Симон Бамбарен был преда-

тельски захвачен в плен, а затем расстрелян. Но гвардейцы не сумели захватить Манкос, находившийся в одной лиге от Юнгая. Они были разбиты, натолкнувшись у Ранграирка на засаду индейцев⁴⁸. Вторая атака Хосе Орабио на город 30 марта снова не удалась - свыше 80 индейцев остались лежать на поле сражения рядом с центральной площадью города. Зверская расправа с индейцами подняла на восстание новые слои крестьянства. На помощь к ним пришли Москера и Учку Педро. Однако Москера почти неделю вел переговоры с властями города об условиях сдачи. Со стороны городской гвардии Юнгая, не имевшей достаточных запасов патронов, это было лишь уловкой с целью дожидаться подхода правительственных войск. Касеристы и церковники сдерживали порыв крестьян, опасаясь расширения и углубления классовой войны. Но индейцы были настроены решительно. "Мы должны уничтожить Юнгай, а затем идти на Касму" - говорил Учку Педро. Присутствовавший при этом разговоре Москеры с Учку Педро священник из Уараса Фидель Оливас Эскудеро, имевший большое влияние на индейцев, стал угрожать индейскому вождю муками ада за разрушение Юнгая. Учку Педро высмеял речи Эскудеро: "Если есть ад, то первыми туда попадут гамоналы"⁴⁹.

6 апреля индейцы в третий раз пошли на штурм Юнгая, и защитники его, видя невозможность сопротивления, бежали из города. За исключением ряда непосредственных руководителей обороны города (в частности, был убит начальник городской гвардии М. Вильон) в городе мало кто пострадал. Атуспария и Москера предотвратили стихийные расправы. "Разграблен был, как и в Уарасе ряд лавок китайцев. Богачи откупились отправкой восставшим денег и продуктов питания. И вновь церковные власти Юнгая во главе с Ф. Эскудеро организовали пышное церковное представление, чтобы отвлечь индейцев от мести угнетателям"⁵⁰.

За день до взятия Юнгая восставшие индейцы Пуэбло Либре захватили асьенды, принадлежавшие сторонникам свергнутых властей, затем тысяча вооруженных пиками и пращами крестьян заняли город. Город Карас сдался без сопротивления, уплатив восставшим выкуп в 12 тыс. серебряных солей. После победы восстания в северных районах Кальехон де Уайлас крестьяне добились успехов и на юге, где были захвачены Уари, Помабамба, Пальяска и Айха. Вот как анализировал причины восстания в Уари 25 мая 1885 г. уже после разгрома восстания, назначенный тогда крестьянами субпрефект Федерико Касерес: "Причиной восстания в нашем департаменте было введение подушного налога, а также стра-

стное стремление покончить с властями, которые превратили свои должности в инструмент самого грубого и отвратительного деспотизма, произвола, самоуправства и личной мести."⁵¹ Следует принять во внимание, что крестьяне Уари хорошо помнили об унижениях, притеснениях и самодурстве гамоналов, узурпировавших их права на воду и на землю. Они видели, что гамоналов в этом поддерживали власти, посылавшие солдат на усмирение недовольных, доводившие до полного физического истощения крестьян на так называемых "общественных работах" (република). В середине марта к восстанию примкнули индейцы Айхи, недовольные установлением подушного налога, а также принудительным трудом на восстановлении участка железной дороги между Айха и Уармеем. Их возглавил Педро Ноласко Леон родом из касиков. Позднее он присоединился к Учку Педро, одному из тех вождей восстания, которые остро осознавали необходимость возврата земель крестьянам. Так, например, в Кордильере Негра община Экаш, ссылаясь на свои древние права на землю, распределила владения асьенд зоны Вертиентес, вблизи Каруаса и Юнга, среди своих членов⁵².

Остатки правительственных войск бежали в порты косты - Касму, Сайту и Уармей, где с трудом удерживали свои позиции. В середине марта в Касму и Уармей прибыли первые подкрепления из Лимы во главе с полковником Лоренсо Районом Гонсалесом. Войска были хорошо вооружены, им была придана артиллерийская батарея. Одновременно шла мобилизация китайских кули на асьендах Уармея, Кулебраса и Касмы, расположенных на косте. Узнав о подготовке правительственных войск к наступлению, крестьянские отряды расположились на склонах гор, в ущельях и на дорогах, ведущих в сьерру. 4 тыс. индейцев во главе с братьями Солис - Гомеро, Дорадо и Ласо расположились на дороге Яутан-Чакчан. В ущелье Кильс, ведущей в Юнгай, дорогу карателям преградил отряд в 2 тыс. человек во главе с Учку Педро. 26 марта войска возглавляемые Гонсалесом после ожесточенных боев заняли Яутан, Париакото и асьенду Чакчан в одном переходе от Юнга. Но через несколько дней они были вынуждены вернуться в Касму - с вершин гор индейцы обрушивали на карателей огромные камни, засыпая их градом метких бросков из пращей.

Гонсалес с трудом удержал войска от мятежа, и уже не помышлял об активных действиях. Часть солдат разбежалась. Асендадос косты организовывали собственные отряды из негров и китайцев, боясь атаки со стороны индейцев, сосредоточенных на склонах Черной Кордильеры. К восставшим крестьянам переходили и за-

контрактованные индейцы сьерры, закабаленные владельцами асьенд путем долгового рабства⁵³.

В этих условиях правительство Иглесиаса 8 апреля 1885 г. сместило Норьегу с поста префекта Анкаша, назначив вместо него полковника Хосе Ираолу. В Лиму был отозван и Гонсалес, и новым командующим экспедиционной армии, прибывшей в Касму из Лимы 12 апреля, был назначен полковник Мануэль Кальитрос Кирога. Войска эти состояли из двух батальонов пехоты, полка кавалерии и двух батарей, вооруженных новейшей военной техникой.

Первым же декретом Ираола 15 апреля отменил подушный налог и другие чрезвычайные сборы, а также бесплатный труд на общественных работах⁵⁴. Естественно, что такой декрет вызвал смятение среди восставших, ибо возникли разногласия между индейцами и метисами, между партизанами и их вождями - алькальдами самых богатых общин. Не случаен и маршрут правительственных войск на Юнгай, где наиболее сильны были позиции противников восстания. 17 апреля через горный проход Кильо Ираола направился к Юнгаю. Отряды Учку Педро в ряде сражений пытались остановить марш хорошо вооруженных правительственных войск. Они сбрасывали огромные камни на всем пути следования карателей, но не сумели предотвратить занятия Юнгая 24 апреля. Характерно, что Москера - главнокомандующий войсками восставших - не оказал помощи Учку Педро и не организовал своевременной защиты Юнгая - город оказался без защитников. Москера находился в Каруасе, пьянствуя на собственной свадьбе. Он медленно начал продвижение к Манкос недалеко от Юнгая. Когда один из вождей индейцев Анхелес Байлон выразил недовольство этой медлительностью, на деле означавшей предательство интересов восставших, Москера убил его выстрелом из револьвера⁵⁵.

Подозрительными были и действия самого Атуспарии, который поспешно возвратился 17 апреля в Уарас якобы для рекрутирования индейцев для помощи Учку Педро. Нерасторопность вождей восстания, по-видимому, объяснялась не только недостатком военных знаний, но и стремлением полностью не исключить возможности компромисса с Ираолой во имя общих интересов буржуазии - торговой, горно-промышленной и аграрной - Анкаша.

Асендадос Юнгая с ликованием встретил прибытие Ираолы. Аристократов Юнгая возглавлял богатейший землевладелец Анкаша Игнасио Фигероа, бывший префект и депутат конгресса от провинции Уайлас, и сенатор от департамента Анкаш. Во главе с группой асендадос он стремился увековечить в Юнгае крепостни-

ческие порядки, используя насилие, традицию и религию, чтобы заставить индейца пасти стада крупных землевладельцев, перевозить продукцию асьенд на косту, бесплатно трудиться на городской усадьбе. На своей плантации сахара в Помакучо Фигероа построил тюрьму, где в колодках и в цепях томились крестьяне, осмелившиеся поднять голос протеста⁵⁶. Именно Игнасио Фигероа, чьи асьенды были заняты крестьянами в Кордильера Негра, способствовал созданию в Юнгае городской гвардии во главе с алькальдом дистрикта Мануэлем Росасом Вильоном. Гвардия была разбита в марте, но асендадос продолжали плести интриги против восставших.

Первыми подоспели к Юнгаю отряды в 5 тыс. человек (из них лишь 200 вооруженных огнестрельным оружием) в главе с генеральным секретарем восстания Монтеструке. На рассвете 24 апреля индейцы пытались ворваться в город через мост Каликанто. Здесь развернулись кровавые столкновения. Но хорошо вооруженные 800 человек правительственных войск и городская гвардия отбили все атаки. Решающую роль сыграл огонь артиллерии, косившей сотни наступающих индейцев. В этом сражении был смертельно ранен Луис Фелипе Монтеструке, убит другой вождь восстания Анхелес Байлон. Были тяжело ранены многие алькальды общин. По различным источникам погибла одна тысяча и ранено 2 тыс. индейцев⁵⁷. Авангард восставших вынужден был отойти к окружающим город Юнгай горам.

На следующее утро 26 апреля 5-6 тыс. восставших индейцев, несмотря на поражение, вновь атаковали Юнгай. Правительственные войска еще успешнее использовали артиллерию - атакующие, неся огромные потери, откатились к штаб-квартире основного сосредоточения индейцев - Манкос. Москера, медливший в решающие дни сражений, решил вступить в переговоры с Ираолой. Этому способствовала прокламация Ираолы 26 апреля 1885 г., в которой он заявил, что не имеет иных целей, как защитить жизнь, спокойствие и асьенды жителей Анкаша⁵⁸. Этот призыв был обращен к асендадос-метисам, чьи асьенды с радикализацией восстания, стали распределяться индейцами между собой.

27 апреля Москера направил парламентарера в Юнгай с письмом, в котором предлагал Ираоле оставить город и честно сразиться в открытом поле, не отсиживаясь за стенами города. Он угрожал Ираоле, что 50 тыс. индейских солдат в его распоряжении не оставят камня на камне от города⁵⁹. По сути дела Москера выдавал врагу план военных действий, ибо Ираола, естественно, не соби-

рался пойти навстречу его предложениям. Как опытный военный Ираола знал, что в городе его малочисленному отряду легче отражать атаки индейцев. Он намеревался расстрелять практически безоружных крестьян на улицах Юнга и выйти в открытое поле только для преследования остатков разбитых отрядов восставших. Между тем у правительственных войск катастрофически уменьшались запасы снарядов и патронов, а также продовольствия. По сообщению Ираолы в военно-морское министерство 27 апреля войска в Юнгае не могли выдержать осады более 8 дней из-за недостатка боезапасов и подавленного состояния в связи с бесстрашием атак крестьян и их численным превосходством⁶⁰.

Прибытие подкреплений в Манкос из Уараса во главе с Атуспарией подняло дух восставших. Они отвергли попытки Москеры добиться перемирия, вполне обоснованно подозревая его в измене. Крестьяне горели яростным желанием немедленно отомстить своим угнетателям, хотя, вероятно, можно было бы еще подождать подкреплений из других районов - Чикьяна, Рекуая, Пуэбло Либре, Уаты, Уайласа и др., где шла усиленная мобилизация крестьян. Москера вновь известил Ираолу, что в сложившихся условиях не может вести переговоров, так как "орды, которые меня окружают, требуют от меня взятия Юнга огнем и мечом"⁶¹. Ответ Ираолы не заставил себя ждать. С презрением Ираола писал, что он "имеет достаточно сил, чтобы наказать раз и навсегда эту толпу, которая не повинует даже своим вождям. Они могут атаковать, когда хотят. Я ожидаю их спокойно, ибо ответственность за всё, что произойдет, падет не на меня, а на всех тех, кто стоит во главе буйных и неудержимых масс"⁶².

28 апреля около 12 тыс. индейцев (из них лишь 200 имели устаревшие ружья с небольшим запасом патронов) атаковали Юнгай. Непосредственными руководителями их в этой атаке были полковники Хусто Солис (метис) и Мануэль Гранадос (индеец). Яростно шли на штурм индейцы, но каждая их атака отражалась пушечным огнем. Битва длилась более четырех часов. Ранены были Атуспария и Гранадос, которые с остатками своих отрядов отступили в Уарас. До самого вечера сражались индейцы во главе с Уч-ку Педро, Хосе Оробио и братьями Сориано. От одной тысячи до двух тысяч индейцев было убито. 53 индейца, захваченных в плен, были расстреляны после того, как они вырыли собственные могилы.

Хосе Оробио подвергли наказанию плетьюми, дав ему 200 ударов, а затем расстреляли. Когда его секли, он, издеваясь над свои-

ми палачами, кричал "Добавь еще, добавь еще, хозяин, я еще жив!" Братья Сориано, также попавшие в плен, отказались копать собственную могилу и были расстреляны немедленно. В живых остался Учку Педро, который безуспешно проводил атаки на Юнгай до 29 апреля, а затем отступил к Уарасу⁶³. По сути дела сражение было безжалостной бойней, ибо у индейцев не было современного оружия, а их вожди не сумели правильно использовать численное превосходство. Правительственные войска потеряли лишь несколько раненых. Сражение за Юнгай стало началом поражения восстания Атуспарии. В декрете 30 апреля Хосе Ираола объявил об амнистии всем сложившим оружие.

К 3 мая Ираола подошел к г. Уарасу. В это время здесь при большом скоплении индейцев праздновался местный церковный праздник "Сеньор де ла Соледад". (Христос в пустыне. - И.Я.). Религиозность индейцев проявилась столь выпукло, что даже грозящая опасность со стороны правительственных войск не заставила крестьян прекратить своё участие в этом празднестве. Церковная верхушка и мелкая буржуазия города, пытаясь отвлечь крестьян от подготовки к отражению наступления правительственных войск, устроило пышное шествие с образом Христа. Мало того, индейцы получили водку от богатых жителей города. Священник, руководивший празднеством, постоянно призывал индейцев "выполнить сначала свой долг перед богом", а затем уже готовиться к обороне. Обратясь к образу "Сеньора де ла Соледад" священник воскликнул: "Боже! Дай нам победу! Боже! Победим ли мы?" И вот "Сеньор де ла Соледад" на эту мольбу качнул отрицательно головой". Растерянность и уныние охватили индейцев. Многие бросились бежать. Учку Педро рванулся к фигуре, изображавшей бога: "Изменник! Ты предался белым! Я изрублю тебя топором!" Но он был остановлен Атуспарией⁶⁴. Окончание процессии совпало с подходом к городу Уарасу правительственных войск. Большинство индейцев к тому времени были пьяны и не способны были сопротивляться. Лишь около тысячи их во главе с Х. Солисом и Учку Педро, сражаясь, отступили в горы. Уарас пал. Атуспария укрылся в одном из домов Уараса, тяжело раненый. Однако скоро место его укрытия стало известно Ираоле, который лично посетил Атуспарию. По просьбе буржуазии Уараса, чьи дома Атуспария лично оградил от нападения восставших крестьян, Ираола дал ему охранную грамоту⁶⁵. Все это было сделано с целью внесения еще большего раскола в руководство восстания - ведь первый руководитель восстания Атуспария призывал индейцев прекратить сопротивление.

Ночью 3 мая началось безжалостное уничтожение захваченных в плен индейцев - около 500 крестьян были отведены на кладбище, выкопали общую могилу и убиты⁶⁶. 7-9 мая Учку Педро, собрав в одну группу бежавших у Уараса индейцев, многократно, но безуспешно атаковал столицу департамента. Готовясь к новому штурму мая, Учку Педро предложил Х. Солису, руководителю индейских отрядов Кордильеры Бланка, поджечь дома в Уарасе и выманить правительственные войска из города для сражения в горы, где они не выдержали бы "горной болезни", и не были бы способны к активным действиям. Но Х. Солис, кадровый военный и мелкий земельный собственник, видя деморализацию своего отряда в связи со сдачей Атуспарии врагу, скудость продовольствия, рост дезертирства крестьян ввиду начала сезона уборки урожая, решил воспользоваться амнистией. 11 мая его отряд отошел от Уараса, а затем, сдав оружие, рассеялся по асьендам и общинам. Предварительно было получено заверение Ираолы об отмене подушного налога и их личной безопасности⁶⁷.

Не зная об измене Х. Солиса, Учку Педро отдал приказ начать новый штурм Уараса. 20 алькальдов Кордильеры Негра повели в решающее сражение индейцев, большей частью горняков, вооруженных ножами и мачете. Индейцам удалось захватить мост Каликанто и проникнуть в квартал города Уарипампа. Они подожгли соломенные крыши домов и укрепились за ними, сопротивляясь натиску кавалерии и пушечному обстрелу правительственных войск. К вечеру убийственный огонь сделал свое дело - индейцы побежали вспять к мосту, где многие из них были затоптаны на смерть кавалерией. Пленных не брали. Трупы тысяч индейцев были рассеяны по склонам гор. 300 индейцев ушли в Кордильеру Негра, начав партизанскую войну. Здесь, в районе достаточно развитой добычи серебра, меди и свинца, особенно быстро шло разложение крестьянства, терявшего свою землю у подножий гор под напором асендадос и вынужденного идти работать на рудники, принадлежавшие большей частью иностранцам. В крестьянах еще жила надежда вернуть свою землю, и они вернули ее, хотя и на непродолжительное время в ходе крестьянской "жакерии" в мае-сентябре 1885 г. Педро Кочачин, мелкий горнопромышленник и землевладелец одновременно, овладев динамитом - орудием труда в шахтах, превращенным в оружие мести, - в течение нескольких месяцев нападал на асьенды, разрушал рудники, налетал на транспортные колонны и денежные экспедиции правительства от Юнгая до косты. Но круг преследователей все более смыкался. Преда-

тельство кума Учку Педро Франсиско Артеаги привело к захвату крестьянского вождя. 29 сентября 1885 г. он без суда и следствия был расстрелян, а труп его бросили на пустыре, ибо священник отказался предать его земле.

Его тайком похоронил протестантский священник на склоне горы у руин инкской крепости⁶⁸. Мелкая буржуазия городов Кальехона де Уайласа, напуганная радикализмом крестьянства, вступив в городскую гвардию Уараса, Каруаса, Юнгая и Караса, жестоко мстила индейцам, особенно тем, кто проживал в Кордильера Негра, тем, кто шел за Учку Педро. И было за что - ведь в большинстве своем они владели асьендами в Кордильере Негра, теми асьендами, которые во время восстания были заняты вооруженными крестьянами. Вот как описывал расправу городской гвардии Каруаса сын Учку Педро Мануэль Кочачин в письме в "Эль Комерсио" от 4 февраля 1886 г.: "под предлогом преследования и убийства всех тех, кого они называли преступниками, были подожжены все наши дома, включая асьенду, и уведен не только весь скот и овцы, захвачено не только серебро, которым мы честно и законно владели, но даже капиталы асьенды. Мы были доведены до такой нищеты, что нам даже нечего было одеть... Городская гвардия Уараса захватила на асьенде группу беззащитных и безропотных индейцев, которые были казнены на пути в пуну на том лишь основании, что они подчинялись моему отцу"⁶⁹. В ходе восстания пали тысячи крестьян. Асендадос снова обложили их налогами и поборами за пользование водой, пастбищами, за сбор дров в лесах. По данным французского историка Ж. Пьея, было расстреляно 10 тыс. индейцев⁷⁰. Но в то же время был отменен подушный налог и бесплатный труд на городские власти - губернатора, префекта, субпрефекта, священника и судью⁷¹.

Причины поражения восстания были связаны с разнородностью участвовавших в нём социальных сил. Главной боевой силой восстания были индейцы, но руководство им находилось в руках алькальдов индейских общин и селений, склонных сотрудничать с буржуазными элементами городов. Атуспария больше всего заботился о "порядке" в городах, захваченных индейцами. Москера, называя рвавшихся в бой крестьян "ордой", призывал к "уважению частной собственности. Вследствие этой позиции бескомпромиссный индейский вождь Учку Педро в решающих сражениях за города Юнгай и Уарас был покинут своими мелкобуржуазными союзниками Москерой и братьями Солис - ведь именно он возвратил земли латифундий их настоящим владельцам - крестьянам-

индейцам. Крестьянские массы остались без союзников, без руководителей, их стремление покончить с полуфеодальным угнетением со стороны гаоналов и государства не вылилось в революционную программу. Индейцы выступали против увеличения подушного налога, против роста цен и навязывания новых принудительных форм труда. И когда власти заявили об отмене подушного налога, начались разногласия среди восставших. Без сомнения, надежда на помощь касеристов, политическая зависимость от верхушки городов, влияние религиозной идеологии ослабили революционный натиск крестьянства.

Подавление восстания в Анкаше определялось рядом причин, присущих крестьянским движениям. В первую очередь, это локальность восстания - оно не вышло за пределы департамента. Крестьяне как класс не имели четкого представления о своей роли в обществе, отсутствовали ясные цели преобразования страны, за исключением утопических иллюзий восстановления инкского государства. Политически они пошли за своими мелкобуржуазными вождями, которые, как, например, Москера и в известной степени Атуспария, старались придать восстанию касеристский оттенок. Отсутствовало и единое политическое и военное руководство, что и привело к роковым стратегическим и политическим просчетам. Так, разногласия в рядах повстанцев вылились в продолжительную борьбу за Юнгай и Карас. Москера и Атуспария надеялись на сотрудничество с асендадос этих городов. Но асендадос и метисы вовсе не желали отказываться от своих земель, от подневольного труда крестьян. Огромное воздействие церкви на крестьян сыграло негативную роль в судьбе восстания. Церковь как верный страж существующего порядка серьезно ослабила наступательный порыв восставших, а в ряде случаев, как при обороне Уараса, сыграла предательскую роль. Первые поражения привели к растерянности и расколам в крестьянской армии, чем незамедлительно и умело воспользовались правительственные войска. Крестьяне Кордильеры Бланка в решающий момент штурма Уараса отрядами Учку Педро пошли на перемирие с Ираолой. И, конечно, важную, если не решающую роль сыграло превосходство правительственных войск в организации, вооружении и стратегии ведения боевых действий. Так, именно отсутствие военного опыта крестьян облегчило переход правительственных войск от косты через Кордильеру Негра в долину Кальехон де Уайлас. Столь же непродуманными были действия крестьян при сражении за Юнгай. Вместо того, чтобы провести правильную осаду города, вызвать правительственные

войска на сражение в поле, крестьяне-индейцы раз за разом бросались на штурм, не имевший никаких шансов на успех. Руководство восстанием в лице Атуспарии и Москеры несет главную ответственность за катастрофический исход борьбы за Юнгай. Они были напутаны размахом восстания, и, видимо, предпочли воспользоваться импульсивностью восставшего народа, бросавшегося в безнадежные атаки с целью ослабить наиболее радикальных руководителей восстания.

Судьба Атуспарии показательна. После прихода к власти Касереса, он направился к нему на прием и был тепло принят новым президентом. Это окончательно дискредитировало его в глазах индейцев, которые не забыли, что Атуспария самоустранился от руководства в завершающих боях за Уарас. Как предательство расценили индейцы и его визит к Касересу, не доверяя высказываниям последнего о любви к индейцам, наказании Ираолы и отмене подушного налога. Сорок общинных старост Уараса 25 августа 1887 г. приговорили Атуспарию к смерти, заставив его выпить отравленную чичу, в качестве наказания за измену своей расе. Старейший староста, отмечая оправдание Атуспарии о том, что он хотел лишь, чтобы не было кровопролития, ответил: "Нет, это не так. Ты действовал заодно с метисами. Ты шел против нас, а не с нами. Поэтому мы даем тебе этот напиток прощания"⁷².

Крестьянское восстание в Анкаше не было одиночным проявлением классовой борьбы крестьянства Перу. Против налогового гнета и насилий гамоналов восставали крестьяне в различных частях страны. Крайняя слабость правительства Иглесиаса, осаждаемого нападениями сторонников Касереса, способствовала росту самосознания крестьян. Еще в годы Тихоокеанской войны асьенды центральной сьерры захватывались крестьянами под предлогом расправы за сотрудничество их хозяев с оккупантами. В долине Мантаро вооруженные крестьяне вели войну в 1884-1886 гг. с асендадос, игнорируя предупреждения Касереса⁷³.

В апреле-мае 1884 г. индейские волнения произошли в Серроде-Паско, Уануко и Кахамарке. В Пуно в 1886 г. против налогов и господства белых восстали индейцы. Национальная гвардия, убив 200 человек, подавила восстание. В Кастровиррейне (департамент Уанка велика) в 1887 г. 300 индейцев захватили префекта, вынудив его изменить форму уплаты налогов. Такого же рода взрыв произошел в 1887 г. Чиклайо, где движение против уплаты налогов привело к возведению баррикад на улицах города, и спокойствие было установлено после уступок алькальда⁷⁴. Как и восстания

Атуспарии, эти вспышки и волнения носили региональный характер, во многих случаях не имея ни четкой политической и идейной программы. Добиваясь определенных успехов, смещая некоторых правительственных чиновников, наказывая наиболее одиозных представителей власти, руководители крестьян склонялись к компромиссу, оказываясь под влиянием той или иной группировки господствующей в стране.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЕННЫХ К ВЛАСТИ. КОНТРАКТ ГРЕЙСА

В результате народных выступлений в различных районах Перу ослабляется правительственный аппарат, что усиливало позиции генерала Касереса в ходе развернувшейся в стране гражданской войны.

В конце марта 1885 г. А. Касерес, собрав силы в Арекипе общей численностью в 4 тыс. человек, начал активные боевые действия. 30 апреля он вступил в Аякучо, а в мае его войска отбили у правительства г. Трухильо - важный экономический центр северной косты. В июле войска Касереса расположились в г. Тарме (департамент Хунин) в центральной сьерре, примыкающей к Лиме. Правительственные войска численностью в 3 тыс. человек, попытались подавить в октябре эту группировку, но Касерес, маневрируя, отошел к Хауке, южнее Тармы, сохранив свои силы. Здесь в ноябре в районе Уарипампа на левом берегу реки Мантаро состоялось первое столкновение двух армий. Касерес, сохранив основные силы, отступил. Однако глава правительственных войск полковник Релайса посчитал, что одержал решительную победу. Уничтожение остатков разбитого войска Касереса не представлялось ему трудным. Поэтому он расположился на отдых, в то время как Касерес переправлялся на правый берег Мантаро. Бездействие Релайсы Касерес использовал умело. Быстрым маршем он направился к г. Чикле, конечному пункту Центральной железной дороги. Здесь он погрузил войска на поезд и направился к Лиме⁷⁵. Правительственных войск в Лиме оказалось очень мало. В конце ноября 1885 г. после нескольких дней сражений Иглесиас был окружен в президентском дворце. Жители Лимы активно помогали Касересу. 1 декабря 1885 г. Иглесиас был вынужден сложить свои полномочия, передав власть Совету министров во главе с Антонио Аренасом. Группировка полковника Релайсы в этих обстоятельствах сложила оружие. На прошедших в мае 1886 г. выборах президен-

том в отсутствие соперников был избран победитель генерал А. Касерес, приступивший к исполнению своих обязанностей 3 июня 1886 г. Иглесиас еще в декабре 1885 г. покинул Перу. Касерес создал Конституционную партию, состоявшую из военных и политических деятелей центральной сьерры - асендадос и горнопромышленников. Его поддержала и большая часть сивилистов - партии представлявшей прежде всего сахарных плантаторов косты, деловые и финансовые круги.

Гамонал

Касерес пришел к власти, когда страна была на грани полного разорения, уменьшилось ее население в результате гибели людей на полях сражений и от голода. Казна была пуста⁷⁶. Торговые фирмы Лимы не имели капиталов, чтобы возобновить торговлю. Страну давил громадный внешний долг. Транспорт был разрушен.

Ирригационные каналы и сельскохозяйственный инвентарь поместий побережья были заброшены и разграблены. Производство сахара на побережье уменьшилось наполовину. Горнорудная промышленность бездействовала. Рабочая сила рассеяна по стране.

Правительство А. Касереса в поисках средств установило налоги на потребление табака и алкоголя, ввело монополию на опиум, повысило сборы за гербовые документы. Были уменьшены расходы на госаппарат, уволена часть чиновников, снижены на 40% ставки зарплаты и на 1/3 пенсия служащим. В интересах крупных собственников проведена реформа денежного обращения, причем один серебряный соль обменивался на 10 бумажных солей.

Эта реформа способствовала оживлению торговли на косте. В 1886 г. был проведен так называемый закон о "децентрализации фиска". Согласно этому закону местные налоги впредь собирались и устанавливались департаментскими хунтами. Этот закон привел к повсеместному введению подушного налога и других налогов, легших тяжелым грузом на ослабленные хозяйства крестьян. Поскольку департаментские хунты возглавляли префекты, назначаемые лично Касересом, его контроль над департаментами не уменьшался. Гамоналы (т.е. полуфеодалыные асендадос сьерры) получали в то же время в свои руки действенное средство для принуждения крестьян и подневольному труду в своих асьендах - ведь вечно нуждающийся крестьянин-индеец в попытках уплатить подушный налог гнул спину в практически бессрочной долговой кабале хозяину. Закон 1886 г. о "децентрализации фиска" был своего рода платой Касереса своим союзникам гамоналам сьерры.

Большая часть государственных доходов после потери месторождения гуано и селитры происходила от таможенных пошлин. По бюджету 1885/1886 гг. из 16,1 млн. солей доходов 10 млн. солей давала таможня. Весомая часть доходов шла на госаппарат - 5 млн. солей; на армию и флот - 4 млн. солей, суд и образование - 1,5 млн. солей, на развитие торговли и экономики в целом - всего 1 млн. солей⁷⁷.

Правительство Касереса, выражавшее, прежде всего, интересы гамоналов и горнопромышленников сьерры, не видело иных путей к восстановлению разрушенной экономики, как привлечение в страну иностранного капитала. В этом его поддерживали крупные сахарные и хлопковые плантаторы, нуждавшиеся в кредитах. Будущее страны, ее прогресс ими виделось в росте экспортных отраслей, развитие которых требовало крупных капиталов.

И все же действия Касереса представляли собой вынужденный ответ на непрестанные требования иностранных, и прежде всего английских заимодавцев Перу о немедленном возобновлении выплаты процентов и основного капитала по огромному внешнему долгу.

В 1869, 1870 и 1872 годах Перу получила под залог залежей гуано на финансовом рынке Англии ряд займов, которые были направлены на конверсию предыдущих займов и строительство государственных железных дорог. В 1870 г. облигации внешнего займа были выпущены на сумму в 11,2 млн. ф. ст. по цене в 82 1/2 за 100 фунтовую облигацию, а в 1872 г. общая сумма займа составила 22 млн. ф. ст. по цене в 77 1/2 за 100 фунтовую облигацию⁷⁸.

Уже в ходе заключения соглашения о займе 1872 г. правительство президента Мануэля Пардо получило из 22 млн. ф. ст. лишь 13 млн. ф. ст., а после выплаты части своего долга французскому банкирскому дому А. Дрейфусу на строительство железных дорог от общей суммы займа осталось всего 5 млн. ф. ст.⁷⁹ Таким образом, реальный процент по долгам был значительно больше номинальных 6% за заем 1870 и 5% за заем 1872 г. На доходы от этих займов американский предприниматель Т. Мейгс, получив концессию правительства, предпринял строительство ряда железных дорог. Однако они не были завершены, когда в 1876 г. разразился финансовый кризис, после чего правительство Перу объявило о прекращении платежей по займам. Сокращение добычи гуано и трудности со сбором доходов от национализированных селитряных копей, отсутствие прибылей от железных дорог - все это обострило кризис.

Кредиторы ответили на отказ Перу уплачивать проценты по займам 1870 и 1877 гг. созданием "Комитета держателей облигаций внешнего долга Перу", который, опираясь на поддержку правительства Англии, требовал возобновления платежей. В 1878 г. президент Мариано Прадо согласился выплатить 300 тыс. ф. ст., но начало в апреле 1879 г. Тихоокеанской войны снова привело к прекращению уплат процентов по внешнему долгу Перу. В годы войны Англия открыто заняла антиперуанскую позицию. После окончания военных действий, когда Перу потеряла основной центр добычи гуано - департамент Тарапака, "Комитет держателей облигаций перуанского долга" поначалу обратился к Чили с требованием уплатить долги Перу в части, касающейся гарантии их доходов от гуано. Но они натолкнулись на твердый отказ - Чили соглашалась оплачивать лишь половину доходов от уже открытых залежей гуано в Тарапаке, которые находились на грани истощения. Это положение было зафиксировано и в Анконском договоре.

Английские дельцы вовсе не хотели отказываться от доходов от перуанского внешнего долга, который составил номинально с процентами около 51 млн. ф. ст.⁸⁰ Созданный англичанами "Комитет держателей облигаций перуанского внешнего долга" скупил на рынке все облигации, уплатив за них всего 3,2 млн. ф. ст., но, тем не менее, требовал от правительства Перу оплаты всей суммы долга с процентами⁸¹.

Ведущую роль в этом комитете занял Майкл Грейс. Ирландец по происхождению он вместе с братом Уильямом переселился в США в 1850 г. Совместно с англичанином Дж. Брайсом они созда-

ли судовую компанию по перевозкам перуанского гуано в 1868 г. В 1876 г. компания была зарегистрирована под названием "Грейс Бразерс энд К" в Лондоне. Основатель компании У. Грейс играл важную роль в политической жизни США - он дважды в 1880 г. и 1884 г. избирался мэром г. Нью-Йорка. В 1884 г. братья создали пароходно-пассажирскую компанию, обслуживавшую линию от Нью-Йорка к южноамериканскому побережью через Магелланов пролив, также зарегистрированную в Лондоне в качестве английской компании. В связи с крахом Г. Мейггса, строившего Центральную железную дорогу Кальяо-Ла Ороя, его наследники в 1885 г. продали все свои права на имущество и права Г. Мейггса М. Грейсу. М. Грейс сумел за счет родственных связей привлечь к своей деятельности видных членов консервативной партии Англии. (Его дочь Елена вышла замуж за сына лорда Доновмора, который принял активное участие в переговорах с правительством Перу. Он имел связи с заместителем главы Форин Оффис Дж. Понсефотом⁸²). Таким образом, фигура М. Грейса олицетворяла своего рода союз английского и американского капитала в Перу, хотя поначалу американская миссия в Лиме подозрительно относилась к действиям М. Грейса, ибо он оставался английским подданным⁸³.

М. Грейс стал действовать еще в 1884 г., но лишь с приходом в 1886 г. к власти президента Касереса⁸⁴ и созданием стабильного правительства, нажим на Перу усилился. В конце 1886 г. после согласования всех вопросов с "Комитетом держателей облигаций перуанского долга" в Лондоне М. Грейс представил правительству Перу требование банкиров. Кредиторы Перу должны были получить в собственность государственные железные дороги сроком на 75 лет, обязавшись достроить некоторые их участки. Им также передавались рудники в Серро-де-Паско, угольные шахты в Чимботе и рудники по добыче ртути в Уанкавелика (крупнейшие в мире), нефтеместорождения в Пьюре. Они претендовали на монопольную добычу и торговлю гуано вплоть до выплаты правительством 10 млн. ф. ст. долга. В руки банкиров предполагалось передать и сбор таможенных пошлин в порту Мольендо, им предоставлялось право на устройство пароходных линий на реках и озерах страны без уплаты пошлин и налогов правительству. Перу должна была допустить создание 8 английских поселений (колоний) в различных департаментах - Лорето, Хунине, Уануко, Амасонас, Куско, каждая из которых получала не менее 450 тыс. га. В свою очередь "Комитет" обязался выдать правительству 200 тыс. ф. ст. в течение 18

месяцев после ратификации соответствующего договора⁸⁵.

Этот проект аннулирования перуанского внешнего долга был столь одиозным, что даже правительство Касереса, склонное на сделку ввиду тяжелого финансового положения, не решилось его принять. Начались бурные дискуссии его в прессе и в конгрессе. Правительство создало комиссию в составе бывшего президента Франсиско Гарсия Кальдерона и видных политиков Аурелио Денегри и Франсиско Рохаса. В своем докладе президенту комиссия констатировала, что Перу обязана выплатить половину долга. Для выхода из разрухи и финансового кризиса Перу должна получить доступ к рынкам капитала в Европе, а этого нельзя добиться без соглашения с кредиторами и передачи под контроль железных дорог. Иных средств в распоряжении Перу нет. В заключении комиссии рекомендовалось принять предложение Грейса как основу для переговоров, ибо только "прилив в страну иностранного капитала даст ей (Перу. - И.Я) жизнь и движение"⁸⁶.

Столь неприкрытая линия опоры на иностранный капитал и практически безропотное принятие требований банкиров вызвали широкую оппозицию в стране. Против контракта выступили пье-ролисты и провинциальные политики. Во главе защитников интересов страны встал видный либерал, основатель в 1884 г. либеральной партии, политик и писатель, депутат конгресса Хосе Мария Кимпер (1828-1902 гг.). В своем памфлете, опубликованном в 1886 г. в Лиме "Las propuestas de los tenedores de bonos", он заявлял, что Перу не должна выплачивать никаких долгов, ибо они обеспечивались гуано и селитрой в захваченных Чили департаментах. Он особо указал на опасность суверенитету Перу, так как на деле англичане пытаются создать в стране нечто подобное режиму Ост-Индии, и Перу будет поглощено полностью Грейсом, либо теми, кому он передаст контроль над этим контрактом⁸⁷. Другой видный политический деятель Хосе Маркес, опубликовавший в Сантьяго-де-Чили в 1888 г. книгу "Финансовая оргия в Перу", писал: "Жадность спекулянтов ...направлена на то, что еще осталось у нашей несчастной страны, на то, что у ней еще можно отобрать. Жертва обескровлена, истощена, почти мертва. Незаживо! Еще можно высосать остатки ее крови. У ней есть еще рудники, железные дороги - необходимое условие их эксплуатации, плодороднейшие земли, дающие по четыре урожая в год, в то время как центральная Индия дает три, ее система речных путей, не имеющая равных в мире, ее неистощенные запасы каменного угля, более богатые, чем в Англии, и даже ее доходы от таможен, недостаточ-

ные сегодня для непосредственных и насущных расходов государства. И все это должно попасть в руки спекулянтов и ростовщиков. Ведь всегда найдется перуанский Исав, который жаждет чечевичной похлебки. Похлебка эта - погашение нескольких облигаций, стоимость которых обесценилась, и они выброшены за ненадобностью многими спекулянтами" ⁸⁸. Как отмечает Х. Басадре, приведший эту цитату, Х. Маркес видел в контракте Грейса попытку захватить рудники Серро-де-Паско, права на которые были приобретены Грейсом за ничтожную сумму у наследников Г. Мейггса ⁸⁹.

Выступал против контракта с Грейсом и один из лидеров сивилистской партии сенатор Мануэль Кандамо. Однако большинство руководителей сивилистов поддерживало переговоры с Комитетом. В мае 1887 г. министр финансов Х. Аранибар и представитель Комитета подписали в Лондоне соглашение, в общем совпадавшее в первоначальном его проекте, но с сокращением срока владения железными дорогами с 75 лет до 66 лет. Но ввиду протеста Чили, на которую возлагалась ответственность за выплату половины суммы внешнего долга, понадобился еще год интенсивных переговоров. Возвратившийся из Лондона министр финансов Аранибар был обвинен в конгрессе в капитуляции перед требованиями иностранной державы, и кабинет министров был вынужден подать в отставку. Мало того, в ноябре 1887 г. конгресс принял закон о возврате под контроль правительства Южной и Центральной железных дорог, находившихся в это время в концессионном владении М. Грейса. Лидер либералов Х. Кимпер едва не добился поста председателя палаты депутатов. Но преследование правительством лидеров оппозиции, закрытие газет "Эль Соль" и "Эпока", выступавших против контракта, мрачные перспективы дальнейшего развала экономики, рисуемые на страницах рупора правящих кругов "Эль Комерсио", постепенно ослабляли противников контракта. И тем не менее в 1888-1890 гг. понадобилось четыре чрезвычайных созыва конгресса и два обычных, чтобы в январе 1890 г. этот контракт был утвержден. При этом генерал Касерес, назначив на пост премьер-министра юридического советника Грейса Педро де Солара, воспользовался советом последнего и изгнал из конгресса депутатов оппозиции, проведя "избрание" своих сторонников ⁹⁰. Крупные масштабы принял подкуп депутатов Грейсом. Достаточно указать, что члены правительства Касереса получили по сообщению английского посланника взятку в 20 тыс. ф. ст. ⁹¹ Выдающийся революционный демократ Перу Мануэль Гонсалес Прада писал в эти годы о "конгрессе контракта Грейса - конгрессе нагло

продажном" и о правительстве Касереса, которое "представляло интересы Грейса"⁹². Противники контракта в конгрессе Х. Кимпер, Аренас и Гастон тщетно указывали на обесцененность облигации займов, на незаконность столь широкого залога национальных богатств⁹³.

Английские кредиторы в ответ на аннулирование внешнего долга Перу получили в свои руки громадные материальные ценности: все государственные железные дороги сроком на 66 лет (с 10 линиями стоимостью 17 млн. ф. ст.)⁹⁴; государственную пароходную компанию на озере Титикака; земли для колонизации в Монтанье площадью в 1,8 млн. га (160 тыс. кв. км.); концессии на серебряные рудники в районе Серро-де-Паско (они давали ежегодно серебра на 400 тыс. ф. ст.)⁹⁵; ежегодные выплаты правительством Перу в течение 30 лет 80 тыс. ф. ст. при условии строительства ряда новых железных дорог кредиторами, общей протяженностью в 160 км и завершение дорог Серро-де-Паско - Ороя и Хулиака - Санта-Роса; передачу 20 месторождений гуано с объемом производства в 2 млн. т. ежегодно; право на беспошлинное использование портовых сооружений в Мольендо, Писко, Анконе, Чимботе, Пакасмайо, Пайте и Салаверри⁹⁶.

Контракт правительства Касереса с Грейсом устанавливал новый тип отношений между Перу и иностранным капиталом. Если в период капитализма свободной конкуренции иностранный капитал проникал в Перу в виде займов, то в период империализма начались прямые капиталовложения, причем в Перу они с самого начала носили откровенно грабительский характер. Достаточно указать, что английские кредиторы, создавшие в 1891 г. для управления приобретенной в Перу собственности "Перувиан корпорейшен", получили за 20 лет доходов на 8,3 млн. ф. ст.⁹⁷.

Английский исследователь Р. Миллер приводит убедительные свидетельства современников о том, что "Перувиан корпорейшн" сознательно тормозила развитие товарного сельского хозяйства центральной сьерры путем установления высоких тарифов на перевозку продукции региона в Лиму. Об этом говорила газета "Эль Паис" от 24 августа 1895 г., сообщая, что "высокие транспортные расходы не дают стимула земледельцам производить для Лимы и рынков косты. В 1911 г. по свидетельству газеты "Эль Комерсио" скотоводы предпочитали перегонять скот вследствие практически запретительных тарифов на перевозки на центральной железной дороге. В 1917 г. комиссия министерства развития констатировала, что высокие тарифы на перевозку товаров на центральной и юж-

ной дороге были причиной, препятствующей "материальному развитию страны". И это обстоятельство негативно отражалось, прежде всего, на мелких и средних землевладельцах. Между тем крупные сахарные плантаторы и горнопромышленники перевозили свою продукцию к портам для внешней торговли по выгодным для них тарифам.

Характерно, что дополнительные дороги, построенные корпорацией к Пьюре и Трухильо, обслуживали экспорт хлопка и сахара, а Центральная железная дорога использовалась главным образом для вывоза на внешний рынок минералов⁹⁸.

"Восстановление доверия" к Перу в результате операции, проведенной Касересом и Грейсом, дорого обошлось стране в долгосрочной перспективе. Передача крупнейших богатств в руки английского капитала на много десятилетий определила направление развития экономики страны. Отныне иностранный капитал контролировал ключевые секторы, установив сложную сеть политической, экономической и идеологической зависимости от империализма. По оценке Х.К. Мариатеги "договор Грейса, утвердивший британское господство в Перу путем передачи государственных железных дорог английским банкирам... дал финансовому рынку Лондона залог и гарантии новых капиталовложений в перуанскую экономику. Перуанская экономика получила в результате практического закрепления ее колониального характера некоторую помощь для своего оздоровления. Окончание строительства железной дороги в Ороя сделало доступными промышленные перевозки в департамент Хунин, дав возможность эксплуатировать в широком масштабе его горные богатства"⁹⁹. В этом же направлении привлечения иностранных капиталов действовал закон о горных концессиях, принятый конгрессом в 1890 г., освобождавший иностранных предпринимателей от налогов сроком на 25 лет. Уверенная в своей монополии "Перувиан корпорейшн", не выполнила своих обязательств. Она лишь частично осуществила строительство железнодорожных линий. Продление линий железных дорог лишь частично способствовало развитию перуанского сельского хозяйства, например, товарного животноводства в центральной сьерре. Напротив, иностранный капитал (особенно американский) прочно обосновался в Серро-де-Паско, оттесняя перуанских предпринимателей.

¹ В результате войны Перу потеряла примерно 120 тыс. кв. км своей территории. См. - Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes Amérique du Sud. Les regions andines, XVIII. Paris. 1893. P. 489.

² Akers Ch. E. A History of South America. 1854 – 1904. Lnd., 1912. P. 531.

³ Deutsche Zentrales Archiv (Далее -DZA). Potsdam. AA II. N 12396. Blatt 28. - 27.3. 1885.

⁴ Manrique N. La guerra del Pacífico y la crisis de la fracción terrateniente de la sierra central del Perú (1879 – 1888). Lima, 1980. P. 24 - 28. По сведениям X. Басадре количество овец в Перу за годы войны снизилось на 80%. См. Basadre J. Historia de la república del Perú. 1822 – 1933. Séptima edición. T. VII. Lima, 1983. P. 26.

⁵ Manrique N. El desarrollo del mercado interior en la sierra central. 1830 – 1910.

Lima, 1978, P. 3-4.

⁶ Manrique N. Las guerrillas indígenas en la guerra con Chile. Lima. 1981. P. 31 – 34.

⁷ Manrique N. El desarrollo. Op. cit. P. 13.

⁸ Ibid. Las guerrillas. Op. cit. 351 – 361.

⁹ Manrique n. Las guerrillas. P. 365 – 371; La guerra del Pacífico. V. I. Lima 1979. P. 194.

¹⁰ Nouvelle géographie universelle. La terre et les homes. Par Elisée Reclus. XVIII. Amérique du Sud- Les regions andines. Paris. 1895. P. 627. Согласно переписи 1876 г. число индейцев составило 132 тыс., метисов – 126 тыс., белых – 18 тыс. – Klaiber J. L. Religion and Revolution in Peru. 1824 - 1976. Notre Dame – Lnd, 1977. P. 27.

¹¹ Kapsoli W. E. Los movimientos campesinos en el Perú. 1879 – 1965. Lima, 1977. P. 27.

¹² Paz Soldan M. F. Diccionario geográfico y estadístico del Perú. Lima, 1877. P. 418; Alba Herrera C. A. Atusparia y la revolución campesina de 1885 en Ancash. Lima, 1885. P. 16.

¹³ Alba Herrera. C. A. Op. cit. P. 19.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

^{15*} Reyna, Ernesto. El Amauta Atusparia. Lima, 1932. P. 17-19. Эта книга написана журналистом и писателем Эрнесто Рейной на основе бесед с участниками восстания в Анкаше и проживавшего в Лиме сына Атуспарии Мануэля Сеферино(он умер в 1961 г.), которому президент Касерес после победы над Иглесиасом по просьбе отца обеспечил учёбу в столице. Первоначально книга была опубликована в журнале Мариатеги Х. К. "Амаута" в №№ 26-28, 1929-1930 гг. Э. Рейна был одним из ближайших друзей и единомышленников Хосе Карлоса. Книга Рейны до сих пор является самым аутентичным и полным исследованием крупнейшего в истории Перу XIX в. индейского восстания. – См. подробнее о значимости

этого труда Рейны в статье итальянского перуаниста Антонио Мелиса – "La Rebelión del Amauta Atusparia: entre historia y literatura": En Kapsoli W. Peruanistas contemporáneos. Lima, 1988. P.110-122.

¹⁶ Alba Herrera C. A. Op. cit. P. 19.

¹⁷ Reyna Loli M.S. Causas del movimiento campesino de 1885: Campesino. 1969. N 2. Lima-Perú. P. 32.

¹⁸ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 20.

¹⁹ Ibid. P. 31.

²⁰ Reyna Loli M. S. Op. cit. P.33.

²¹ Alba Herrera C. A. Op. cit. P. 21.

²² Ibidem.

²³ Morillo E., Lozano B. La sublevación de Atusparia. Versión oral de Santiago Maguiña Chauca. Lima. 1984. P. 22.

²⁴ Bonilla H. The War of the Pacific and the National and Colonial Problem in Peru: Past & Present. L. 1978. N. 81. P. 146.

²⁵ Alba Herrera C. A. Op. cit. P. 22.

²⁶ Morillo E., Lozano B. La sublevación. P. 63-64

²⁷ Alba Herrera C. A. Op. cit. P. 39.

²⁸ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 47.

²⁹ Reyna Loli M.S. Causas. Op. cit. P. 35.

³⁰ Ibidem.

³¹ Piel J. Grise agraire et conscience créole au Pérou. Paris, 1982. P. 12-13.

³² Текст мемориала см.: Reyna E. El Amauta Atusparia. P. 21-22.

³³ Reyna E. Op. cit. P. 22; См. также Stein W.W. El levantamiento de Atusparia. El movimiento popular ancashino de 1885: un estudio de documentos. Lima, 1988. P. 17-18.

³⁴ Погибло около 200 крестьян-общинников. См.: Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 52.

³⁵ Morillo E., Lozano B. Op. cit. P. 37.

³⁶ Reyna E. Op. cit. P.30-31.

³⁷ Basadre J. La multitud, la ciudad y el campo en la historia del Perú. Lima, 1981 (1 ed. - 1929). P. 221.

³⁸ Alba Herrera G.A. Op. cit. P. 59.

³⁹ Morillo E., Lozano B. La sublevación de Atusparia. Op. cit. P. 35.

⁴⁰ Reyna E. El Amauta Atusparia. P. 58.

⁴¹ Биографию Педро Учку см.: Morillo E., Lozano P. 70, 78; Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 179-181. См. также – Mariátegui, José Carlos. Ideología y política. Lima. 1980. P. 187.

⁴² Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 192.

⁴³ Reyna E. Op. cit. P. 37.

⁴⁴ Reyna E. Op. cit. P. 56.

⁴⁵ Ibid. P. 15.

⁴⁶ Ibidem

⁴⁷ Klaiber J.L. Religión. Op. cit. P. 62-64.

⁴⁸ Reyna E. Op. cit. P. 43.

⁴⁹ Reyna E. Op. cit. P. 45.

⁵⁰ Klaiber J.L. Religion and Revolution in Peru. 1824-1976. Op. cit. P.66; Антикитайский характер погромов индейцами лавок был связан с тем, что китайцы с поместий косты были основной частью чилийских оккупационных войск в регионе.

⁵¹ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 75.

⁵² Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 79.

⁵³ Piel J. Crise agraire. P. 13.

⁵⁴ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 88-89.

⁵⁵ Reyna E. Op. cit. P. 60.

⁵⁶ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 96-97.

⁵⁷ Morillo E., Lozano B. La sublevación de Atusparia. Op. cit. P. 43.

⁵⁸ Alba Herrera C. A. Op. cit. P. 101.

⁵⁹ Kapsoli W. Los movimientos campesinos en el Perú: 1879-1969. Lima – Perú, 1970. P. 157.

⁶⁰ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 104.

⁶¹ Kapsoli W. Los movimientos campesinos. Op. cit. P. 158.

⁶² Ibidem; Morillo E., Lozano B. Op. cit. P. 70.

⁶³ Reyna E. Op. cit. P. 64-65. Москера был смещен с поста префекта Уч-ку Педро и в качестве простого солдата участвовал в партизанской войне в Кордильера Нерпа.

⁶⁴ Reyna E. Op. cit. P. 68-69.

⁶⁵ Ibid. P. 70. Ираолу просил о помиловании Атуспарии Ф. Эскудеро, действовавший в качестве посредника между белыми и восставшими индейцами и уговоривший вождя восстания не подвергать разграблению дома богачей Юнгая и других городов. Во время похорон солдат Эскудеро обрушился на индейцев – "наших жалких илотов, чьим невежеством, необузданностью воспользовались злобные и ничтожные вожди, ввергнув их в пучину беспорядка". Церковь в который раз показала, что она всегда готова стоять на страже "порядка" в интересах правительства и угнетателей крестьян-индейцев гамоналов и местных властей. – См. Klaiber J. S. J. La iglesia en el Perú. Lima, 1988. P. 271.

⁶⁶ Reyna E. P. 72.

⁶⁷ Piel J. Crise agraire. Op. cit. P. 13; Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 120-122.

⁶⁸ Reyna E. Op. cit. P. 82-83; Morillo E., Lozano B. Op. cit. P. 46.

⁶⁹ Alba Herrera G.A. Op. cit. P. 151.

⁷⁰ Piel J. Op. cit. P. 13.

⁷¹ Alba Herrera C.A. Op. cit. P. 220.

⁷² Morillo E., Lozano B. Op. cit. P. 48; См. также: Reyna E. Op. cit. P. 88-

91.

⁷³ Manrique N. La guerra del Pacífico. P. 17.

⁷⁴ Kapsoli W. Los movimientos campesinos. Op. cit. P. 28-30.

⁷⁵ Любопытно, что локомотив для войскового эшелона Касереса направили из Лимы владелец центральной железной дороги на правах аренды Майкл Грейс. Он был заинтересован в падении правительства Иглесиаса, не очень активно решавшего вопрос о внешнем долге Перу. Basadre J. *Historia de la República del Perú*. Quinta ed. Lima, 1964. T. VI. P. 2681.

⁷⁶ После окончания гражданской войны в государственной казне осталось лишь 3,5 тыс. солей, Если доходы госбюджета в 1877-1878 гг. составляли 43,9 млн. солей, то в 1884 г. - только 6,2 млн. - Chirinos Soto E. *Historia de la República Perú*. Lima, 1977. P. 322; См. также: Werlich. D.P. *Peru. A Short History*. Lnd-Amsterdam, 1978. P. 119; Basadre J. *Historia de la Republica del Perú*. 1822-1933. 7a ed. corr. y aum. Lima: Ed. univ., 1983. P. 22-26; Yepes del Castillo E. *Perú 1820-1920: Un siglo de desarrollo capitalista*. Lima, 1972. P. 131. Любопытны подсчеты экономиста Хосе Клаверо, приведенные им в книге *El tesoro de Perú*, опубликованной в Лиме в 1896 г. о состоятельности самостоятельного населения Перу в 1894 г., которые в известной мере можно экстраполировать и на 1885 г. Если в 1870 г. в Перу на 1.269.000 самостоятельного населения было миллионеров - 18, богатых 11.587, обеспеченных - 22. 148, рабочих - 2.236.000, нищих - 0, то в 1894 г. на 848.725 самостоятельного населения было соответственно: миллионеров - 0, богатых - 1275, обеспеченных - 2000, нищих - 500.000, рабочих - 345.000. Статистика, конечно, весьма дефектная, но тенденцию она показывает, а именно рост обнищания населения. - Yepes del Castillo B. *Op. cit.* P. 130.

⁷⁷ Ugarte G.A. *Bosquejo de la historia económica del Perú*. Lima, 1977. P. 186.

⁷⁸ *Journal of Latin American Studies*. V. 8. Pt. 1. May, 1976. Lnd. R. Miller. "The Making of the Grace Contract". P. 75.

⁷⁹ Miller R. *Op. cit.* P. 75.

⁸⁰ Romero E. *Historia económica del Perú*. Buenos Aires, 1949. P. 379. Правительство не могло выплачивать 1,8 млн. ф. ст. ежегодно по облигациям внешнего долга, т.к. все доходы его в 1887 г. составляли лишь 1,2 млн. ф. ст. (8 млн. солей).

⁸¹ Mensaje de S. E. el Presidente de la República Don Guillermo B. Billinghurst al congreso, Septiembre 5 de 1913. Lima, 1913. P. 30.

⁸² Miller R. *Op. cit.* P. 87.

⁸³ Basadre Jorge. *Historia de la Republica del Perú*. *Op. cit.* VII. p. 70. Компания "Грейс" стала чисто американской компанией в период первой мировой войны. Эта одна из крупнейших американских кампаний в Южной Америке. Кроме пароходной линии, ей принадлежали фабрики и сахарные и хлопковые плантации, банки, авиакомпании в Перу. К 1949 г. более 20 тыс. перуанцев работали на ее предприятиях, а инвестиции ее в Перу составляли примерно 60 млн. долл. - *Op. cit.* P. 70. Отметим, что капиталисты США имели облигаций перуанского долга на сумму всего лишь в 7,5 млн. долл. при общей сумме его в 300 млн. долл. - DZA Potsdam. AA II. N 12395. S. 98.

⁸⁴ Как писал один из современников экономист Клаверо Х. В своей книге *El tesoro del Perú*, опубликованной в Лиме в 1896 г., "провозглашение главой государства (Касереса) привело к утверждению в правительстве людей Грейса. Тогда Перу имела целый ряд министров, назначенных семейством Грейса, что показало всем несuverенность Перу как нации" - Цит. по: Yepes del Castillo E. *Perú. 1820-1920. Un siglo de desarrollo capitalista. Perú, Lima. 1972. P. 127.*

⁸⁵ Текст предложения Грейса в 1886 г. см.: Basadre J. *Historia de la República del Perú. Op. cit. V. VII. P. 69-70.*

⁸⁶ *Ibid.*, P. 71.

⁸⁷ Basadre J. *Historia de la República. VII. Op. cit. P. 72.*

⁸⁸ *Ibid.* P. 73.

⁸⁹ Basadre J. *Historia de la República. VII. Op. cit. P. 73.*

⁹⁰ *Journal of Latin American Studies. V. 8. Part 1. May 1976. London-Miller R. "The Making of the Grace Contract: British Bondholders and the Peruvian Government, 1885-1890". P. 90. 31 января и 1 февраля 1888 г. по 6 часов в день в конгрессе Х. Кимпер выступал против Контракта, но был лишен права голоса решением председателя палаты депутатов. Затем 30 депутатов покинули конгресс, чтобы лишить его кворума в 2/3 голосов, но большинство "по совету" Педро де Солара, как уже говорилось выше, исключило их из состава конгресса, что было вопиющим нарушением конституции. Но деньги и давление Англии (держатели облигаций блокировали все попытки правительства Перу получить заем в Лондоне) сыграли свою роль. Незаконно "избранные" в конгресс новые 30 членов конгресса проголосовали в октябре 1889 г. за утверждение договора с Грейсом. Президент Касерес подписал его в январе 1890 г.*

⁹¹ *Ibidem.*

⁹² González Prada M. *Horas de lucha. Lima. 1972. P. 16-17.*

⁹³ Basadre J. *Chile, Perú y Bolivia independientes. Barcelona - Buenos Aires. 1948. P. 542.*

⁹⁴ Mensaje de S.E. el Presidente de la República Don Guillermo E. Billinghurst al congreso. Septiembre 5 de 1913. Lima. 1913» P. 31.

⁹⁵ *Allgemeine Zeitung. 1890. 24.9; Historia del Perú. T. XII. Lima. 1980. P. 275-278.*

⁹⁶ См: Mensaje... de Billinghurst. *Op. cit. P. 2 6-28; Mensaje de S.E. el Presidente de la República al congreso ordinario de 1887. Lima. P. 6-10; Contrato celebrado el 26 de mayo de 1887 entre el Dr. José Aranibar, fiscal general y comisionado especial del Gobierno del Perú de una parte y Sir H. W. Tyler, miembro de Parlamento, Y. A. Olland, Esquire i M. P. Grace, Esquire, a nombre del Comité de Tenedores de bonos peruanos, de la otra. Santiago de Chile, 1887. P. 1-11. Ugarte C. Bosquejo. P. 195-196.*

⁹⁷ Mensaje de... Billinghurst. P. 29.

⁹⁸ *Ibero-Amerikanisches Archiv. Jahrgang. 9. Heft. 3/4, 1983. S. 339-340.*

⁹⁹ Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 65-66. Прогрессивные историки Перу рассматри-

вают проблему контракта Грейса в широком плане воздействия его на исторический путь страны. Вот, что писал известный историк Перу В. Роэль: "Эти железные дороги были самым важным достоянием страны. Поэтому передача их иностранцам означала низведение нашей страны в категорию типичной колонии, хотя и имевшей фасад политической автономии". (Roel v. Esquema de la evolución económica. Lima. P. 76). Такой же точки зрения придерживается Эрнесто Епес дель Кастильо, в книге, посвященной развитию капитализма в Перу. Yepes del Castillo E. Op. cit. P. 129, 136-137). Но ряд буржуазных историков Перу, хотя и критикуют контракт Грейса, но оправдывают его заключение на том основании, что иного выхода для Перу в тех условиях - не было. Так, перуанский экономист С. Угарте писал в 1930 г.: "Трудно дать оценку противоречивого контракта, который решил весьма сложную проблему нашего внешнего долга. Перу не могла его оплатить, не могла и отсрочить его урегулирование, что наносило бы удар по международному престижу страны и повлекло бы за собой серьезные трудности для ее экономической жизни". (Ugarte C. A. Op. cit. P. 196).

Маститый современный перуанский историк Х. Басадре назвал оптимистической утопией пропаганду сторонников контракта насчет того, что в союзе с иностранным капиталом страна, дескать, неуклонно будет идти по пути прогресса. Но с другой стороны и пессимисты, предсказывавшие порабощение Перу также, по мнению Басадре, оказались не правы. "Ликвидация внешнего долга, - пишет он, - способствовала восстановлению кредитоспособности Перу и дала возможность избежать новых осложнений. Ведь расстройство железнодорожного транспорта, разрушенные мосты и ветхость подвижного состава помешали бы восстановить движение, ибо у правительства не было средств для ремонта. В этом смысле контракт Грейса - это необходимая хирургическая операция. В результате были продлены железнодорожные линии до Ороя, Серро-де-Паско, Уанкайо, Кастровиррейны, Куско, Санта-Роса". (Basadre J. Op. cit. V. VII. P.87). Эти историки почему-то не вспоминают при этом, что дороги, хотя и плохо, но действовали, что облигации внешнего долга Перу на денежном рынке Лондона оценивались едва ли в 10% от их номинальной цены, да и было бы вполне справедливо, чтобы бремя уплаты долга было возложено не только на Перу, но и на Чили. Характерно, что эти историки рассматривают контракт Грейса как одномоментное событие, не связывая его с дальнейшим развитием страны и как начало империалистической экспансии в Перу.

Английский историк Р. Миллер, посвятивший контракту Грейса специальную статью, признает и давление правительственных чиновников Англии на Перу и нажим кредиторов на страну. Но вместе с тем он заявляет, что с заключением контракта началось послевоенное восстановление Перу (Miller R. Op. cit. P. 74). Он признает, что перуанская экономика никакой выгоды от передачи англичанам железных дорог не получила (там же. С. 99). Отмечает Р. Миллер и тот факт, что многочисленные держате-

---

ли облигаций также мало, что получили от контракта. Кто же оказался в выигрыше? Оказывается только сам М. Грейс. Он получил за четыре года переговоров в качестве комиссионных 140 тыс. ф. ст. Именно он добился концессии на постройку дополнительного участка Центральной железной дороги от Кальяо к Ороя, получив прибыль в 100 тыс. ф. ст. (Дорога до Касапалки была доведена в 1892 г., а до Ороя в 1893 г., так что три самых важных горнорудных района в центре сьерры - Касапалки, Яули и Морокоча были связаны с внешним миром). Он же приобрел в концессию 1/3 рудников Серро-де-Паско. М. Грейс играл руководящую роль в создании и управлении "Перувиан корпорейшн", направляя основную часть своих инвестиций в Перу. Приобретя в 1882 г. сахарную асьенду Картавио (Асьенда "Картавио" - одна из самых старых сахарных плантаций Перу. Здесь впервые в 1535 г. был внедрен в культуру сахарный тростник, а в 1561 г. получен сахар-сырец. Burgess E.W., Harrison F.H. Casa Grace in Peru. Wash., 1954. P. 2, 22, 25.) в долине Чикама (департамент Ла Либертад на севере кусты), М. Грейс в 1891 г. создал здесь огромный агрокомплекс по производству сахара. Он же приобрел крупнейшую текстильную фабрику в Лиме "Перувиан коттон мануфакчур" ("Эль Инка"), установив с 1917 г. контроль над фабрикой "Витарте".

Сведя все к одной-единственной личности М. Грейса, Р. Миллер намеренно принизил общеимпериалистические цели Англии в Перу, где английский капитал на время стал безраздельно господствовать. Укажем также, что М. Грейс не был "одиноким волком", как его представляет Р. Миллер. Братья Грейс - Майкл и Уильям - представляли международный англо-американский финансово-промышленный спрут конца XIX века. В то время в США ему принадлежали "Линкольн Банк", крупная страховая компания "Нью-Йорк Лайф Иншуранс", филиалы которой действовали в Латинской Америке, компания по производству сельхозмашин - "Ингерсолл Рэнд", пароходная компания и т.д. Большая часть компаний Грейсов действует и поныне.

Вторят Р. Миллеру и американские историки. Например, Дэвид Верлич в своей истории Перу пишет: "...для Перу этот контракт был уж не так и плох. Хотя железные дороги были предметом гордости для страны, они оказались тяжким финансовым бременем. Перу не имела средств для их ремонта и модернизации. "Перувиан корпорейшн" ввела их в действие менее чем за два года. Затем они сыграли важнейшую роль в экономическом восстановлении страны. Урегулирование внешнего долга, кроме того ликвидировало финансовое наследие "века гуано". Кредитоспособность Перу за рубежом была восстановлена и началась новая эра здоровых финансов". (Werlich D. Peru. A Short History. Lnd. & Amsterdam, 1978. P. 120. См. также: Martin L. The King of the Sun. A Short History of Peru. N.Y. 1974. P.223. Верлич игнорирует тот факт, что железные дороги все-таки, худо или бедно, но в общем действовали. Вряд ли можно говорить и о восстановлении страны, когда уже в 1893-1895 гг. Перу была поражена глубоким экономическим, политическим и социальным кризисом. Верлич избе-

---

гаст, как и Миллер, указания на империалистическую экспансию, отправной точкой которой было заключение контракта Грейса, в результате которого международный капитал прямо или косвенно завладел ведущими позициями в основных отраслях экономики страны - в сельском хозяйстве, горнорудной промышленности, транспорте и т.д.

РЕВОЛЮЦИЯ 1894-1895 гг.

Предпосылки и причины революции

Трехлетняя борьба за и против контракта Грейса положила начало глубокому расколу среди основных политических группировок страны. Репрессивные меры правительства Касереса возвращали страну к старой практике военных каудильо, когда интересы оппозиции учитывались весьма слабо. Тяжелый процесс экономического восстановления несколько облегченный заключением контракта с Грейсом, мучительные поиски причин поражения в Тихоокеанской войне и путей выхода из катастрофы породили широкий спектр дискуссий, критических оценок прошлого.

Ярко обвинительным анализом глубоких язв страны, морально-го падения ее правящих кругов отличались выступления руководителя буржуазно-демократического "Национального Союза" Мануэля Гонсалеса Прады. Участник Тихоокеанской войны, он воочию наблюдал трусость и пораженчество политической верхушки общества, которая оказалась неспособной руководить обороной и обрекла на смерть одетых в шинели индейские массы и городские низы¹.

Один из организаторов в 1887 г. "Литературного кружка", поставившего целью покончить с позорным прошлым Перу, Мануэль Гонсалес Прада в своих публичных выступлениях разоблачал конкретных виновников поражения Перу. Он был хорошо знаком с жизнью простого народа, побывал в Арекипе, объездил всю центральную сьерру, ощутил страдания рабочих-горняков шахт Серро-де Паско, тяжелый труд крестьян-индейцев. Начав с литературной критики, Гонсалес Прада перешел к анализу положения в стране. Деятельность "Литературного кружка" под влиянием Гонсалеса Прады все более приобретала политическую окраску. В речи в театре "Политеама" 28 июля 1888 г. на митинге по случаю сбора средств для выкупа оккупированных Чили департаментов Перу Такны и Арики Гонсалес Прада призвал молодежь взять в свои руки судьбы страны у обанкротившегося поколения, "которое уходит, запятнанное полувековой гражданской войной, финансовым мошенничеством, приведшим к краху и отторжению национальной территории"².

Поражение Перу в Тихоокеанской войне - это не только результат превосходства Чили, а, прежде всего, отсталости и духа рабства, господствующих в стране³. Индеец Перу - раб, и он же главная сила перуанской армии. Поэтому эта армия, хотя бы и дисциплинированная, всегда будет терпеть поражения, ведь у раба нет родины, потому что нет свободы. "Как раб средневековья он будет сражаться только за феодального сеньора"⁴. Дух рабства проник не только в индейскую сьерру, но он господствует и среди метисов косты - согбенное положение присуще всем. "Поэтому, если самый темный солдат армии интервентов шел в бой с именем Чили на устах, мы от первого генерала до последнего рекрута повторяли лишь имя каудильо, были средневековыми рабами, которые приветствовали феодального сеньора. Индейцы пуны и сьерры, метисы косты - мы были невеждами и рабами и не победили и не могли победить"⁵. Гонсалес Прада призвал покончить с теологической рухлядью, которая под видом науки изучается в университетах. Ведь нужно использовать ту науку, которая внедренная в промышленность, произвела больше благ, чем целые тысячелетия теологии и метафизики. Он страстно призвал собравшихся бороться за свободу, и главным образом для обездоленных. Народ - вот о ком нужно заботиться. "Настоящее Перу - не креолы, живущие на узкой полоске земли между Андами и Тихим океаном. Нация состоит из индейских масс сьерры. Вот уже 300 лет как индеец загнан на самую низкую ступень цивилизации, соединив пороки варвара и лишенного достоинств европейца. Научите его по крайней мере читать и писать и вы увидите, что за четверть века все его дремлющие достоинства человека воскреснут. Вам, учителям школ, предстоит задача пробудить расу, которая задавлена тиранией мирового судьи, губернатора и попа - этой троицы, доведшей индейца до скотского состояния"⁶. Правительство запретило публикацию этой речи, но орган либеральной молодежи "La luz eléctrica" распространил ее в виде листовки.

Острой была и речь Гонсалеса Прады в театре "Олимпо" в этом же году. Он отметил, что в Перу нет буржуазии, подобной европейской. Но существует нечто подобное среднему классу, который трудолюбив и исполнен здравого смысла, безразличен к религии, "любит свою страну, но питает отвращение к политике, приносящей ему лишь бесчестие, разочарование и ущерб"⁷. Речь шла о мелкой и средней буржуазии, чьи интеллектуальные вожди организовали "Литературный кружок". Большой резонанс получили высказывания М. Гонсалеса Прады о том, что в Перу нет партий

принципов, нет партий с программами, идет борьба между амбициями отдельных личностей. В условиях диктатуры, преследований и ссылок процветает грабеж государственной казны, подавление прессы, господство тиранов и воров⁸. В программной статье "Пропаганда и атака", опубликованной в ноябре 1888 г. Гонсалес Прада с горечью писал, что "в сегодняшнем Перу не существует ни личной честности, ни публичной: все цинично попирается и профанируется - от слова чести до скрепленного подписью документа. Политическая жизнь покоится на мошенничестве, вымогательстве и лжи, социальная жизнь - полудремотный эгоизм, или оборонительная война против зависти, клеветы и алчности соседа...

да... Что же у нас есть? В правительстве - судорожно бессознательные действия; в юридической власти - пороки и нарушения законов; в конгрессе - смехотворные и трусливые стычки и усыпляющие, скучные дискуссии; в народе - отсутствие веры, потому что никто ничему не верит..., восточная покорность, потому что никто ни на что не надеется... Сегодня Перу — это больной организм - куда не ткнешь пальцем - выделяется гной"⁹.

Мануэль Гонсалес Прада

С гневом осуждал Гонсалес Прада "тиранию военных, которую можно назвать нашей настоящей формой правления". Их господство привело к застою в развитии страны¹⁰. "Национальная основа государства - индеец как и при испанском колониальном господстве прозябает в невежестве и в рабстве, ибо если его не истязает палка коррехидора, то он стонет под игом властей или асендадо; если он не уплачивает податей золотом, то отдает подушный налог физическим трудом; если не умирает в рудниках, то гибнет на полях сражений. Мы совершили даже чудо, убив в нем то, что редко умирает в человеке - убив надежду"¹¹. М. Гонсалес Прада призывал писателей принять активное участие в политической жизни, так как писатель в политике - это хирургический нож, удаляющий гангренозную часть тела, это дезинфекционный материал. Пропа-

ганда писателей должна использоваться во имя социальных реформ, для того, чтобы поднять массы словом на действия и борьбу против политических зол, терзающих страну¹².

Пропаганда Гонсалеса Прады и его друзей способствовали превращению "Литературного кружка" в политическую партию. В мае 1891 г. была создана партия Национальный союз во главе с М. Гонсалесом Прадой. Она просуществовала до 1902 г. Национальный союз был первой партией выдвинувшей в своей программе решение животрепещущих социальных проблем Перу. В программе, составленной Гонсалесом Прадой, выдвигались и общедемократические задачи обновления перуанской политической жизни - модернизация государства, контроль над финансовой деятельностью президента, реформа налоговой системы и введение прямого налогообложения создание милиции вместо армии и гвардии, расширение прав департаментов, развитие образования, содействие европейской иммиграции. Национальный союз выступал с позиций антиклерикализма, защиты основных демократических свобод - прямого и всеобщего права голоса, представительства национальных меньшинств в парламенте, свободы печати, собраний и ассоциации, свободы совести. Программа требовала возврата общинных земель узурпированных гамоналами и выдвигала задачу борьбы за улучшение положения рабочих¹³. Партия выступала за социальные реформы, а не политиканство и персонализм, за развитие мелкого землевладения, против роста налогов, против патернализма асендадос, за передачу батракам и янаконам (мелким арендаторам косты, оплачивающим латифундисту стоимость арендованного участка земли одной третью - половиной своего урожая) обрабатываемых ими земель¹⁴.

Однако организационная рыхлость партии, узко интеллигентский характер ее членов, отсутствие связи с массами предопределили ее слабость. Значение ее деятельности определяется тем, что впервые индейский вопрос и положение рабочих были выдвинуты во взаимосвязи с борьбой за решение основных социальных проблем страны. Важно и то, что Мануэль Гонсалес Прада, Абельярдо Гамарра и Кристиан Дам - члены руководства партии - установили контакт с рабочим движением в столице. Впрочем, поначалу пропаганда партии среди рабочих носила реформистский характер. Так, выступая в 1892 г. перед членами конфедерации ремесленников "Unión Universal" ("Всеобщий союз") Гамарра призывал к гармонии между капиталом и трудом. В этих целях он предлагал организацию профсоюзов, которые могли бы добиться от хозяев со-

крашения рабочего дня, улучшения условий труда и ограничения женского и детского труда, к тому же ничтожно оплачиваемого¹⁵.

Обличение правящих классов, которые привели к ужасному разгрому Перу в войне с Чили, попытки организации идеологической работы в городских массах играли заметную роль в идейной борьбе против реакционных сил страны. Неудивительно, что газеты Национального союза "La integridad" ("Неподкупность") (издавалась в 1889-1892 гг.) и "Germinal" ("Жерминаль" - седьмой месяц календаря Великой Французской революции 1789-94 гг.) (выходила в 1888-1906 гг.) часто закрывались правительством и подвергались штрафам. Демонстрации членов Национального союза в Лиме против политических преследований, дороговизны, злоупотреблений властей разгонялись полицией. В этих условиях Гонсалес Прада вынужден был уехать в Европу в июле 1891 г., и партия осталась без признанного вождя.

Если Национальный союз занимал наиболее радикальные позиции, то центральное место в оппозиции правительству Касереса заняли левые либералы. Вначале они были неорганизованны политически, но в ряде работ изложили основные направления преобразований, в которых с их точки зрения нуждалось послевоенное Перу.

Видный политический деятель, либерал из провинции Камана (департамент Арекипа) Хосе Мария Кимпер (1828-1902)¹⁶, отличившийся своими выступлениями против контракта Грейса, опубликовал в 1886 г. книгу "Либерализм" (El Liberalismo). В ней он писал, что "с 1821 по 1866 гг. в Перу было делом чести придерживаться принципов и защищать общественные интересы в государстве. Потом все исчезло - принципы были заменены преклонением перед личностью, а общественные интересы - духом эгоизма и своекорыстия"¹⁷. Воцарились ненависть, лесть и клевета, каудильистские банды, опираясь на силу, правили своим судом. Чтобы преодолеть эту борьбу всех против всех, Кимпер предлагал создать партии идей, а не личностей. В книге он развивал идеи либерализма, на которых, по его мнению, покоится суверенитет народа. Он выступал за равенство всех перед законом, за предоставление народу основных демократических прав - всеобщего права голоса, права на собственность, право на петиции и митинги. Он детально разработал практическое применение буржуазных свобод - свободы слова, печати, личности, неприкосновенности жилища, свободы торговли, промышленности и труда, ассоциаций. Он также предполагал и некоторые изменения в политической надстройке - соз-

дание однопалатного парламента, независимость судей, усиление функций кабинета министров в противовес власти президента, расширение полномочий муниципалитетов и департаментов в назначении префектов и мэров и установлении местных налогов. Подчеркивая необходимость всеобщего избирательного права, Кимпер осуждал применение ценза собственности или дохода как условия допуска к выборам. Кимпер предлагал отделить церковь от государства, выступал за развитие светского образования. В духе либерализма он требовал отменить постоянную армию, заменив ее национальной гвардией. Среди экономических реформ, предложенных Кимпером, следует отметить, его настаивание на замене подушного налога единым и пропорциональным налогом на доход, возражал он и против налога на патенты, ограничивавшие деловую активность в стране. Он также требовал навести порядок в национальном бюджете и финансах, осуждал расточительство государственных ресурсов, предлагал защитить национальную промышленность протекционистскими тарифами¹⁸.

Глубоко пессимистичной была оценка экономического положения Перу, видным экономистом и бывшим инспектором государственных имуществ Хосе Мануэлем Осоресом, высказанная им в 1886 г. на лекции в "Атенео де Лима". Основную причину экономического упадка страны он видел в политическом, административном, торговом, промышленном хаосе, вызванным не только гражданскими войнами, но и фальсификацией избирательного процесса. Особенно широк был размах расточительства государственных ресурсов. "Так беспорядочно и с таким мотовством транжирили государственные средства, что будущие поколения с трудом смогут этому поверить ...бессмысленно растратили огромные суммы, которые с большой пользой могли быть вложены в развитие промышленности и в создание новых источников доходов"¹⁹. Осорес предложил тщательно разработанную программу краткосрочных и перспективных реформ в области финансов, в частности, принятие специального законодательства о наказании казнокрадов и взяточников, изъятие бумажных денег из обращения и создание эмиссионного банка, создание бюро по регистрации собственности и всех операций, связанных с нею. В духе буржуазных либералов он ратовал за раздел земель индейской общины между ее членами, содействие ирригации кусты и развитие системы дорог, проведение переписи в стране, строительство заводов по выплавке металлов и т.д. Программа Осореса, как видим, была направлена на преодоление отсталости страны, модернизацию ее го-

сударственного аппарата и экономической инфраструктуры в интересах ускорения капиталистического развития.

Пессимистическую картину развития Перу дал профессор "Колехио Гуадалупе", одного из главных центров либералов в образовании, Карлос Лиссон. Он стал одним из основателей партии Национальный союз. В опубликованной в 1887 г. брошюре "Краткий очерк социологии Перу в 1886 г.", он подверг критике контракт Грейса, по сути дела принесший одни выгоды спекулянтам, и ущерб для страны²⁰. С точки зрения К. Лиссона, вся история долгов Перу говорит о том, что на них наживались лишь иностранцы. Он предлагал усилить внимание к развитию горнорудного производства, фабричной промышленности и производству продуктов питания в сельском хозяйстве. Лиссон подверг сомнению ориентацию сельского хозяйства на экспорт, указав, что экспорт шерсти, хлопка и сахара подвержен колебаниям рыночной конъюнктуры, да и в целом позиции Перу на международном рынке крайне неустойчивы. Он указывал и на тот факт, что торговый флот, который обслуживает экспорт Перу, принадлежит англичанам. Англичане подавили всякое, даже каботажное судоходство перуанцев. "Все знают, что как только в каком-либо порту Перу появляется перуанский корабль для погрузки продуктов, агенты английской компании начинают против него войну, снижая стоимость фрахта. Перуанские судовладельцы не получают прибыли и разоряются"²¹. В условиях сокращения внешней торговли остается лишь единственно надежда на развитие собственной промышленности, как это, например, происходит в департаментах Куско и Анкаше, где наладили производство предметов потребления, ранее ввозившихся из-за рубежа: нужно лишь не облагать излишними налогами местных производителей²². Абсурдно, что в Перу промышленность находится примерно на том же уровне, что и в колониальное время. "Мы почти ничего не умеем делать и обращаемся к Европе за туфлями, рубашками и другим бесчисленным множеством необходимых нам вещей" - с горечью писал Лиссон²³. А ведь страна имеет трудолюбивых жителей-индейцев. Резко обличал Лиссон клеветнические утверждения о том, что индейцы-де ленивы, инертны, алкоголики и в расовом отношении ниже белых. Ведь именно на их труде держалась экономика страны в прошлом и только с ними может быть связан будущий прогресс страны²⁴.

Видный деятель Демократической партии, руководитель крупных проектов экономического развития в монтанье (восточной части страны), социолог и инженер-строитель Хоакин Капело ука-

зал на нелепую финансовую систему страны, когда самые богатые отрасли экономики не платят практически налогов. В стране отсутствует дух предпринимательства, существуют препоны развитию национальной промышленности, слабо развит кредит, царствует ростовщик. Сельское хозяйство в департаменте Лимы велось отсталыми методами. Народное образование влечит жалкое существование - из 20 тыс. детей школьного возраста посещали начальные школы лишь 7,7 тыс. Зато процветали церковники - их в городе было около 10% населения²⁵.

Гневно бичевал он контракт Грейса. "Несколько лет тому назад в стране появилась компания наподобие Вест-Индской. Она овладела всеми богатствами Перу и как огромный осьминог своими сильными и многочисленными щупальцами присосалась ко всему, что сегодня может дать прибыль. Это чудовище со ста головами и миллионом рук, к которому примкнули все худшие представители нашей несчастной родины, всё захватило и над всем господствует. И всё новые и новые богатства, открываемые в стране, ежедневно захватываются им. Как только разведают какой-либо горнорудный район, откроют месторождение нефти или соли, других минеральных богатств, леса и земли, удобные для сельскохозяйственной колонизации, как тут же по мановению волшебной палочки появляется какой-нибудь иностранец, который требует монополии и освобождения от всяких налогов, пошлин и сборов. В итоге подавляются национальные предприниматели. Они обрекаются на гибель, ибо не могут бороться с монополией, дарованной их иностранным соперникам. Перуанцы лишь платят налоги в мирное время, и отдают свое имущество и жизнь во время войны. Бедная моя родина! Сколь велико твое несчастье! Нам говорят - придут иностранные капиталы, польются в страну фунты стерлингов, будет работа. Нам говорят - отдайте иностранцам все, что имеете. Они сделают великой вашу страну, они озолотят ее, они улучшат вашу расу, а пока вы - глупые жители этой страны - сгибайтесь под гнетом рабского труда. Платите, платите, платите всегда, а когда уже нечем будет платить - отдайте свою ничтожную жизнь и умрите сразу! И так говорят потому, что вы не понимаете, что такое родина, что такое патриотизм, что такое гражданин. Вы забыли, что эта земля - ваша, что ее завоевали своею кровью и усилиями ваши деды и отцы. Вы слепы и потому вас эксплуатируют преступники...!"²⁶ В другом разделе своей книги Капело подчеркивает зависимость Перу от внешних сил, презирающих страну: "На нас клеветают, говоря, что Перу неуправляемая страна, где беспрестан-

но происходят революции. Но нигде в мире нет такого народа и такого правительства, которых легче всего эксплуатировать, которые столь покорны и столь уважают права иностранцев, чем народ и правительство Перу"²⁷.

В дискуссию о положении страны внесли свой вклад и такие видные экономисты как Хосе Маркес, Хосе Родригес, Альберто Элморе, представившие обширные планы финансовых, экономических и социальных реформ с целью преодоления упадка страны.

В эту дискуссию включилась и литература Перу. В 1889 г. в Лиме появился первый перуанский индихенистский роман известной писательницы из Куско Клоринцы Матто Турнер "Птицы без гнезда". Эта книга сыграла в истории Перу такую же роль как книга Г. Бичер Стоу "Хижина дяди Тома" в США. Протест против крепостнической эксплуатации крестьянина-индейца в перуанской сьерре гамоналами и правительственными чиновниками пронизывает всю книгу. Автор описывает типичную индейскую семью из селения Кильяк в департаменте Куско, которая опутана полуфеодальными цепями угнетения со стороны скупщика шерсти, губернатора, судьи, субпрефекта и попа. Индейца грабит скупщик шерсти из Арекипы, ловко манипулируя безменом и обвешивая крестьян при "покупке" шерсти. Цена шерсти устанавливается задолго до стрижки овец и составляет ничтожную сумму в 10-12 раз ниже, чем её реальная стоимость. Когда крестьянин пытается сопротивляться, то скупщик прибегает к помощи солдат, избивает его семью и, угрожая продать детей в Арекипу в услуги тамошним сеньорам, добивается "продажи" шерсти. Не лучше и власти дистрикта, которые насильно заставляют индейца трудиться в их хозяйствах. Субпрефект, только что назначенный в провинцию, захватывает земли индейцев к своей асьенде, принуждает их бесплатно трудиться на ней и продавать ему за бесценок шерсть. Но хуже всех - поп-бездельник, обжора и пьяница, сквернослов и развратник, не пропускающий ни одну девушку, которая работает у него в качестве прислуги. Культ денег, алчность - вот кумиры деревенского попа. Семья индейца вынуждена бежать из своего селения. Но тут находится спаситель - богатый шахтовладелец, со своей сестрой, посрамлены местные власти, воцаряется мир и спокойствие. Счастливый финал книги, хотя и явно натянутый, не смог заслонить картину беспросветной жизни индейцев сьерры²⁸. Клоринда Матто Турнер подверглась гонениям церкви - отлучена от нее, вынуждена была покинуть страну, - уж слишком неприглядной изображена ею фигура местного попа. Автор книги не

коснулась реальной проблемы индейского населения - проблемы земли. Она выступала лишь за изменение к лучшему морали всех тех, кто угнетал индейцев, надеясь на человеческое отношение к коренному большинству населения Перу. Приобщение к образованию и культуре креолов мыслилось ею как основной путь к освобождению коренного населения²⁹. Но и это достаточно скромное стремление вызвало ярость гамодалов и клерикалов съерры к Кло-ринде Матто Турнер.

Идеологическая борьба вокруг животрепещущих проблем страны подготавливала сплочение сил выступавших против милитаристского правительства А. Касереса. Программу выхода страны из состояния экономического и политического упадка, обобщив в известной степени итоги идеологических споров, ведущихся в кругу противников каудильизма Касереса, выдвинул руководитель Демократической партии Николас Пьерола (родился в Арекипе в 1839 г. - скончался в Лиме в 1913 г.). Его отец Николас Пьерола-и-Флорес был видным политическим деятелем. В 1836 г. он был

председателем ассамблеи в г. Сикуани, провозгласившей Южно-перуанское государство, а при консервативном правительстве Хосе Эченике - министром финансов в 1852-53 гг., крупным горнопромышленником на юге страны, сторонником системы консигнаций гуано и консолидации внутреннего долга за счет выручки от продажи гуано. В последние годы жизни он занялся исследованием натуральной истории страны. Со смертью отца в 1857 г. молодому Николасу Пьероле пришлось самому зарабатывать на жизнь.

Николас де Пьерола

Начав самостоятельную жизнь в 1858 г. в 19-летнем возрасте преподавателем философии в семинарии, в которой он ранее учился, Н. Пьерола перепробовал множество работ и профессий. Он стал журналистом в 1862 г., издавая газету "Космос", где вел кампанию против консигнатариев, одновременно глубоко изучая экономику.

С 1864 г. занялся книгоиздательским бизнесом, позднее основал филиал по торговле фармацевтическими товарами,купаемыми им в США. Воспитанный в католической семинарии Санто Торибио в Лиме он на всю жизнь сохранил приверженность к католическим догматам. И это не было присуще только ему лично чертой - испанское по происхождению население Арекипы и ее окрестностей, где имелся существенный слой мелких и средних землевладельцев, которые, в противовес коренному населению - индейцам, пытались отстаивать свое превосходство над ними особой и истовой преданностью церковным установлениям. Начав свою сознательную жизнь участием в торговых домах Арекипы и Лимы, Пьерола затем перешел к журналистике и преподавательской деятельности. Он быстро выдвинулся в качестве руководителя той части торговой буржуазии и мелких землевладельцев провинциальных департаментов страны, особенно юга (Арекипы, Пуно, Ики, Апуримака, Анкаша, Пьюры и др.), которым не достались богатства от спекуляций гуано, выпавшие Лиме и центральным департаментам. Когда бесконтрольная деятельность консигнатариев привела в 1869 г. к финансовому кризису, 30-летний Пьерола в качестве министра финансов провел реформу прежней системы торговли гуано, благоприятствовавшей лимским финансовым кругам и английскому капиталу, и заключил контракт с французским банковско-торговым домом, во главе А. Дрейфусом³⁰. Отныне главным финансистом государства, распоряжавшимся его доходами от добычи и продажи гуано, стал франко-американский капитал. Политические противники Пьеролы - сивилисты пришли к власти в 1872 г., но финансовый кризис, разразившийся в 1878 г., подорвал основы их господства и закончился поражением Перу в Тихоокеанской войне с Чили в 1879-84 гг. В 1874 и 1876 гг. он возглавлял восстания против сивилистов, находившихся у власти, но потерпел поражение. В ходе Тихоокеанской войны после бегства президента страны Мариано Игнасио Прадо в Европу в связи с рядом поражений в войне с Чили, Н. Пьерола 23 декабря 1879 г. захватил власть, провозгласив себя верховным вождем нации. Несмотря на огромные усилия организовать оборону страны ему не удалось предотвратить потерю Арики в июне 1880 г. В январе 1881 г., регулярные перуанские войска были разгромлены в сражении под Лимой. Столицу оккупировали чилийские войска. Пьерола бежал в сьерру и вскоре вынужден был сложить с себя полномочия главы государства. Затем он уехал в Европу. Его сторонники тем временем объединились в Национальную или пьеролистскую партию, но в 1884

г. партия раскололась по вопросу о признании Анконского договора 1883 г., завершившего войну с Чили. Пьерола его отверг. С группой своих сторонников он создал Демократическую партию в 1884 г., однако вплоть до 1889 г. воздерживался от непосредственного участия в политических событиях и в гражданской войне между Касересом и Иглесиасом, выступая за мирные методы политического руководства страной и проведении "честных" выборов с участием политических партий. Но лишь 1 апреля 1889 г. Пьерола официально заявил о создании партии на новых организационных основах с центральными комитетом и съездами провинциальных и департаментских организаций партий. Таким образом, впервые в стране появились общенациональная партия. Оставаясь в целом партией, представлявшей интересы провинциальной торговой, мелкой и средней буржуазии, в частности землевладельцев фермерского типа, она также включала отдельные группы горнопромышленников в центральных и южных районах, часть сахарных плантаторов и владельцев хлопковых асьенд. Определенным влиянием партия пользовалась и среди трудовых масс населения городов Лимы, Арекипы, Ики, Пьюры, Трухильо. Особый авторитет партия получила, выступая против контракта Грейса как наносящего непоправимой ущерб национальным интересам Перу. Важно также, что впервые в истории страны К. Пьерола разработал программу экономических и политических реформ в известной степени направленных на ускорение капиталистического развития страны. Эта программа была опубликована вместе с объявлением о создании Демократической партии 1 апреля 1889 г.

Программа Демократической партии имела в виду создание стабильного буржуазного порядка в стране. "Мы не избирательная группировка, а стабильная партия, для которой выборы, конечно, чрезвычайно важны, но не более, чем преходящий акт в ее жизни. Наша цель - способствовать росту политического сознания страны путем создания постоянных и прочных партий, не партий ради интересов одной личности, не партий сформированных для случая, а партий идей, партий организованных надолго и фундаментально. Без таких партий нам не удастся выйти из тупика, в который теперь оказалась Перу"³¹. В программе подчеркивалась необходимость сосуществования различных партий в рамках политической системы Перу. Победившая на честных выборах партия, отражая интересы большинства нации, а не капризы отдельных личностей, не должна подавлять оппозицию, а учитывать ее мнение по вопросам государственной важности. "В интересах государства, - писал

Н. Пьерола, - необходимо, чтобы различные группировки и партии не отстранялись от выборов, а имели постоянное и пропорциональное представительство в делах общественного управления. Необходимо, чтобы эти группировки попеременно участвовали в руководстве страной в зависимости от того, какая из них получит поддержку большинства народа"³².

Первостепенной задачей демократической партии объявлялась борьба против фальсификации выборов, ибо "пока выборы не что иное, как фарс, мир в обществе - это лишь временная передышка между кровопролитными сражениями. Если в стране нет уважения к закону, то нет и власти, которую уважали бы, а отсюда и нет надежды на то, что республика когда-нибудь, наконец, выйдет на путь спасения и мирного развития. Те, кто путем насилия, подкупа и мошенничества прямо или косвенно содействует фальсификации результата выборов, совершают преступление против родины"³³. В программе отвергались обычные утверждения власть имущих насчет того, что народ недостаточно готов, чтобы принимать участие в выборах, ибо это лишь оправдание для господства немногих. Пьерола указывал, что существующий закон о выборах прямо противоречил требованию о честных выборах, фальсифицирует их. Он предлагал срочно принять новый избирательный закон, который бы запрещал не прямое голосование, давал представительство меньшинству, устанавливал бы более простую и эффективную процедуру голосования и подсчета голосов с исключением насилия и мошенничества и действенными мерами наказания всех тех, кто виновен в нарушении нормального процесса выборов. Наряду с законодательной, юридической и исполнительной властями предлагалось ввести новую - "избирательную", как составную часть осуществления народного суверенитета"³⁴. "Вместе с тем не исключалось и ограничение прав определенных групп избирателей, если они не "доросли" до понимания их важности. Ратуя за демократию, Пьерола провозгласил "необходимость высшего класса, выделенного не по праву рождения или богатства, но исходя из личных качеств и заслуг, класса, в который могут войти без препон и лишь собственными усилиями, лица любого положения...класса, которому в силу его инициативности и примера, предстоит в первую очередь руководить обществом"³⁵.

Подробно рассмотрев проблемы выборов и функционирования демократии в Перу, Пьерола лишь мельком коснулся задач "честно" избранного правительства. По его мнению, оно должно стремиться к "моральному и материальному улучшению положения

самых многочисленных и обездоленных классов", среди которых большинство составляла "индейская раса, живущая в тяжелых материальных условиях, при отсутствии культуры, что хорошо известно. Искоренение причины этого и приобщение ее к благам цивилизации ... первостепенная необходимость для Перу"³⁶. Но конкретного плана облегчения положения подавляющего большинства народа программа не содержала - проблемы аграрная и индейская, положение ремесленников и рабочих получили в ней лишь косвенное упоминание. Зато детально были изложены планы реформ, направленные на ускорение капиталистического развития страны в интересах аграрной и промышленной буржуазии.

В программе выдвигалось требование соблюдения основных прав личности - права на жизнь, собственность, личные свободы, столь откровенно нарушаемые до сих пор в Перу правительствами, судьями, местными властями и чиновниками. Всякое нарушение права на собственность приводит к "хаосу в обществе, капитал и труд бегут из него, оставляя за собой повсюду опустошение, разорение и нищету"³⁷. Гарантии индивидуальной свободы должны быть закреплены в конституции и строго соблюдаться правительством.

Пьерола выступал за развитие промышленности и протекционистские тарифы, способствующие ее выживанию. "Совершенно ошибочно и вредно утверждение о том, что мы должны ограничиться лишь производством сырья. Определенное развитие промышленности необходимо для самого существования народа. ...Перу – это, прежде всего, страна сельскохозяйственная и горнорудная, но невозможно ограничиться только этими отраслями производства, если учитывать интересы страны". Возражал Пьерола и против опоры только на иностранный капитал: "постоянно требуют поступления иностранных капиталов. Он, конечно, принесет нам ценные плоды, но надо использовать и свои капиталы... Но и тот и другой не найдут применения, если будут отсутствовать реальные гарантии для них"³⁸.

В этих целях должна быть преобразована финансовая и банковская система страны, находившиеся в совершенно расстроенном состоянии, упорядочен сбор налогов, страдавший от произвола властей и спекулянтов. В программе предлагается осуществить переход к единому прямому налогу на доходы, норма которого должна опираться на кадастр различных видов собственности. Для стабилизации денежного обращения и роста внешней торговли предлагалось установить золотой стандарт вместо металлического. Большое место

в программе уделялось развитию с помощью государства путей сообщения, расширению обрабатываемых земель на основе путем резкого увеличения строительства водохранилищ. С целью ускорения промышленного развития и привлечения капиталов в новые отрасли индустрии программа предлагала разработать нормы деятельности акционерных компаний, меры направленные на развитие кредита. В заключение программы указывалось, что предлагаемые реформы не будут успешными, если одновременно не будут проведены реформы в образовании. Образование должно готовить человека для практической жизни, должно быть расширено профессиональное образование, имея в виду подготовку работников для различных отраслей промышленности. Большое внимание Пьерола уделял профессиональному образованию женщин, которое способствовало бы их включению в экономическую жизнь страны.

В целом программа Демократической партии охватывала основные вопросы политической и экономической жизни страны. В ней ярко описывались бедствия страны, связанные с архаичными методами управления страны, находившейся в длительном состоянии кризиса после Тихоокеанской войны. Достаточно стройная система предлагаемых в программе реформ была направлена на утверждение норм буржуазной демократии в политической жизни страны, модернизацию государства в целях ускорения экономического восстановления Перу, учета интересов тех слоев аграрной и зарождающейся промышленной буржуазии, которые были более тесно связаны с современными производительными силами.

Острота и полемичность в оценке кризисного состояния страны определялись трудным процессом восстановления экономики. Разрушение сахарных плантаций на основе чилийскими оккупантами привело к сокращению на 50% экспорта сахара, а значит и к резкому сокращению импорта промышленных товаров в Перу. В свою очередь разорились многие крупные коммерсанты и финансисты, и множество мелких торговцев. Все национальные банки, связанные с экспортом гуано и селитры, потерпели крах. Кредитная и банковская система оказалась в руках трёх английских страховых компаний и "Банко де Лондрес и Америка дель Сур", обосновавшемся в портовом городе Кальяо. Как и после завоевания независимости на первое место в экспорте вышло серебро. Естественно, что собственники этих серебряных рудников, зачастую сочетавшие статус горнопромышленников с полуфеодалным асендадо, вышли на первые роли в политической жизни страны при правительствах Андреса Касереса и Ремихио Бермудеса. Вновь усилили свое политическое влияние

асендадос полуфеодалного типа в сьерре - ведь их экономические позиции были менее затронуты бедствиями войны, хотя, например, в центральной сьерре - в департаментах Лима, Хуни, Анкаш - разорение крестьянства свободных общин и полукрепостных крестьян асьенд было очевидным. Экономическое преобладание крупных землевладельцев сьерры полуфеодалного типа в первые годы после Тихоокеанской войны привело к их господствующему положению в стране, к политическому подчинению аграрной буржуазии кусты, мелкой и средней буржуазии городов. Это кстати выразилось и в том, что их партия - Конституционалистская на первых порах верховодила в коалиции, составленной также из основных группировок сивилистской партии. Партии провинциальной буржуазии и мелкой буржуазии - Демократическая и Национальный союз были отстранены от участия в органах власти.

Ведущее место в сельском хозяйстве оставалось за производством сахара из сахарного тростника. Основные центры выращивания сахарного тростника находились на севере кусты в департаментах Либертад, Ламбаеке, а также в департаменте Лима (в 1859 г. соответственно 22,7 тыс. т., 10 тыс. т. и 31 тыс. т.)³⁹. Однако война привела к сокращению производства сахара. Большая часть сахара, производимого в Перу, направлялась в Англию. Если в 1879 г. экспорт сахара составлял 71,4 тыс. т стоимостью 1,37 млн. ф. ст., то в 1886 г. он составил 32 тыс. т., а в 1890- 40,7 тыс. т. Одновременно на 50% упала цена на сахар на мировом рынке в связи с конкуренцией свекловичного сахара и восстановлением производства тростникового сахара на Кубе после Десятилетней войны 1868-1878 гг. Только относительно высокая урожайность сахара в Перу (до 9 т на га в районе Лимы, и 5-8 т в других районах)⁴⁰ и дешевизна рабочей силы - китайцев по контракту и индейцев сьерры, сезонно работавших на плантациях севера кусты, давали возможность наиболее крупным асьендам выжить. И тем не менее экспорт сахара постепенно рос, достигнув в 5 тыс. т. в 1894 г. и 75 тыс. т. в 1895 г.⁴¹

В послевоенное время отсутствие кредита, острый недостаток рабочих рук, необходимость покупки новых машин и средств производства более всего ударили по перуанским асендадос - ведь большая часть их финансировалась банками, связанными с гуано и селитрой и потерпевшими крах в ходе войны. Многие асьенды полностью разорились. Уцелели лишь те, которым удалось провести концентрацию земель за счет более слабых плантаторов, ввести вместо обычных плугов - паровые, модернизировать процесс сахароварения, построить железные дороги от плантаций к портам, а

также сохранить доступ к источникам кредитования, которыми в первую очередь стал английский, немецкий и итальянский капитал.

На косте существовали 62 сахарных завода для переработки сахарного тростника и 21 для производства алкоголя⁴². Как считал видный перуанский экономист того времени А. Гарланд по технической оснащенности перуанские сахарные заводы отстали от передового уровня европейских стран и США на 25 лет. Старые котлы и машины потребляли много топлива, но сахар из тростника извлекали не полностью. Если за рубежом из тростника извлекалось 95% сахарного сока из тростника, то перуанские производители оставляют 30% его в багасо. Урожай сахар собирался лишь один раз в год, а можно было собирать его дважды, плохие семена и неупотребление удобрений снижали урожай, который вполне мог достичь 10 т с га⁴³.

Тем не менее за десятилетие после Тихоокеанской войны на косте выросло сахарное производство и экспорт сахара. Стоимость машин в 1894 г. достигла 13 млн. солей, или 1,3 млн. фунтов стерлингов, а общий капитал всей сахарной промышленности 35,7 млн. солей (сюда также входили стоимость подъездных путей к плантациям - 320 км, и стоимость используемых под производство сахара земель - 72 тыс. га (непосредственно под сахар на косте использовалось 36 тыс. га) стоимостью в 5,7 млн. солей)⁴⁴.

Ведущее место в производстве сахара занимала коста. Достаточно сказать, что в долинах сьерры производилось лишь 1,73 тыс. т. сахара, а в монтанье - всего 360 т. И технически это было полуремесленное производство - сахар получался при помощи трапиче, приводимого в действие водой или быками. В результате из тростника извлекалось лишь 50% сока. Асьенды здесь были полупфеодального типа площадью в 100-200 га. Индейцы, работавшие в течение 6 месяцев на плантации, получали в качестве оплаты небольшой участок земли на асьенде, где они выращивали необходимые им для питания культуры. Единственной оплатой со стороны асендадо индейцу были кока и водка во время работы в поле. Свободные пеоны получали здесь за свой труд 40 сентаво в день. И тем не менее себестоимость произведенного в сьерре сахара была намного выше, чем на косте, ввиду монополии его производства в отдельных долинах и отсутствия дорог. Если на косте 1 кинталь сахара стоил 5 солей, то в Уануко - 10, Аякучо - 20, Куско - 25 солей⁴⁵.

На косте процесс производства в общем и целом был более приближен к мировым стандартам капиталистического развития. Здесь средняя площадь асьенды достигала 500 га с общим числом

рабочих и служащих примерно в 900 человек. В целом на сахарных плантациях косты трудилось 23,5 тыс. человек (а всего в Перу было 24,7 тыс. работников сахарных плантаций). Применялся наемный труд батраков, особенно в департаменте Лимы. Оплата за день без питания - 65 сентаво (в районе Лимы - 240 солей в год)⁴⁶. Асьенды севера, где в результате Тихоокеанской войны и массовых выступлений законтракованных индейцев, составлявших основную рабочую силу здесь после отмены рабства негров, прибегли к контрактации труда индейцев общин близлежащей сьерры. Выделился особый слой подрядчиков, состоящих в большинстве из местных торговцев, которые, пользуясь содействием местных властей, выдавали аванс с деньгами и товарами индейцам в обмен за труд на асьендах в период сбора урожая. Этот процесс, начавшийся еще до Тихоокеанской войны, с особой силой развернулся после нее, получив название "энганге" (крючок - И.Я.). Индейцам выдавали аванс в 10 солей, за который они должны были отработать 3-4 месяца на плантации косты. Индеец таким образом попадал в финансовое рабство, ибо для выплаты ссуды практически денег у него не оставалось. Ему приходилось работать в счет долга многие годы. Впрочем, большая часть работала лишь несколько сезонов, хотя поток индейцев, идущих на работы в асьенды косты не иссякал. В этом проявлялось разложение общины и дифференциация индейской деревни, ибо земельный голод постоянно выталкивал на плантации новые отряды крестьянства постепенно преобразующегося в пролетариат косты. У нас нет статистических данных об этом исходе, но свидетельства современников говорят об этом вполне убедительно. Некоторые индейцы направлялись на работу в асьенды косты после уборки урожая кукурузы и картофеля на своих мелких участках земли, и трудились здесь около месяца. Именно эти индейские труженики в значительной степени способствовали послевоенному восстановлению сахарного производства. Но множество индейцев гибло в связи с тяжелыми условиями труда, недостатком питания, сменой здорового климата гор на малярийные низменности косты, антисанитарией и пьянством, отсутствием жилья, насилием надсмотрщиков и подрядчиков⁴⁷. Тем не менее, постепенно на косте из сезонного наемного труда законтракованных по энганче индейцев складывался постоянный сельский пролетариат.

Характерной особенностью процесса капиталистического развития на сахарных плантациях в послевоенное время было внедрение иностранного капитала. Например, в главном центре сахарного производства в стране в провинции Трухильо (департамент Ла-

Либертад на севере косты), где находились плодороднейшие долины Чикама и Санта-Каталина, в процессе концентрации земли выделились три иностранные компании "Картавио", "Каса Гранде" и "Рома". "Картавио" принадлежала англичанам, "Каса-Гранде" - немцам, а "Рома" итальянцам. Эти компании производили 65% сахара в долине Чикама (12,7 тыс. т.), экспортируемые в Европу⁴⁸. В результате этой концентрации резко сокращалась доля перуанцев в сахарном производстве. Например, братья Ларко, скупив при финансовой помощи английского торгового дома "Грэхем Роу энд ко" 8 крупных асьенд создали свою плантацию "Рома" в 4000 фанегад (1 фанегада = 1,59 акров)⁴⁹.

Английский консул в Лиме К. Мэнсфилд в своем отчете 25 октября 1893 г. МИДу Англии с удовлетворением сообщил о процессе вытеснения перуанцев из крупного сахарного производства: "сахар, несомненно, самый прибыльный бизнес в Перу... Недалек тот день, когда многие асьенды перейдут в руки английских компаний, как, например, асьенда Картавио в долине Чикама, ранее принадлежавшая Грейсу, которая теперь является собственностью английской компании, а местные предприниматели не могут с выгодой использовать рост цен на сахар, уменьшая посевы сахарного тростника вследствие отсутствия капиталов и по другим причинам"⁵⁰.

Новые гигантские сахарные компании опирались на могущественные финансовые центры - английские, немецкие и американские. Отсутствие капиталов и международных связей обрекало многих местных асендадос на разорение, на переход в разряд зависимых от крупных иностранных сахарных комплексов. Этот переход приводил к напряженности в социальной жизни Перу, к развитию определенного рода противоречий, отражавшихся и в политической жизни страны.

Обострялись и противоречия аграрной буржуазии косты с гамоналами сьерры - ведь рекрутирование рабочей силы - индейцев сьерры для работы на плантациях косты затруднялось полуфеодальными отношениями, удерживавшими индейца на асьенде гамонала-серрано. Например, в департаменте Хунин в районе Хауха выделилась особая группа торговцев, которые авансировала крестьян общин, рекрутируя их на работы в рудники и на плантации тропических культур. Однако она постоянно сталкивалась с противодействием местных гамоналов, державших в своих руках политическую власть⁵¹.

Правительство Касереса своей политикой усиления местных властей в виде департаментских хунт, где господствовали гамоналы, введением подушного налога, сбором которого занимались те же гамоналы в лице своих политических представителей на местах, за-

трудняло в свою очередь развитие национальной промышленности и аграрного капитализма, ибо сильно ограничивались возможности капиталистического накопления. Подушный налог с особой силой обрушивался на крестьян, наемных рабочих, ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев. Произвол местных властей, устанавливавших сумму налога и число налогоплательщиков, еще более обостряли положение в сьерре.

Основное требование крестьянства сводилось к отмене подушного налога, использовавшегося для принуждения индейцев к крепостному труду и на асьендах и на так называемых "общественных работах". По сути дела восстановление разрушений в ходе Тихоокеанской войны экономики страны шло за счет крестьян. Например, в бюджете департамента Куско за 1893 г. в сумме 156,6 тыс. солей подушный налог составил 110,6 тыс. солей, в департаменте Анкаш - соответственно - 133,5 тыс. солей и 94,48 тыс. солей, в Апуримак - 63,8 тыс. солей и 53 тыс. солей. Министр финансов Бресани, выступая 11 ноября 1895 г., в конгрессе с предложением отменить подушного налог, назвал его "вопиющей несправедливостью", сбор которого сопровождался насилием и злоупотреблением в особенности по отношению к индейцам, которые одни и платят его". Требование отмены подушного налога, по словам перуанского историка Х. Басадре, приведшего это высказывание, было знаменем революции 1894-1895 гг.⁵² Антииндейскую направленность носил и закон, принятый конгрессом 4 октября 1893 г. о земле общины Луканас в Пуно, который подтвердил право выхода крестьян из общины с соответствующим земельным наделом⁵³. Таким образом, облегчался захват общинных земель гамоналами.

Демократическая партия, связанная, прежде всего с торговцами, обуржуазившимися асендадос юга и субтропических районов, а также с национальной буржуазией фабричной формации, поддерживала требования крестьян об отмене подушного налога, удерживавшего крестьян в полукрепостнических асьендах. С ростом товарности сахарных и хлопковых асьенд, с развитием горной промышленности возрастала потребность в рабочей силе сьерры, а поддержка военным правительствам гамоналов, ослабляла миграцию крестьян. В среде крестьянства долины Мантаро - житницы Лимы - не утихала ненависть к Касересу, расстрелявшему в 1886 г. крестьянских вожakov, руководивших захватом земель асьенд, владельцы которых сотрудничали с чилийскими оккупантами. Крупнейшее восстание крестьян против подушного налога в департаменте Анкаш в 1885 г. (восстание Атуспарии, выступления в Кастровиррейне и

Уанте в 1887 и в 1892 г. и в других провинциях департамента Аякучо, крестьянские восстания в Хунине на протяжении 10 лет, как, например, создание федерации свободных общин дистрикта Комас, завладевших землей предателей - асендадос, и отказавшихся выплачивать подушный налог - таковы были наиболее глубокие проявления классовой борьбы крестьян против полуфеодалных методов эксплуатации⁵⁴.

Важное место в товарном производстве и в экспорте составлял хлопок. Его экспорт был восстановлен в 1886 г., а в 1887 достиг 2,3 тыс. т, в 1891 - 4,8 тыс. т, в 1892 г. - 9,8 тыс. т.⁵⁵ Район культивирования хлопка - департаменты Лима, Ика, Пьюра. В отличие от сахарного производства, где было довольно глубокое проникновение иностранного капитала, хлопок в основном возделывали перуанцы, хотя кредитные операции и сам экспорт были в руках иностранных, в частности английских капиталов. Здесь господствовали наряду с наемным трудом, различные формы аренды, объединяемые на косте под названием - янаконасте. Янакон применял свои традиционные орудия труда (быки, кирки т.п.), работая на асьенде, либо на участке, полученном в аренду у асендадо, и был обязан продавать ему свою половину урожая, кроме бесплатной передачи другой половины (иногда 1/3) урожая. Вдобавок на своем участке янакон мог выращивать продукты питания для себя⁵⁶. Обычно на крупных асьендах производились и другие сельскохозяйственные продукты - вино, кофе, рис, развивалось животноводство. Капитал, действующий в хлопковом секторе экономики, был намного меньше по объему, чем в сахарных комплексах. Характерной чертой хлопководства в Перу было наличие фермерских хозяйств (fundos) а также средних и мелких крестьянских хозяйств (chacras). Высокое качество перуанского хлопка сорта Tanguis обеспечивало постоянный сбыт его на рынках Англии и США.

Значительную роль на внутреннем рынке Перу играло продукция департамента Ика - виноградное вино и водка (писко). Этот департамент был одним из опорных баз Демократической партии. Достаточно сказать, что в руководящий комитет партии входили два представителя Ики - Бенхамин Боса, адвокат и управляющий железной дороги Писко-Ика, министр внутренних дел в правительстве президента Пьеролы (1895-97г.) и Мануэль Пабло Олачеа, адвокат, асендадо в Ике, один из организаторов коалиции демократов и сивилистов в 1894 г., алькальд Лимы (1895 г.) и президент сената в 1895 г.

Аграрные отношения хорошо изучены перуанским социологом Х. Капело на землях, расположенных в долинах вокруг Лимы. Здесь господствовала крупная земельная собственность. По данным Х. Капело в окрестностях города имелось 300 км² (30 тыс. га) поливных сельскохозяйственных земель, которыми владели 296 человек, то есть в среднем на одного владельца приходилось земли 1 км². Были и более мелкие землевладения площадью не более 1 га. Имелись и крупные землевладения до 3 км², и ряд крупнейших - площадью каждое более 10 км². При стоимости земли 200 солей за 1 га, или 20 тыс. солей за 1 км² вся земля вокруг Лимы оценивалась в 6 млн. солей. Арендная плата составляла 10 солей в год за 1 га, или 1 тыс. солей за 1 км², а за все 300 км² - 300 тыс. солей, или 5% от стоимости земли, что, замечает Капело, намного ниже чем в других странах⁵⁷. Прибыль с 1 га за год составляла 50 солей, а на всю площадь в 300 км - 1,5 млн. солей. Прибыль с оборотного капитала в сумме 1 млн. солей составляла в год 180 тыс. солей. Таким образом, суммарный капитал в земледелии в районе Лимы составлял 7 млн. солей⁵⁸.

Структура землевладения имела следующий вид: собственников земли - 300 человек, арендаторов - 300, управляющих асьендами - 200, майордомов - надсмотрщиков - 1200, батраков-мужчин - 3 тыс. человек, женщин-батрачек - 2 тыс. чел. Их доходы: собственники земли - 1200 солей в год, а в целом вся группа - 300 тыс. солей; арендаторы - 5000 солей в год, и группа в целом - 1,5 млн. солей; управляющие - 1000 солей, и как группа - 200 тыс. солей; майордомы - 300 солей, и как группа - 360 тыс. солей; пеоны-мужчины - 240 солей, и как группа - 720 тыс. солей; пеоны-женщины - соответственно 120 солей в год, и 240 тыс. солей как группа⁵⁹. Таким образом, класс эксплуататоров в 2 тыс. человек получал в качестве дохода за год 2,36 млн. солей, в то время как 5 тыс. батраков зарабатывали 960 тыс. солей в год, т.е. почти в 2,5 раза меньше по сравнению со своими хозяевами⁶⁰. Асендадос, в основном перуанцы, владели 95% всей обрабатываемой земли. Обычно под непосредственную запашку в каждой асьенде шло около 100 га. Здесь выращивались хлопок и сахарный тростник, который перерабатывался на сахарных заводах в самой асьенде. Сеялись также и фуражные травы - люцерна, сорго и т.п., а также продовольственные культуры - картофель, юкка. Ведение хозяйства в асьендах требует значительного производственного капитала. Сам асендадо живет в городе, занимает видное место в высшем обществе столицы, тратит много денег из своих доходов на личное потребление, и притом не-

экономно. Он сам не занимается сельским хозяйством, и лишь собирает арендную плату, передоверяя надзор над ведением хозяйства управляющим и надсмотрщикам. Отсталые формы организации труда на асеньдах, плохое распределение воды, что приводит к тому, что 50% имеющейся земли вообще не обрабатывается, отсутствие сотрудничества между асендадос и напряженность в трудовых отношениях между асендадос и пеонами - все это, по мнению Капело, приводит к низкой эффективности сельского хозяйства, а доходы асендадос составляют лишь 1/4 от возможных доходов их как землевладельцев⁶¹.

5 тыс. пеонов работают сезонно, земли не имеют, живут только на зарплату. Рабочий день их длится 10 часов, начинаясь с 5 часов утра и заканчиваясь в 6 часов вечера, с перерывом с 11 часов утра до 2 часов дня. Отдыхают рабочие-поденщики в примитивных шалашах, ночуют, где придется, или возвращаются в столицу, прихватывая с асеньды все, что плохо лежит. В месяц пеон получает 20 солей, питается он один раз в день. Основная еда - рис и картофель, хлеба и мяса употребляет немного. На питание в месяц пеон расходует 4 соля, остальные деньги идут на иные потребности, а зачастую большая часть пропивается. Пропив деньги, пеон возвращается на работу. Это полукуточное, полусельское население трудится на поденной основе, и асендадо стремится любыми способами заплатить пеону поменьше. Ему все равно - накормлен или нет батрак, есть ли у него жилье или нет. На свои заработанные деньги пеон не может купить ни земли, ни скота. "Асендадо всегда видит в пеоне врага, - писал в своем исследовании Х. Капело, - не доверяет ему, и пеон, в свою очередь рассматривает асендадо как безжалостного эксплуататора его труда - оба ненавидят друг друга"⁶².

Контрастом низкой эффективности ведения хозяйства на асеньде было интенсивное арендаторское фермерское хозяйство. 300 арендаторов - цветоводов, садоводов и огородников, в основном итальянцы, арендовали мелкие участки земли у крупных асендадос, где выращивали цветы, фрукты и овощи, пользовавшиеся повышенным спросом в столице. Цветоводы арендовали 1 га, садоводы - 2-3 га, огородники - 3-4 га. Их доход составлял около 5 тыс. солей в год. Некоторые из них, в особенности садоводы нанимали в сезон одного-двух пеонов. Обычно срок аренды составлял 5 лет, после чего участок с арендованной землей покупался арендатором. Дети этих фермеров-арендаторов расширяли дело, многие из них получали образование, становились торговцами, адвокатами, инженерами⁶³. Примерно той же структурой обладали и близлежащие к Лиме

городки косты Уачо и Чанкай, которые можно сказать были фермой Лимы, снабжая столицу фруктами, овощами, кукурузой, домашней птицей, свининой⁶⁴.

Тихоокеанская война привела почти к полному прекращению производства в горнорудной промышленности. Но постепенно и она была восстановлена и ее продукция, главным образом серебро, стала играть ведущую роль в экспорте страны. По данным перуанского консула А. Идиакеса в Гавре, в 1888 г. в Перу насчитывалось 2169 рудников, из них 1171 по добыче серебра, 74 – золота, 70 - угля, 66 - меди⁶⁵. Но уже к 1891 г. общая численность рудников выросла до 4187, из них 2641 составляли рудники по добыче серебра, 427 - золота, 48 - золота и серебра, 25 - серебра, свинца и ртути, 278 - угля, 28 - меди и т.д.⁶⁶.

Крупнейшим районом добычи серебра был горнорудный регион вокруг города Серро-де-Паско, где выделилось 150 относительно крупных рудников с примерно 1200 рабочими. Они получали 80-90 сентаво в день, в неделю 8-10 солей⁶⁷. Несмотря на техническую отсталость производства серебра и колебания цен на внешнем рынке, горнопромышленники получали достаточные прибыли, ибо, как писал английский консул в 1893 г., "рабочая сила столь дешева, что производство серебра еще долгое время будет прибыльным"⁶⁸. Общее производство серебра в Перу в 1888г. составило 120 т, из них 34 т добывались в Серро-де-Паско. Примерно половина серебра шла на чеканку монеты, остальная вывозилась в Европу⁶⁹. Недостаток рабочей силы, капиталов и транспортные трудности затрудняли более широкое развитие серебряных и золотых рудников, многие из которых были заброшены. В техническом отношении добыча серебра была отсталой. Преобладали мелкие рудники с небольшим числом контрактованных (по энганче) рабочих. Добыча, выплавка и перевозка серебра - вот и все формы разделения труда в производстве серебра. Уголь для выплавки стоил дорого, гужевая перевозка - еще дороже. Развитие капитализма в ведущих странах Европы повысило спрос на новые цветные металлы, в первую очередь медь, что привело к тому, что спрос на серебро стал постепенно сокращаться. Старые, истощенные рудники нуждались в технической реконструкции. Лишь немногие перуанские предприниматели стали расширять производство меди (Проаньо, Бакхус и Джонстон) с применением новых изобретений и технических новинок в процессе выплавки. Но большинство мелких производителей серебра не имели возможности произвести необходимые изменения в процессе производства, перейти на добычу и выплавку других цветных металлов. Отсюда неус-

тойчивость и предкризисное состояние мелких перуанских горнопромышленников.

Вместе с тем рядом перуанских предпринимателей удалось внести нужные изменения. Динамично и широко на современном техническом уровне велась добыча серебра Р. Бентином в Касапалке, где в 1890 г. было открыто крупное месторождение серебра. Им была построена крупнейшая плавильня серебра на руднике "Агуас Калиентес". В ряде случаев были разработаны и новые технические методы самими перуанцами. Интересна биография перуанского изобретателя, предпринимателя, публициста и историка Педро Давалос-и-Лиссона. Он родился в Лиме в 1863 г. С 1883 был рабочим-шахтером. Затем три года служил в "Компанья де минас и фундисьонес" в Патара (департамент Анкаш), позднее был управляющим рудников "Райо" и "Фелисидад" в Касапалке (провинция Уарочири). Здесь он усовершенствовал метод амальгамации серебра, сократив его с 40 дней до 2 часов. В 1889 г. в качестве компаньона американских инженеров Дж. Бакхуса и Джонстона, создавших компанию "Сосьедад де лос Андес" (позднее "Бакхус энд Джонстон") руководил строительством крупнейшей в Перу плавильни серебра в Касапалке и сооружением водоотводного канала из района добычи серебра. Его партнерами были Гарланд и Бентин - крупнейшие горнопромышленники Перу. Характерно, что Давалос-и-Лиссон установил тесную связь с американским капиталом, став в 1891 г. агентом страховой компании "Нью-Йорк Лайф Иншуранс", а в 1900 г. занял пост управляющего "Компанья редуктора де кобре" в Серро-де-Паско. Компаньонами его в этой компании были Д. Олавегоя, И. Альсамора, Ф. Гильдемейстер. Он первым лично в 1886 г. законтрактовал 200 рабочих из крестьян - индейцев в форме энганче в Хаухе для работы на своем руднике. Как представитель недавно возникшей крупной предпринимательской и торговой верхушки горнорудной промышленности, связанной с капиталами Лимы и иностранцев, заинтересованной в привлечении рабочих рук крестьян сьерры на новые рудники и субтропические плантации, Давалос-и-Лиссон вступил в конфликт с касеристскими властями Хаухи, не желавшими допускать трудовой самостоятельности индейцев, фактически закрепощенных на их асеньдах. Защищая индейцев-общинников в их конфликтах по вопросу о земле в судах и предоставляя денежные авансы законтрактованным индейцам, новый слой торговцев и предпринимателей подрывал основы господства асендадос в сьерре⁷⁰.

Развивалась также добыча угля, золота, свинца в Сандия, Карабая, Апуримаке, Аякучо, Анкаше и Либертаде. В 1888-1891 г. вступили

в действие крупные обогатительные и металлургические заводы по выплавке свинца, меди, серебра и золота в Польяске, Яули, Касапалке с современным оборудованием. В это же время на руднике Ярика в Анкаше, принадлежавшем Артуру Вертеману, впервые в Южной Америке для выплавки металла была применена электроэнергия⁷¹.

По численности рабочих - 66 тыс. человек⁷² - горнорудная промышленность занимала первое место в общей численности занятых в промышленности. Влияние горнопромышленной фракции буржуазии выразилось и в том, что экспортный налог на продукцию горной промышленности отсутствовал. Государство установило чисто номинальный сбор в 30 солей за год, взимаемый за участок концессии площадью 20 на 100 м (1 пертененсия). В 1890 г. был принят закон о том, что вплоть до 1915 г. продукция эта, идущая на экспорт, не будет облагаться налогом, и новые налоги в дополнение к существующим не будут вводиться⁷³. Столь льготные условия вызвали прилив в горную промышленность иностранных капиталов, главным образом английских. В 1889-91 гг. в Перу были созданы 22 английские компании с общим капиталом в 8,35 млн. ф. ст. Большинство из них были образованы в горной промышленности, в частности в Серро-де-Паско, но крупные капиталовложения были направлены и в строительство железных дорог, сахарные плантации, торговые заведения и т.п. Главная английская компания "Перувиан корпорейшн", имевшая крупные концессии в Серро-де-Паско, получила в 1892 г. чистую прибыль в 160 тыс. ф. ст., а в 1894/95 гг. даже 2,5 млн. солей, что резко контрастировало с общей бедностью страны⁷⁴.

Большую активность проявлял и американский капитал. Так, в 90-е годы был открыт главный золотой прииск в стране - Санто-Доминго, который давал почти 1 т чистого золота, но в 1894 г. был продан за 210 тыс. долл. американцам, основавшим "Инка Майнинг Ко"⁷⁵. Недостаток капиталов у перуанских горнопромышленников вполне объяснимый разорением страны в Тихоокеанской войне, удорожанием кредита и более широкими возможностями развитых капиталистических государств, определил в значительной степени преобладание иностранцев в крупном горнорудном производстве. Напомним, что в 1888 г. в стране осталось лишь три банка "Лондон Бэнк оф Мексико энд Саут Америка", "Банко дель Кальяо" и "Каха де аоррос де Лима" с преобладанием английского капитала, к которым присоединился созданный в 1889 г. "Банко италиано" с преобладанием итальянского капитала. В Лиме действовали 5 иностранных страховых компаний, и не имелось ни одной перуанской. Кредитные

учреждения по сути своей носили характер ростовщичества, ссужая, главным образом, проживавших в Лиме асендадос.

Появились и новые отрасли добывающей промышленности. Уже в 60-х годах XIX в. в Перу началась добыча нефти с участием местного капитала или капитала иммигрантов. Первые тонны нефти были добыты в департаменте Тумбес (северная коста) в Сорритос, затем в департаменте Пьюра (южнее Тумбеса) - в Таларе, Лобитосе и Негритосе. Перуанский предприниматель итальянского происхождения Ф. Пиаджи построил первый в Южной Америке нефтеочистительный завод, продукция которого успешно конкурировала с американскими нефтепродуктами. Ежемесячно завод поставлял для коста 60 тыс. галлонов (1 галлон - 3,785 л) керосина, экспортируя часть нефти и в США. Продукция завода получила золотую медаль на выставке в Берлине в 1894 г.⁷⁶.

Но в 1890 г. на первое место в добыче нефти вышла английская компания "Лондон энд Пасифик Петролеум Ко", перекупившая месторождение "Бреа и Париньяс" в Негритос (у Талары) у перуанского предпринимателя, оформив концессию на 99 лет. Она вложила в добычу нефти 1,25 млн. долл., а строительство нефтеперерабатывающего завода обошлось ей в 250 тыс. ф. ст.⁷⁷ В 1890 г. компания произвела 1113 т нефти, в следующем году - 12 тыс. т., в 1892 г. - 185 тыс. баррелей (1 баррель = 159 л.), давая ежедневно 4 тыс. галлонов керосина⁷⁸.

С самого начала деятельность английской компании была неразрывно связана с мошенничеством и грабежом перуанского государства. Получив официально концессию на 99 лет площадью 10 пертененсий (10 акров), она платила правительству в качестве налога скромную сумму 300 солей в год. На самом деле, как выяснилось в 1914 г., компания эксплуатировала нефтяные скважины на площади в 41.614 пертененсий, обманывая, таким образом, перуанское государство на сотни миллионов солей, которые ей предписывалось уплачивать по закону. Вместо 300 солей ежегодных платежей нефтяная компания должна была уплачивать 1,25 млн. солей в год⁷⁹. Империалистический грабеж естественных ресурсов страны имеет, как видим, долгую историю. (Национализированы "Ла Бреа и Париньяс" были только в 1968 г.). Любопытно, что президент сивилист Х. Пардо, вместо того, чтобы аннулировать концессию и передать сорный вопрос в обычный перуанский суд, как это требовал горный закон, решил передать дело на международный арбитраж, игнорируя протесты конгрессменов. Всё осталось по-прежнему.

Требованиями промышленно развитых капиталистических государств был обусловлен и рост сбора каучука в перуанской сельве - монтанье. В 1881 г. начался сбор каучука в районе Икитоса. Каучук экспортировался через бразильский порт на Амазонке - Манаус - в Европу. Процветала контрабанда. Так, в 1893 г. В Манаусе губернатор зафиксировал вывоз 848 т каучука из Перу, в то время как на таможне в Икитосе было обложено пошлиной лишь 558 т⁸⁰.

Каучук привел к бурному росту экспортно-импортных компаний. Основные торговые дома в Икитосе "Вельхе и Сиа", "Мурай, Эрнандес и Сиа", "Морей и Агила", "Братьев Кан", "Братьев Пинто", "Максиус и Леви" имели каждый капитал более 100 тыс. солей. Самая крупная из них немецкая компания "Вельхе и Сиа" располагала капиталом в 1 млн. солей.⁸¹ Они ввозили все, что потреблялось в Икитосе и в районе сбора каучука, вывозя каучук. Здесь появились предприятия по производству водки, табачных изделий, шляп, скотобойни и т.п.

Определенное, развитие получило и ремесленное и промышленное производство в городских центрах страны. Отметим, что в 1886-1895 г. в Перу утвердились первые очаги фабричного производства, главным образом в Лиме. Впрочем, статистика промышленности в это время отсутствовала и поэтому приходится прибегать к помощи источников различного характера. По мнению немецкого посланника Цембиша (сообщение МИДу Германии от 13 ноября 1890 г.) промышленность в Перу еще слабо развита. Производство обуви - в руках ремесленников. На севере косты в домашних условиях изготавливается большое количество соломенных шляп. В Лиме, Кальяо, Арекипе и Куско иностранцы-иммигранты построили современные пивные фабрики. Самая крупная пивоварня в Лиме, построенная в 1889 г., принадлежала английскому капиталу. Она снабжала пивом все приморские города. Иностранцам-иммигрантам принадлежали и недавно построенные фабрики - мебельная (немецкая), 2 лесопилки (немецкая и английская), мыловаренная фабрика (немецкая), сигаретные (итальянские и перуанские), свечная, ряд заводов по производству кирпича и кафеля. В Лиме и Куско имелись новые фабрики по производству шоколада, принадлежавшие перуанцам, им же принадлежали фабрики по приготовлению кокаина в Уануко и Посусо⁸².

Перуанский исследователь Э. Елес дель Кавтильо также констатирует факт основания новых фабрик иммигрантами и иностранцами. Так, в Лиме итальянцам принадлежало 19 дубилен, 3 маслобойни, 3 макаронные фабрики, фабрика фетровых шляп и т.п.⁸³.

В подробной статистике А. Идиакеса отмечается появление к 1889 г. новых пивоваренных заводов в Лиме и Кальяо, мыловаренных заводов в Лиме и Ламбаеке, вино - водочных заведений в Ике, Мокегуа, Локумбе, Махесе, фабрик, производящих хлопчатобумажные и шерстяные ткани в Лиме, Витарте (около Лимы), Чиклайо, Куско, Анкаше. Были построены литейные заводы в Лиме, Арекипе, Икитос, бумажная фабрика в Лиме, лесопильни в Лиме, Кальяо, Икитосе, крупные мельницы в Лиме и других городах, широко распространялось производство соломенных шляп на северной coste в Катакаосе, Майбамбе, Трухильо, Этене⁸⁴.

В связи с ростом тропического плантационного земледелия число кокаиновых, фабрик выросло до 10, из них в Уануко - 5, в Лиме - 2. В 1895 г. было вывезено из страны 3,4 тыс. т кокаина, стоимостью 609 тыс. ф. ст.⁸⁵.

Главным торговым и промышленным центром страны была Лима, насчитывавшая к 1895 г. 100-108 тыс. человек⁸⁶. В городе имелись сахарные заводы, оснащенные английскими машинами, пивные фабрики, текстильные и мебельные фабрики, предприятия, производящие искусственный лед, напитки, ликеры, макароны, химические продукты и т.п. По подсчетам Х. Капело на 1890 г. в Лиме было 3432 заведения, из них 69 фабрик⁸⁷. В их число входило 8 литейных заводов, 5 папиросных фабрик, 17 мебельных фабрик, 10 мельниц, 8 макаронных фабрик, 1 текстильная фабрика, 7 мыловаренных заводов, 1 спичечная фабрика, 1 завод по производству стекла, 6 ликёроводочных предприятий, крупная кондитерская "Артуро Фильд" и др. Статистика Капело вместе с тем свидетельствует о том, что по численности в столице преобладали ремесленные производства. Так, булочных было 29, сапожных мастерских - 213 и т.д.⁸⁸

Х. Капело фиксирует рост крупных акционерных компаний, капитал которых составлял 100-200 тыс. солей, а иных и 500 тыс. солей, хотя подавляющая часть фабрик, действующих в легкой и пищевой промышленности, были мелкими с капиталом не более 20 тыс. солей каждая⁸⁹. Крупную пивную фабрику в Лиме в 1880 г. построили американцы Бакхус и Джонстон, а в 1889 г. на ее основе они в Лондоне создали акционерную компанию, значительно увеличив инвестиции в производство пива в Лиме, а сбыт пива был распространен на всю страну. Ведущее место в пищевкусовой промышленности страны заняла кондитерская фабрика "Артуро Фильд", принадлежавшая английскому капиталу. Она была оборудована современными паровыми машинами⁹⁰.

Наиболее развитой промышленностью в Лиме была текстильная. Здесь вырабатывались грубые хлопчатобумажные ткани - токуйо, па-

русуна, и шерстяные ткани. Самой крупной была фабрика "Ла Витарте" вблизи Лимы оснащенная 65 современными станками. В 1895г. она выпускала 2,75 млн. ярдов ткани. Она принадлежала перуанцу К. Лопесу Альдане, но в 1890 г. была приобретена Грейсом. Ее продукция имела большой спрос в стране, что привело к сокращению импорта простых хлопчатобумажных тканей⁹¹.

В 1889 г. братья Прадо-и-Угартече и Б. Баггио основали в Лиме фабрику шерстяных тканей "Санта-Каталина" с 70 станками. Здесь было занято 300 рабочих (половина из них - женщины)⁹².

Х. Басадре приводит в качестве примера успешного перуанского предпринимателя Севилью, чья сфера деятельности распространилась на Англию и США. Он нажил состояние главным образом на каботажной торговле. Согласно его завещанию в 1886 г. он имел личное состояние 4,9 млн. солей серебром, в то время как весь бюджет Перу составлял примерно 6 млн. солей⁹³.

И все же социальный состав населения Лимы отражал преобладание доиндустриальных слоев и отношений. Достаточно сказать, что по подсчетам Х. Капело к 1895 г. в Лиме было около 30 тыс. слуг (из них детей - 15 тыс.). А так называемые "индустриалес", куда Капело относит ремесленников, художников, промышленных и иных рабочих, насчитывалось всего 25 тыс⁹⁴. Но доход или рента слуг, как отмечает Капело, составлял в год 5,6 млн. солей, отставая от дохода ремесленников и рабочих⁹⁵.

Ремесленников в Лиме насчитывалось 16 тыс., из них 2 тыс. - мастеров, 8 тыс. - подмастерьев и 6 тыс. швей, с общей суммой доходов 6,1 млн. солей в год. Положение их неустойчиво, часто безработица. Нередко мастера разоряются, увольняют подмастерьев и продают свою мастерскую. Мастера зарабатывают в год 1000 солей, подмастерья - 400 солей, швеи - 150 солей в год. Положение швей особенно тяжелое, они зарабатывают 12-13 солей в месяц, что хватает лишь на оплату жилья и скудной еды. Но и такой доход не гарантирован. К тому же на 20 солей в месяц в Лиме невозможно прожить и бедняку⁹⁶.

Капело выделяет и группу фабричных рабочих численностью 7 тыс. человек (он включает в их состав 500 предпринимателей и 500 их помощников). Их доход составил в год 5,2 млн. соля. Материальное их положение колеблется между доходом мастера и подмастерья⁹⁷. Но хотя число фабричных рабочих было в 2 с лишним раза меньше, чем ремесленников, общий их доход приближался к доходу ремесленников. Метод группировки населения по доходам, применяемый Капело, можно принять лишь в качестве весьма прибли-

зительных оценочных критериев соотношения ремесленного и фабричного производства. Если же к группе фабричных рабочих добавить транспортников Центральной железной дороги Кальяо-Ороя (220 км) - 2660 с годовым фондом зарплаты в 2,41 млн. солей, то общая численность пролетариата в Лиме к 1894 г. составляла 9660 человек с общим доходом 7,8 млн. солей в год, превышавшем доходы ремесленников⁹⁸.

Неустойчивое экономическое положение рабочих и ремесленников было постоянным источником крупных выступлений трудящихся в 1887-1894 гг. с требованиями повышения зарплаты в Лиме, Кальяо, Трухильо, Серро-де-Паско и др. городах.

Пласа Майор (Центр) Лимы в конце XIX века.

Лима была и важным торгово-финансовым центром. Численность занятых в торговле составляла по подсчетам Х. Капело 14 тыс. человек, с доходом в 18,85 млн. солей в год⁹⁹. Ведущую роль играли 30 крупных торговых домов с 450 филиалами в столице и в стране с общей прибылью в 3 млн. солей в год. За ними шли крупные индивидуальные торговцы (всего 500) с доходом также в 3 млн. солей. Среди них видное место занимали английские, немецкие, французские и итальянские торговцы и торговые дома¹⁰⁰. Они входили в торговую палату Лимы, которая контролировала всю оптовую и во многом розничную торговлю страны, оказывая влияние и на правительство¹⁰¹. Если крупный торговый дом имел прибыль в 100 тыс.

солей, а крупный торговец - 6 тыс. солей, то мелкий торговец имел 250-500 солей в год, зарабатывал в день 60-80 сентаво, то есть в 10-20 раз меньше. Положение мелких торговцев всегда неустойчиво, к тому же любые потери в связи с кризисами в торговле крупные торговцы всегда могли перекладывать на мелких¹⁰².

Значительное воздействие на финансовую жизнь в Лиме оказывали ростовщики и владельцы ломбардов, получавшие в год до 60% дохода от залговых и ссуд. Уже одно это, по мнению Х.Капело, свидетельствует о бедственном положении подавляющего большинства населения Лимы, вызывая социальные и политические волнения в городе. Доходы ростовщиков в год составляли 800 тыс. солей, равняясь всему доходу муниципалитета Лимы, или более 10% от суммы расходов всей республики в 1890-91 гг.¹⁰³.

Столь же негативную роль играли также 30 крупных кредиторов, которые взыскивали с торговли и промышленников 3 млн. солей в качестве процентов, что весьма тормозило экономический рост города. Они практически контролировали торговлю в Лиме и стране, а их огромные прибыли вполне отражали их влияние в политике и экономике¹⁰⁴.

Торговля, ремесло и промышленность развивались в условиях социальных контрастов и противоречий. Антагонизм противодействующих сил, особенно выразившиеся в борьбе за контракт Грейса ярко выражал нарастание развивавшегося со времени Тихоокеанской войны кризиса социально-экономической и политической системы Перу. От внедрения английского капитала пострадала, прежде всего, средняя и мелкая буржуазия провинциальных городов - ее связи с рынком ослабели ввиду повышения англичанами тарифов на перевозки на железных дорогах. Понесла ущерб и часть сахарных плантаторов, так как в условиях колебаний цен на сахар на международном рынке, а также вследствие разорения асендадос в результате Тихоокеанской войны и истощения источников кредитования многие мелкие и средние асьенды, а также и ряд крупных перешли в руки английских кредиторов. Прилив капиталов извне, однако, вскоре ослаб. Упал и импорт товаров фабричного производства в связи с сокращением экспорта национальной продукции. Но это имело и положительную сторону - необходимость снабжения населения основными предметами фабричного и ремесленного производства привела в ряде городов страны - Лиме, Кальяо, Арекипе, Куско, Трухильо и др. - к заметному росту промышленного производства и усилению национальной буржуазии. Как уже отмечалось, производство текстиля, кожи, мыла, свечей, сигарет, мебели, швей-

ных изделий, литейные заводы, пищевая промышленность - все эти новые элементы экономики, которые росли на основе местных капиталов, всё более перестраивались на фабричные методы производства¹⁰⁵.

И все же это развитие шло медленно, оно мало поддерживалось государством, было неустойчивым из-за нестабильности денежного обращения в стране и, в конечном счете, рентабельность новых фабрик обеспечивалась лишь за счет дешевизны рабочей силы. Относительное восстановление экономики страны происходило в условиях нещадной эксплуатации народных масс. Во имя эгоистических интересов верхушки правящих кругов правительство Касереса в 1886 г. восстановило подушный налог, всей своей тяжестью обрушившийся на крестьян-индейцев, мелких землевладельцев, ремесленников и мелких торговцев в городах.

В 1889 г. первое место в экспорте (а таможенные сборы служили основным источником государственных доходов) занимало серебро - 30% экспорта по стоимости, затем шли сахар, шерсть, хлопок, кожа и кожи¹⁰⁶. Позднее главную роль в экспорте стала играть продукция сельского хозяйства, и, прежде всего, экспорт сахара и хлопка¹⁰⁷. Однако Конституционалистская партия, стоявшая у власти, по-прежнему придерживалась политики поощрения узкой группы экспортеров серебра и гамоналов сьерры.

Пагубные экономические последствия такой политики с особой силой выявились после происшедшего в ноябре 1890 г. краха крупнейшего английского инвестиционного банка братьев Берингов. Он повлек резкое падение цен на серебро (соотношение между стоимостью золота и серебра, которое долгое время держалось на уровне 1 к 15 упало до 1 к 20 в 1886 и до 1 к 30 в 1895 г., а с 1891 г. по 1893 г. цена серебра упала с 34 пенсов до 25 пенсов за унцию¹⁰⁸). В стране расстроилось денежное обращение, выросли цены на предметы первой необходимости, ширилась спекуляция и ростовщичество, торговля пришла в упадок из-за низкой покупательной способности населения и нестабильности соля, упали и государственные доходы в результате сокращения внешней торговли. Начался экономический кризис после ряда лет медленного восстановления хозяйства страны. С особой силой кризис обрушился на главный район добычи серебра Серро-де-Паско, где в 1893 г. из 600 рудников по добыче серебра действовало лишь 50. "Серро-де-Паско сейчас похож на пустыню. Капиталисты и кредиторы бегут отсюда... этот процветавший город постепенно превращается в захолустье" - го-

ворил в конгрессе Перу в октябре 1893 г. сенатор Пинсас¹⁰⁹. Резко возросла безработица среди рабочих горной промышленности.

В. связи с очередным экономическим кризисом в Англии в 1892-94 гг. наибольшее падение производства произошло в текстильной промышленности, в особенности в производстве хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Экспорт хлопка и шерсти в Англию из Перу значительно сократился. Упали доходы от экспорта¹¹⁰. Масса сельских тружеников кисты лишилась работы. Тяжелым было положение рабочих, ремесленников, а также мелких фермеров, снабжавших города продовольствием. Росла нищета народных масс и в сьерре, задавленных произволом подушного налога. Правительство ввело новые налоги на водку, табак, сахар, хлопок, спички, керосин, на недвижимость и ренту.

Положение осложнялось в связи с неурожаем риса и хлопка - из-за стихийных бедствий в 1893 г. Особенно пострадала северная коста, где наводнение 1891 и заморозки 1892 и 1894 гг. привели к разорению мелких землевладельцев и арендаторов¹¹¹. Отсюда и нарастание политического кризиса, первые симптомы которого проявились уже в конце 80-х гг.

В 1887 г. в ходе забастовочной борьбы была воссоздана Конфедерация ремесленников "Unión Universal" ("Всеобщий союз") с участием булочников, сапожников, плотников, сигаретников, маляров, рабочих мельниц и т.п. Наиболее организованным отрядом в нем был профсоюз булочников, который создал в 1887 г. федерацию рабочих булочников "Estrella del Perú" ("Звезда Перу").

Рост дороговизны и снижение заработков приводили к постоянным, зачастую стихийным, забастовкам рабочих и ремесленников. В 1887 г. ремесленники, торговцы и рабочие вышли на улицы Лимы, требуя снижения цен на основные продукты питания. В 1888 г. в Серро-де-Паско 2000 рабочих рудников и соседних асьенд бастовали с целью добиться выплаты зарплаты серебром, а не бумажными обесцененными деньгами. В 1891-92 гг. бастовали в Лиме типографские рабочие, булочники, рабочие-сигаретники, портовики, железнодорожники и литейщики Кальяо, добиваясь повышения зарплаты. Правительство использовало войска для подавления забастовок и разгона народных демонстраций.

В этих условиях активизировалась оппозиционная демократическая партия во главе с Н. Пьеролой, бывшим президентом в 1879-1881 гг. Готовясь к президентским выборам 1890 г., Пьерола разработал и программные принципы партии. Они были опубликованы в апреле 1889 г. Партию демократов поддерживали либеральные асендадос юга, в частности, Арекипы и Пуно, Ики, а так-

же мелкие и средние асендадос центральной и северной части Перу - Хунина, Пьюры, Либертад, Ламбаеке, Анкаша. В руководство партии входили крупные промышленники: Г. Биллингхурст, имевший значительные капиталы в селитряных коях Икике; Рикардо Бентин - богатейший горнопромышленник из Хунина - ему принадлежал крупный серебряный рудник в Касапалке "Агуас Калиентес". Характерно, что Бентин выступал в палате депутатов конгресса против утверждения контракта с Грейсом, за что был силой удален из парламента вместе с 30 депутатами оппозиции, отвергнувшими постыдный контракт¹¹².

И Биллингхурст и Бентин передали значительную часть личного состояния для финансирования деятельности партии. К Демократической партии примыкали либеральные асендадос, ведшие крупное хозяйство, связанное с внутренним и внешним рынком. Таковы руководитель демократов в Хуине А. Дюран, владелец процветавшей плантации по производству кожи в монтанье; А. Карбахаль - владелец асьенд по производству кожи и сахарного тростника в департаменте Куско; братья Семинарио - Аугусто, Эдмундо, Освальдо и Рикардо владели хлопковой плантацией "Пабур" в Пьюре. Кастаньеда - владелец животноводческой асьенды в Хаухе (департамент Хунино), применив современные методы хозяйства, за короткое время удесятирил свои доходы¹¹³. В рядах сторонников партии демократов принадлежали те слои буржуазии, которые понесли крупные лишения в связи с переходом железных дорог Перу в руки английского капитала¹¹⁴.

Демократическая партия имела опору в средней и мелкой буржуазии городов, как старой, так и новой фабричной формации, пользовалась влиянием среди ремесленников и рабочих, в частности имела тесные связи с "Конфедерацией ремесленников" Лимы.

Партией демократов была предложена широкая программа буржуазных реформ, в том числе: преобразование финансовой и банковской системы страны, введение прямых налогов на доходы, расширение деятельности акционерных компаний, создание профессиональных училищ, установление золотого стандарта с целью стабилизации денежного обращения, постройка новых шоссейных и железных дорог, развитие мелиорации, улучшение методов сельскохозяйственного производства и др.

В ходе избирательной кампании 26 января 1890 г. 10 тысяч членов демократов провели демонстрацию, требуя свободных выборов. На первом съезде партии 30 января 1890 г. Пьерола заявил, что в Перу до сих пор "правительства захватывают власть при по-

мощи оружия", но демократы выдвигают "борьбу организованных партий, как в Англии и США". Но уже 10 февраля демократы отказались принять участие в выборах, заявив, что в Перу, где "господствует сабля", правительство Касереса готовит избирательный фарс, выдвинув кандидатом в президенты своего ставленника полковника Ремихио Моралеса Бермудеса¹¹⁵. Правительство Касереса ответило репрессиями. 5 апреля 1890 г. Пьерола был арестован и обвинен в подготовке "заговора и нарушения общественного порядка путем разжигания страстей толпы"¹¹⁶. Жандармерия разогнала протестующих у тюрьмы демократов, ранив 30 человек и задержав 200 человек. Было объявлено о суде над Пьеролой. Тем временем Моралес Бермудес был "избран" президентом. Пьерола же бежал в октябре 1890 г. из тюрьмы и уехал в Европу, где пробыл до 1893 года¹¹⁷.

Политическая обстановка в стране после выборов 1890 г. продолжала накаляться. Постоянно менялись кабинеты министров. 3 декабря 1890 г. правительством была сорвана попытка захвата казарм гарнизона Лимы Санта-Каталина группой близкой к пьеролистам военных во главе с полковником А. Моралесом Толедо. 22 человека без суда и следствия были расстреляны¹¹⁸. Эти события привели в 1891 г. к отходу от касеристов части сивилистов, возглавляемых сенатором М. Кандамо. В 1892 г. перешла в оппозицию в конгрессе политическая группировка "Unión Cívica" (Гражданский Союз). Ее руководитель председатель палаты депутатов М. Н. Валькарсель выразил протест против мошенничества правительства в ходе выборов в соответствии с конституцией одной трети депутатов конгресса. Основу этой группировки составляли также сивилисты. В 1893 г. разрыв сивилистов с Конституционалистской партией стал окончательным. В конгрессе сивилисты и "Унион Сивика" составляли большинство и, несмотря на противодействие Р Моралеса Бермудеса, провели новый избирательный закон, ограничивший вмешательство правительства в ход избирательной кампании. В выступлении в сентябре 1893 г. в сенате М. Кандамо указал на мотивы к принятию такого закона: "Все известно о произволе и скандалах, совершенных деспотичными и бесконтрольными властями во время создания муниципалитетов с целью обеспечить интересы единственной политической партии"¹¹⁹.

В конгрессе Перу 1893 г. с резкой критикой действий "Перувиан корпорейшн" выступили многие делегаты. Не выполнив условия контракта Грейса о строительстве железных дорог, компания, тем не менее, требовала ежегодной уплаты ей правительством Перу 80

тыс. ф. ст. и передачу ей контракта на строительство водоотводного канала в Серро-де-Паско, что поставило бы под контроль английского капитала большинства местных горнопромышленников. Сенатор А. Товар, выступая против планов правительства передать "Перувиан корпорейшн" концессии на строительство водоотводного канала Румильяна, заявил 4 октября: "Известно, что Серро-де-Паско - одно из самых богатых месторождений (серебра. - И.Я.) в мире. Я не могу не возмущаться, когда эти последние, оставшиеся еще у нас богатства, будут отданы ради исполнения условий разорительного контракта Грейса, который явился причиной нашего сегодняшнего плачевного положения"¹²⁰. Правительству не удалось добиться проведения своих планов, и концессия компании "Перувиан корпорейшн" не была предоставлена. Отвергнуты были и её требования продлить на 30 лет контракт Грейса, сдать в аренду все порты, кроме Кальяо и т.п.¹²¹.

Возвратившийся в 1893 г. из Европы генерал Касерес откровенно готовился, опираясь на армию, вновь встать у кормила власти.

Оппозиция подавлялась. 22 июня 1893 г. правительство издало декрет о закрытии более 30 оппозиционных газет в столице. Ряд журналистов был посажен в тюрьмы, разгромлены типографии. Готовясь к предстоявшим в 1894 г. президентским выборам правительство заменило выборные муниципалитеты, традиционно игравшие значительную роль в их проведении, на хунты нотаблей, прямо связанных с властями. Это вызвало крупные волнения в столице. Так, 11 января 1894 г. полиция разогнала в Лиме манифестацию, организованную "Национальным Союзом" против Касереса и председателя столичной хунты нотаблей Э. Барреды. Один из руководителей демонстрации доктор Г. Меначо был арестован¹²². Современник событий Хосе Санчес Чокуаро в выступлении 25 марта 1895 г. так описывал политический климат, сложившийся в стране: "Вторжение в домашние очаги, нарушение тайны переписки, заключение в тюрьмы детей и даже убийства женщин - таковы были действия позорного военного режима... Все свободы были ликвидированы - свобода личности игнорировалась в тюрьмах, куда люди бросались бессрочно, без суда и следствия с нарушением права неприкосновенности их жилищ. Свобода труда, промышленности и торговли подавлялась силой или оскорбительно высоким налогом. Свобода ассоциаций и юридической защиты позволялась только сторонникам правительства"¹²³.

Еще более обострилась политическая ситуация, когда 1 апреля 1894 г. внезапно умер Р. Моралес Бермудес. Сторонники А. Касереса не допустили к занятию поста президента первого вице-президента А. Солара. На пост президента при поддержке армии в нарушение конституции был назначен приверженец Касереса, второй вице-президент Х. Боргоньо. В ответ на возражение конгресса - его роспуск и назначение новых выборов. Это обстоятельство дало возможность "победить" на выборах А. Касересу и вновь стать президентом¹²⁴. Последовали аресты и ссылки его противников, закрытие газет, в которых критиковалась политика президента. Перспектива продолжения каудильизма с опорой на армию объединила сивилистов и демократов. В их союзе демократы выдвинулись на первое место. "Нам необходим человек, - говорил в кругу сивилистов один из их лидеров Ф. Росас, - который может сесть на коня"¹²⁵. А им был Пьерола - опытный и бесстрашный вождь с боевым прошлым. Революционная ситуация переросла в революцию. В основе ее лежала аккумуляция внутренних противоречий перуанского общества ускоренная поражением в Тихоокеанской войне и разразившимся в 90-х годах мировым финансово-экономическим кризисом, вызвавшим резкое ухудшение экономического положения страны.

Трудный путь к победе революционной коалиции

Разнообразны были силы, участвовавшие в революции. В ее авангарде шли демократы, т.е. та часть городской мелкой и средней буржуазии, которая пострадала от экономического кризиса и политического произвола военных правительств А. Касереса и Р. Бермудеса. Это - провинциальная буржуазия, в частности, Арекипы, Ики, Пьюры, Трухильо и других городов. Это - ремесленники и мелкие торговцы Лимы, ее трудящиеся классы, городская буржуазия столицы, поднявшаяся в десятилетие 1885-95 гг. в условиях дороговизны импортных товаров, главным образом, в легкой промышленности.

На стороне революции выступала и национальная аграрная буржуазия, чья продукция шла, в первую очередь, на внутренний рынок. Это - владельцы плантаций коки, мелкие фермеры, снабжавшие продовольствием Лиму и Арекипу. Мелкотоварные производители крестьяне-общинники житницы страны - долины реки Мантаро в Хунине, помня о карательных акциях Касереса в 1885-86 гг., отстаивали свою независимость от поползновений асендадос полуфеодалного типа. В департаментах юга - Пуно и Арекипе активную роль в рево-

люции играли либеральные асендадос, которые, в условиях роста спроса на шерсть в Англии, стремились расширить свои владения и изгнать крестьян с общинных земель, тем самым ускорив процесс капиталистического накопления в сельском хозяйстве.

Самую сильную в экономическом плане группировку представляли сивилисты - главным образом владельцы крупных сахарных плантаций на косте. Но они составляли наиболее колеблющуюся политическую фракцию революционеров. Мелкие и средние асендадос косты в условиях нестабильности и отсутствия кредитов с трудом выдерживали колебания цен на сахар на мировом рынке. Они разорялись, а их земли переходили в руки крупных плантаторов, зачастую иностранцев. Столь же неустойчиво было и положение хлопководов. Хотя крупные перуанские сахарозаводчики и плантаторы постепенно восстановили свои экономические позиции, подорванные Тихоокеанской войной, хаос в экономике и политическая нестабильность также угрожали подорвать их позиции.

В лагере контрреволюции было большинство крупных и средних горнопромышленников серебряных рудников, главным образом технических отсталых. В условиях экономического кризиса и падения цен на серебро им была выгодна скупка государством серебра и чеканка серебряной монеты по завышенным ценам, проводимая президентом Касересом.

Контрреволюцию поддерживали полуфеодалы асендадос юга страны, и особенно департаментов Пуно, Куско, Апуримак, Аякучо, которые завладели основными доходами от сбора подушного налога с индейцев, что закрепляло экономическое и политическое господство гамоналов над крестьянами. Вот почему крестьянство, как и мелкая буржуазия этих районов, в качестве первого требования в революции выдвигали отмену подушного налога, сбор которого усиливал произвол асендадос. Это требование поддерживали демократы и сивилисты, ибо закрепление крестьян в асендах полуфеодалного типа под предлогом взимания подушного налога ослабляло миграцию крестьян на быстро развивавшиеся капиталистические плантации на косте, в ряде районов сьерры и монтаньи, на промышленные предприятия. Касереса поддерживал и английский капитал в лице Грейса, владевшего огромными ресурсами Перу при содействии этого президента. "Перувиан Корпорейшн", как и в 1885 г., была заинтересована в том, чтобы Касерес остался еще на один срок на посту президента и расправился с силами в стране, враждебными "контракту Грейса". По циничному замечанию немецкого послан-

ника эта корпорация действовала так потому, что "новые люди могут потребовать больше (взятки)"¹²⁶.

Пьерола, как глава коалиции демократов-сивилистов, находясь в Вальпараисо (Чили), в начале мая 1894 г. заявил о непризнании правительства Касереса и начале открытого сопротивления его действиям¹²⁷. Уже в начале июня появились небольшие отряды партизан (монтонерас), руководимых сторонниками коалиции в департаментах Лима, Хунин, Уанкавелика. В департаменте Хунин первый отряд в 120 человек возглавил бывший сенатор Педро Арана. Отряд дошел до ворот Лимы и затем под давлением правительственных войск снова вернулся в центр департамента.

16 июня со своей семейной асьенды вблизи селения Морропон (департамент Пьюра) с отрядом в 150 человек вышел Освальдо Семинарио, который захватил порт Сульяга. К этому порту из Икике (Чили) прибыл корабль с оружием во главе с Аугусто Семинарио, назначенным Пьеролой главнокомандующим сил на севере страны. С ним прибыли его братья Теодоро и Эдмундо. Отряд быстро вырос до 800 человек, фактически установив контроль над департаментом. Так к революции пришел первый военный успех¹²⁸. Но правительству удалось не допустить создания крупных отрядов "монтонерас" в Куско, Пуно и Аякучо.

В середине августа 1894 г. важнейшие события происходили в центре страны - департаментах Хунине и Лиме. Здесь революционеров возглавлял Аугусто Дюран, который был назначен Пьеролой верховным политическим и военным руководителем департаментов центра. С ним действовали брат и сын Н. Пьеролы, горнопромышленники Карлос Пьерола и Исаиас Пьерола. 19 августа был разбит правительственный гарнизон и 21 августа 1894 г. занят центр департамента Хунин город Уанкайо.

В этот же день Дюран опубликовал декрет об отмене в департаментах, находившихся под его контролем, подушного налога, десятины и других налогов в пользу церкви¹²⁹. Этот декрет привлек на сторону революции подавляющее большинство мелких производителей города и села. А самое главное - центр превратился в оплот революции, что показало слабость позиций Касереса. Численность различных отрядов в центральной сфере достигла 3 тысяч человек. Из Лимы сюда постоянно направлялись добровольцы, главным образом из среды ремесленников, не желавших служить в армии Касереса, платить постоянные и разнообразные контрибуции в пользу касеристов¹³⁰. Положение осложнилось, когда рабочие-портовики Кальяо выступили с требованием отменить постановление правительства о

снижении зарплаты. В сентябре замерли портовые сооружения города. Владельцы порта вынуждены были согласиться на определенное повышение зарплаты, но переложили это повышение на потребителей, что еще более усугубило финансовый кризис, усилив хаос в экономике, спровоцировав бегство капиталов из страны, вызвав всеобщее недовольство масс¹³¹. Анализируя ситуацию в стране, лимская газета "La opinión nacional" ("Общественное мнение") от 17 сентября 1894 г. писала: "Гибнут люди, еще больше искалеченных, уничтожены крупные материальные ценности, разорено множество граждан... вследствие поборов воюющих сторон..." Газета отмечала, что "слабо вооруженные кавалерийские отряды партизан молниеносно передвигаются по всей стране, избегая крупных сражений с лучше вооруженными и дисциплинированными правительственными войсками... Хорошо зная местность, партизаны внезапно нападают на небольшие правительственные гарнизоны и отряды, захватывают города или порты, где силой собирают налоги или конфискуют таможенные сборы". Указывала газета и на то, что правительство в поисках средств прекратило выплачивать зарплату государственным служащим, приостановило уплату по внутреннему долгу, в результате в городе разоряется большая прослойка среднего класса, торговцев и ремесленников¹³².

На первом этапе революции отряды партизан действовали не очень организовано, они быстро распадались, не имели связей друг с другом. Перуанский историк Альберто Ульоа писал: "...революция была нищенской, монтонерас разрознены, непостоянны и нескоординированы. Они производят смелые налёты на населенные пункты, овладевают там оружием, патронами, лошадьми, громя захваченную врасплох малочисленную национальную гвардию субпрефекта или полиции. Жители встречают их с энтузиазмом. Но появляются правительственные войска и монтонерас рассеиваются в городах, прячась у друзей, или бегут в горы, где знание местности даёт им возможность отсидеться. И снова под покровом ночи они собираются на асьендах с согласия их владельцев и при помощи крестьян. И снова они внезапно нападают на авангард или арьергард правительственных войск"¹³³. Партизаны были подвижны как ртуть, но им не хватало оружия и лишь изредка они получали с борта кораблей, закупленное в Чили и выгруженное ночью оружие.

Большую организованность приобрели действия партизан с 4 ноября 1894 г., когда в департаменте Ика высадился Н. Пьерола, принявший на себя звание Национального делегата. В обращении к стране Пьерола заявил, что главное - это свержение незаконного

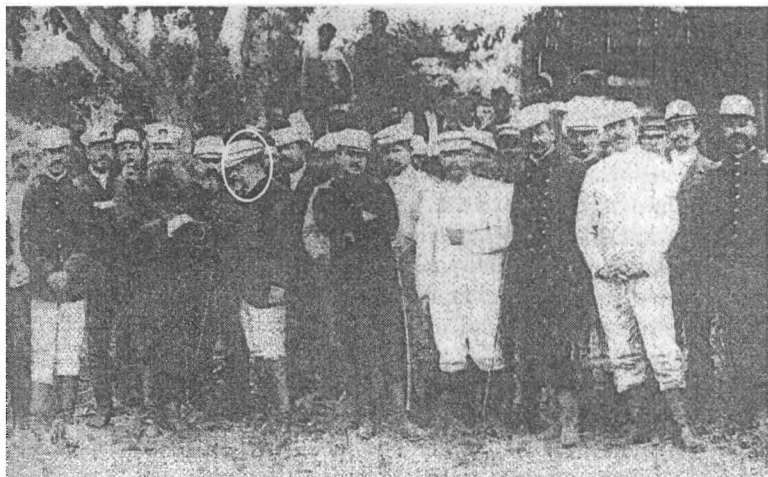
правительства Касереса, поддерживаемого только кликой военных¹³⁴. Штаб-квартира Пьеролы была установлена в г. Матукана - в важной в стратегическом отношении горной части департамента Лимы. Была сформирована "национальная армия" для окончательного решения гражданской войны в пользу восставших. Начальником штаба в ней был немец Паули¹³⁵. Консолидации сил революции не замедлила сказаться - уже в декабре 1894 г. наступление правительственных войск на Матукану было отбито.

Ослабили позиции правительства и в Лиме. Бесконечные налоги на население, нарушение каботажного морского сообщения и разорение торговцев, безработица все более усиливали нищету подавляющего большинства горожан. В конце ноября - начале декабря 1894 г. голодающее население Кальяо начало громить лавки и склады с целью обеспечить себя продовольствием. "У нас нет работы, и поэтому мы должны воровать, чтобы жить", - кричали эти отчаявшиеся люди¹³⁶.

Крупнейшим успехом коалиции демократов и сивилистов было очищение 27 января 1895 г. от правительственных войск второго по значению города в Перу - Арекипы. В городе вспыхнуло восстание, которое поддерживали подошедшие к городу отряды главы партизан юга полковника Ессупа. После 9-часового боя город был взят, причем на сторону восставших перешла и часть солдат правительственных войск.

Следующим крупным ударом по правительственным позициям стал захват 2 февраля г. Пуно. В партизанских отрядах, овладевших департаментом, решающую роль в качестве солдат сыграли индейцы - аймара, в частности из провинции Асангаро, страдавшие под бременем непосильного подушного налога, сбор которого проводился гамоналами, посягавшими на земли крестьян-общинников под предлогом взимания с них недоимок¹³⁷. В середине февраля Освальдо Семинарио окончательно вытеснил правительственные войска из Пьюры. Северная коста оказалась в руках восставших.

16-17 марта 1895 г. развернулось завершающее сражение на улицах Лимы. Армия Пьеролы по численности была меньше профессиональной армии Касереса. Но народ Лимы принял активное участие в уличных боях, обстреливая войска Касереса из окон и балконов домов. Характерно, что костяк отрядов Пьеролы составляли мелкие и средние фермеры из Чинчи (департамент Ика) и департамента Лимы¹³⁸.

Штаб Н. Пьеролы накануне штурма Лимы

После двух дней боев Касерес еще сохранял значительные военные силы, которые, однако, были окружены в центре города. Положение его стало безнадежным и он предпочел капитулировать, ибо, как отмечал сенатор Эгигурен в выступлении в конгрессе 9 октября 1895 г. "ясно было, что общественное мнение на стороне Пьеролы и рано или поздно правительство все равно потерпело бы поражение"¹³⁹. На улицах Лимы остались тела 1800-2000 погибших и около 2000 раненых. А всего в результате гражданской войны и революции погибло около 10 тысяч человек¹⁴⁰. Последний оплот касеристов в Куско сложил оружие лишь 1 апреля 1895 г. К власти пришла коалиция демократов и сивилистов.

Революция 1894-95 гг. носила буржуазный характер. Хосе Карлос Мариатеги указывал, что революция 1894-95 гг. не была буржуазно-демократической, так как ограничилась в известной степени восстановлением процесса буржуазного развития Перу, начатого сивилистами до Тихоокеанской войны, а революционные устремления индейцев и рабочих слабо отразились в ее результатах¹⁴¹. Ее итогом был переход власти от фракции консервативных латифундистов сьерры и части горнопромышленников центральной сьерры к коалиции поднимающейся национальной буржуазии города, аграрной буржуазии косты и наиболее развитых слоёв провинциальной аграрной буржуазии сьерры. Революция 1894-95 гг. расширила возможности для капиталистического развития Перу, закрепила ведущую роль косты в

экономике и политике страны. Ее истинные политические и экономические результаты более ясно выразились в законодательстве и практической деятельности политических сил, пришедших к власти. В революции 1894-1895 гг. подтвердилась закономерность, выявленная В.И. Лениным, что "в революционную эпоху страна живет так быстро и порывисто, что определение крупных результатов экономической эволюции в разгар политической борьбы невозможно"¹⁴². Начавшись как конфликт между несколькими фракциями господствующих классов по вопросу смены президента, революция вовлекла в свою орбиту значительные слои низов города и села. Наибольшей интенсивности и массовости гражданская война достигла на юге в Арекипе, на северной coste в Пьюре, к югу от Лимы в Каньете, Чинче, Ике и Писко, в центральной сьерре вблизи от Лимы. Десятки тысяч мужчин и женщин взялись за оружие, снабжали восставших продуктами питания, одеждой, средствами передвижения. Они сражались за утверждение автономии своих регионов, за возможность участия в принятии политических решений на уровне центральной власти, за отмену разного рода обременительных налогов, в том числе и подушного на индейцев-общинников. Немаловажной составной частью революционного процесса было стремление восстановить достоинство страны, погрязшее войной и деспотической политикой замазанных в коррупции военных, неспособных справиться с хаосом и унижением общества в целом, за создание более современного и стабильного национального государства. По числу участников и жертв, по размаху вооруженной борьбы, острой непримиримой идеологической войне революция 1894-1895 годов не имеет себе равных со времени войны за независимость и вплоть до наших дней в социальных и политических столкновениях, происходивших в стране. Выдающийся перуанский революционный демократ Мануэль Гонсалес Прада, современник событий, отмечал, что рядовые участники победившей революции, обильно проливая кровь в сражениях, мало что получили от победы. "Нельзя считать последнюю гражданскую войну началом возрождения. Все те несчастные индейцы, проливавшие кровь на улицах Лимы не обладали гражданским сознанием, не руководствовались идеями справедливости и не понимали необходимости социального улучшения. Это были почти бессознательные существа, которые были схвачены в пуно, связаны и под острием штыков брошены друг против друга, так же как бросаются друг на друга дикие звери... В гражданской войне 1894 г. индеец был совершенно безразличным орудием событий и мы только наблюдали орды монтонерас, возглавляемых бандитами. которые проводили реквизиции, разрушали ась-

енды, истязали рекрутов, насиловали женщин, расстреливали пленных, короче это были варвары, защищавшие смехотворную легальность правительства... С триумфом революции и президентством её каудильо судьба Перу не облегчилась... И что же было итогом деятельности коалиции 1894 г.? Убрали одного правителя и поставили другого, правящим по старым рецептам"¹⁴³. Настоящая революция, с точки зрения Гонсалеса Прады лишь та, после которой "народ должен знать, будет ли он по окончании сражений платить меньше налогов, смахнёт ли гнёт асендадос и перестанет быть батраками и янаконами, превратившись в свободных людей, владеющих мелкой собственностью"¹⁴⁴. И в этом смысле оценка Прады верна – революция повлекла за собой ещё большие тяготы для крестьян-индейцев: латифундисты в погоне за прибылями с развитием капитализма повели широкое наступление на общинные земли.

---

¹ Chang-Rodriguez E. La literatura política de González Prada, Mariátegui y Haya de la Torre. Mexico, 1957. P. 59.

² González Prada M. Páginas libres. Tomo I. Lima, 1966. P. 61.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 62.

⁵ Ibid. P. 62-63.

⁶ Ibid. P. 63-64. Перуанский историк Сесар Угарте в начале XX в. в строго научном исследовании подтвердил всё о положении индейцев в Перу, сказанное Мануэлем Гонсалесом Прадой в страстной обличительной форме: "В общем условия жизни и труда крестьянина в сьерре со времени колониальной эпохи улучшились не намного. Кратко их можно выразить в трёх словах – нищета, темнота и невежество, рабство. Его грязная лачуга, его ветхая одежда, его скудное питание – вот уровень его жизни, недалеко отстоявшей от животного состояния. А мизерный заработок в 30-80 сентаво в день вполне соответствовал этому уровню жизни и продуктивности труда индейца" – Ugarte C. A. - Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977. (Primer edición – 1926). P. 100.

⁷ González Prada M. Páginas libres. Tomo I. Op. cit. P. 41-42.

⁸ Ibid. P. 42-43.

⁹ González Prada M. Páginas libres. Tomo II. P. 157, 159.

¹⁰ Ibid. P. 160.

¹¹ Ibid. P. 160.

¹² Ibid. P. 163-165.

¹³ J Melgar Boa R. Burguesía y proletariado en el Perú: 1820-1930. Lima, 1980. P. 137-138; Miro Quesada Laos C. Autopsia de los partidos políticos. Lima, 1961. P. 199.

¹⁴ González Prada M. Horas de lucha. Lima. 1972. P. 27-30.

¹⁵ La Integridad. Lima, 22.12.1892. Абелярдо Гамарра, будучи депутатом конгресса в 1886-88 от провинции Уамачуко, выдвинул проект умеренного аграрного закона, имевшего в виду наделение крестьян необрабатываемыми землями асьенд, устройство школ в общинах и на асьендах, или организацию передвижных школ. – Basadre J. Historia de la República del Perú. Sexta edición, Tomo 10, Lima, 1971. p. 57.

¹⁶ См. его биографию в Diccionario enciclopédico del Perú. Tomo 3. Lima, 1967. P.620.

¹⁷ Basadre J. Historia de la República del Perú. Sexta edición. Tomo 10. Lima, 197-. P.18.

¹⁸ Basadre J. Op. cit. Tomo 10. P. 17-19.

¹⁹ Basadre J. Op. cit. Tomo 10. P. 13-14.

²⁰ Lissón C. Breves apuntes sobre la sociología del Perú en 1886. Lima, 1887. P. 110.

²¹ Ibid. P.73.

²² Ibid. P.39.

²³ Ibid. P. 69-70.

²⁴ Ibid. P. 41.

²⁵ Capelo J. Sociología de Lima. Libro III. Lima, 1896. P. 50, 162, 243.

²⁶ Ibid. P. 42-43.

²⁷ Capelo J. Sociología de Lima. Libro IV. Lima, 1902. P.50.

²⁸ См. Matto de Turner C. Aves sin nido. La Habana, 1974.

²⁹ В финале книги приведен разговор главных персонажей по поводу освобождения из тюрьмы индейца Исидро Чампи. Он характерен для позиции автора: "Итак, вы освободили Исидро Чампи, а кто же освободит всю его несчастную расу? - Этот вопрос следовало бы задать всем перуанцам" - гласил ответ. – Ibid., P. 253.

³⁰ Ближайший соратник Пьеролы Г. Биллингхурст, рассориившись с ним в 1899 г., утверждал, что за контракт с французским банкиром А.Дрейфусом Пьерола получил 10% от продажи гуано этим финансовым авантюристом. – El pierolismo y compañía, el gobierno Pardo, la candidatura Leguía. Lima, 1908. P. 1-2.

³¹ Partido Demócrata. Doctrina de Don Nicolás de Piérola. Declaración de principios. Base de organización del Partido. Lima, 1950. P. 2.

³² Ibid. P. 6.

³³ Ibid, P. 22.

³⁴ Ibid. P. 21-23.

³⁵ Ibid. P. 7.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid. P. 15.

³⁸ Ibid. P. 38-39, 40-41.

³⁹ Garland A. La industria azucarera en el Perú. Lima, 1895. P. 16.

⁴⁰ Idiaquez, Alejandro de. Le Pérou en 1889. Havre, 1890. P. 136-138. На Кубе 1 га давал 2,5 т., в Бразилии - 6-7 т. - см. там же, p.136. См. также: Historia de Perú. Tomo VII. Lima, 1980. P. 326.

⁴¹ Reseña industrial del Perú. Ministerio de fomento, Lima, 1902. P. 8.

⁴² Garland A. La industria azucarera en el Perú (1550-1895). Lima, 1895. P.

22.

⁴³ Ibid. P. 34-37.

⁴⁴ Garland A. La industria azucarera. P. 22-23, 31.

⁴⁵ Ibid. P. 24-25.

⁴⁶ Garland A. La industria azucarera. P.23; Capelo, Joaquin. Sociología de Lima. Libro I. Lima. 1895. P. 16.

⁴⁷ Garland A. La industria azucarera. P. 14.

⁴⁸ Garland A. La industria azucarera. P. 14, 17.

⁴⁹ Klarén P.F. Modernization, Dislocation and Aprismo. Origins of the Peruvian Aprista Party, 1870-1932. Austin-Lnd., 1973. P. 7. X. К. Мариатеги так описал этот процесс вытеснения местных сахарных плантаторов иностранными: "Финансовая организация этих плантаций, развитие и прибыльность которых зависят от положения на мировом рынке, не представляет собой результат предвидения или инициативы латифундистов. Крупная собственность всего лишь приспособилась к полученному извне импульсу. В своих постоянных поисках земель, рабочих рук и рынков иностранный капитал финансировал и направлял деятельность землевладельцев, предоставляя им деньги под залог их продуктов и земель. Уже многие заложенные и перезаложенные земли стали переходить в руки экспортных фирм". И далее Мариатеги, как типичный пример бессилия и неспособности перуанской аристократии добиться самостоятельного развития своих плантаций, представляет департамент Ла-Либертад, где в результате капиталистического развития в течение многих лет произошли "концентрация сахарной промышленности этого региона на двух больших фирмах, принадлежащих иностранному капиталу ("Картавио" и "Каса Гранде"), захват внутренней торговли этими двумя компаниями, особенно последней, переход внешней торговли в руки этой же компании, торговый упадок города Трухильо и ликвидация большей части его импортных фирм. Провинциальная власть, феодальные привычки крупных землевладельцев департамента Ла-Либертад не смогли оказать сопротивления этой экспансии иностранных капиталистических компаний. Успех этих компаний объясняется не только наличием капитала, но и техникой, методами, дисциплиной. Вообще их успех обусловлен всем тем, чего не было у местных собственников, а некоторые из них, если бы они обладали необходимыми для руководителей промышленности качествами, могли бы сделать то же, что сделала немецкая компания". – Мариатеги X. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 72-73.

⁵⁰ Gran Bretaña y el Perú. Informes de los Cónsules británicos. Compilador: Heraclio Bonilla. Vol. 1. Lima, 1975. P.244.

⁵¹ Mallon F.E. The Defense of Community in Peru's Central Highlands: Peasant Struggle and Capitalist Transition, 1860-1940. Princeton, New Jersey, 1983. P. 126-131.

⁵² Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822-1933. Séptima edición corregida y aumentada. Lima. Edición Universitaria, 1983. Volúmenes I-XYII. Vol. VII. P. 391.

⁵³ Perú Congreso. Cámara de senadores. Diario de debates, 1893. Lima, 1893. P. 137(543).

⁵⁴ Basadre J. Historia de la República del Perú. Séptima edición. Lima, 1983. Vol. VII. P.106; Mallon F. Op. cit. P. 101.

⁵⁵ El Perú en marcha, Lima, 1941. P. 132.

⁵⁶ Обычно площадь арендованной янаконом земли на косте составляла 15-30 га.

⁵⁷ Capelo J. Sociología de Lima. Libro II, Lima, 1895. P. 14-15.

⁵⁸ Capelo J, Op. cit. Libro II. P. 16.

⁵⁹ Ibid. P.15-16.

⁶⁰ Подчитано по Capelo J. Op.cit. Libro II. P. 15-16.

⁶¹ Capelo J. Op. cit. P. 16-17, 23-25.

⁶² Capelo J. Op.cit. Libro II. P. 25.

⁶³ Ibid. P.29-32.

⁶⁴ Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes. 1 par. Elisee Reclus. XVIII. Amerique du Sud. Les regions andines. Paris, 1893. P. 566.

⁶⁵ Ydiaquez A. Le Pérou en 1889. Havre, 1890. P. 141.

⁶⁶ The Statesman's Year Book. 1894. Lnd., N.Y., 1894. P. 822.

⁶⁷ Gran Bretaña y el Perú. Vol.1. Lima, 1975. P.257.

⁶⁸ Gran Bretaña y el Perú. Vol.1. P.244.

⁶⁹ Ydiaquez A. Op. cit. P. 67.

⁷⁰ Сведения о П. Давалос-и-Лиссоне см. в Paz Soldán J. P. Diccionario biográfico de peruanos contemporáneos. Lima, 1921, P. 114; Mallon F.E. The Defense of Community in Peru's Central Highlands: Peasant Struggle and Capitalist Transition, 1860-1940. Princeton, 1983. P.126.

⁷¹ Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822-1933. 7.a ed. corr. y aum. Lima, 1983. Vol.VII. P. 25.

⁷² Thorp R., Bertram G. Peru: 1890-1977. Op. cit. P.28.

⁷³ Garland A. Peru in 1906. Op. cit. P.235.

⁷⁴ The Statesman's Year Book , 1894. Op. cit. P. 823-824; Garland A. Reseña industrial del Perú, Lima, 1905. P. 157.

⁷⁵ Thorp R., Bertram G. Op. cit. P. 77.

⁷⁶ Handbook of Peru. Wash., 1895. P.79.

⁷⁷ Ibid. P. 52, 58, 79.

⁷⁸ Jepes del Castillo E, Perú. 1820-1920. Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972. P. 154; The Statesman's Year Book 1894. P. 823.

⁷⁹ Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822-1933. Séptima edición. Lima, 1983. Vol. VII. P. 128. В 1922 г. президент Ф. Легия, наконец, заключил соглашение с американской нефтяной компанией, признавшей, что она действительно располагает 41.614 пертененсиями, согласившись оплачивать по 30 солей в год за пертененсию, на которой она добывает нефть, и 1 соль за каждую неиспользованную пертененсию. Компания вы-

платила недоимку за предыдущие годы всего в 1 млн. долл. за 31 год добычи ею нефти и навсегда была освобождена от налога на переработку нефти. Таким образом за 1922-52 гг. государство ещё недополучило более 400 млн. солей. – El partido comunista peruano frente al problema petroleo. Lima, 1959. P. 15-16.

⁸⁰ Dávalos y Lissón P. La primera centuria. T. 2, Lima, 1922. P. 315.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Zentrales deutsches Archiv (далее – ZDA). Potsdam. Reichsamt des Innern. № 4737. Blatt 45-46.

⁸³ Yepes del Castillo E. Op. cit, P.172.

⁸⁴ Ydiaquez A. Le Pérou en 1889. Havre, 1890. P. 135-136.

⁸⁵ Gran Bretaña y el Perú. Informes de los cónsules británicos. Compilador: Heraclio Bonilla. Vols. 1-5. V. 1. Lima, 1975. P. 264.

⁸⁶ Capelo J. Libro I. P. 119; Libro II. P.151.

⁸⁷ Capelo J. Libro I. P. 128.

⁸⁸ Ibid. P. 128-129.

⁸⁹ Capelo J, Libro II. P. 45-46.

⁹⁰ Basadre J. Historia de la República del Perú. Lima, 1983. Vol. VII. P. 120-121.

⁹¹ Bardella G. Setenta y cinco años de vida económica del Perú. Lima, 1969. P. 14; Gran Bretaña y el Perú. Vol.1. P. 268.

⁹² Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1905. P. 118; Yepes del Castillo E. P. 171.

⁹³ Basadre J. Historia de la República del Perú. Op. cit. Lima, 1983. Vol.VII. P. 125.

⁹⁴ Capelo J, Op. cit. Libro II. P.84; Libro I. P. 121.

⁹⁵ Capelo J. Op. cit. Libro II. P.89.

⁹⁶ Capelo J. Op.cit. P. 36-38, 54.

⁹⁷ Ibid. P.38.

⁹⁸ Подсчитано по Capelo J. Libro II. P. 36-38, 53.

⁹⁹ Capelo J. Op. cit. Libro II. P. 40.

¹⁰⁰ Ibid. P. 64-65.

¹⁰¹ Ibid. P. 75.

¹⁰² Capelo J. Op. cit. Libro II. P. 64-65, 75.

¹⁰³ Ibid. P. 76.

¹⁰⁴ Ibid. P. 75.

¹⁰⁵ А. Гарланд писал, что "здесь использовался местный капитал, так как иностранцы... предпочитали вкладывать деньги в железные дороги или горную промышленность..." Garland A. Peru in 1906 and after with a Brief Historical and Geographical Sketch. Lima, 1908. P. 247-248.

¹⁰⁶ Bardella G. Setenta y cinco años de vida económica del Perú. Lima, 1969, P. 19; Garland A. Peru in 1906. P. 270.

¹⁰⁷ Если в 1890 г. экспорт сахара и хлопка составлял 37% экспорта Перу, а серебра – 33%), то к 1895 г. соответственно - 42 и 26. См.: Thorp H., Bertram G. Peru. 1890-1971. Growth and Policy in an Open Economy. London,

1978. Р. 40. Характерной чертой сахарного производства на косте был рост крупных асьенд (их было здесь 62, производивших сахар и 21 - алкоголь. В среднем каждая асьенда имела 500 га обрабатываемой площади и 900 пеонов, трудящихся за нищенскую плату 65 сентаво в день. Всего в сахарной отрасли сельского хозяйства трудилось 22,5 тыс. пеонов. Общий капитал этой отрасли хозяйства на косте к 1895 г. составил 33,4 млн. солей или 3,34 млн. ф. ст. См.: Garland A. La industria azucarera en el Perú (1550-1895). Lima, 1895. P.27-28. И хотя продукция горной промышленности возросла с 1886 г. по 1895 г. с 423 тыс. перуанских фунтов до 700 тыс. перуанских фунтов, а это было, прежде всего, производство серебра, она стала заметно отставать от сахара и хлопка в общем балансе товарной продукции страны. - Davalos y Lissón P. La primera centuria. Vol. 2. Lima, 1922. P. 330.

¹⁰⁸ El Perú en marcha. Lima, 1941. P. 236. Снижение стоимости серебра привело к расстройству внешней торговли и инфляции. Это вызвало требования о введении золотого стандарта национальной денежной единицы со стороны владельцев сахарных и хлопковых плантаций косты. Для них колебания цен на серебро приводило к резкому сокращению доходов в целом вследствие роста цен и уменьшения импорта. Кроме того, плантаторы косты традиционно сталкивались с нехваткой рабочих рук, и рост стоимости жизни в результате инфляции тормозил привлечение индейцев сьерры на плантации косты. - Gran Bretaña y el Perú. Los mecanismos de un control económico. Vol. V. Compilador: H. Bonilla. Lima, 1975. P. 45.

¹⁰⁹ Perú, Congreso, Cámara de Senadores. Diario de debates, 1893. Lima, 1893. P. 159(634); Ugarte C. A, Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977. P.93; Thorp R., Bertram G. Peru. 1890-1971. Growth and Policy in an Open Economy, London, 1978, P, 25-26, Отметим также, что избыток серебра на мировых рынках обострился в связи с открытием крупных месторождений его на Западе США. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т.П. М.; 1959, с.318-378. Basadre J. Historia de la República del Perú. Lima, 197-. Vol.10. P.106. Английский консул Менсфилд писал своему МИД 25 октября 1893 г. о хаосе в экономике Перу: "Оплата фрахта судов и тарифы на железной дороге увеличились на 25-30%. Цены на импортные товары выросли в некоторых случаях на 50%. Торговцы терпели убытки, ибо по повышенным ценам товары не покупались. Стоимость жизни все более растет, доходы же оставались неизменными. Все потребности сверх элементарных были ограничены. Положение неудовлетворительно. Для потребителей и разорительно для импортеров, в большинстве своем - иностранцев. Даже продукты питания, которые производятся в стране, с каждым днем становятся все дороже. Производитель расходует больше средств на необходимые ему товары, а затем поднимает цены на свои товары. Потребитель не может платить столь высокие цены. В результате сокращается производство, а отсюда вновь рост цен из-за дефицита товаров и отсутствия конкуренции. Уже в

1891-92 гг. финансовое положение Перу было ненадежным, но в первые шесть месяцев 1893 г. налоговые сборы упали на 40%, что связано с обесцениванием серебра". *Gran Bretaña y el Perú. Informes de los cónsules británicos. Compilador: H. Bonilla. Vol. I. Lima, 1975. P. 247, 241.*

¹¹⁰ Кризис привел к снижению стоимости основных экспортных товаров с 1,78 млн. солей в 1890 г. до 1,53 млн. ф. ст. в 1894 г. и 1,66 млн. ф. ст. в 1895 г. Сократился и общий торговый оборот с 3,68 млн. пер. фунтов в 1890 г. до 2,44 млн. пер. фунтов в 1895. При этом импорт уменьшился почти в два раза с 1,86 млн. пер. фунтов в 1890 г. до 1,04 млн. пер. фунтов в 1895, что в свою очередь привело к нехватке потребительских товаров и повышению их цен на внутреннем рынке Перу. - См. Thorp R., Bertram G. *Peru: 1890-1971. Growth and Policy in an Open Economy. Lnd., 1978. P. 27; Statistical Abstract of Peru, 1924. Lima, 1925. P. 17.*

¹¹¹ Perú, Congreso. Cámara de Senadores. 1893. Op. cit. P. 175-176 (695-696).

¹¹² Paz-Soldán J. P. *Diccionario biográfico de peruanos contemporáneos. Lima, 1921, P.55-56.*

¹¹³ Ibid. P. 83, 89, 362-363.

¹¹⁴ Так, один из основателей Демократической партии Бенхамин Боса (1846-1921) родом из Ики был управляющим железной дороги Писко-Ика (в 1871-1881). После победы революции 1894-95 гг. он стал министром внутренних дел Пьеролы, и вместе с ним создал строительную компанию "Ла Колмена" в Лиме в 1899 г. Высокая стоимость перевозки на Центральной железной дороге и отсутствие складских помещений тормозили доставку продукции земледельцев центральной сьерры в столицу (El País. 24.VIII.1895). "Перувиан корпорейшн" подвергалась резкой критике демократов за это торможение товарного земледелия Перу. (*Ibero-americanishes Archiv. Jahrgang 9. Heft 3/4. Berlin, 1983.S.339*). Кстати "Перувиан Корпорейшн" поддерживала касеристов в революции 1894-95 гг., перевозя их войска на своих судах и поездах, и в то же время, пользуясь тяжелым положением правительства Касереса, пытались навязать ему свои условия решения спорных вопросов в рамках контракта Грейса.

¹¹⁵ Dulanto Pinillos J. Nicolás de Piérola. Lima, 1947. P. 336-337.

¹¹⁶ Ibid. P. 368; Mujica Gallo M., Chirinos Soto E. Ramón Castilla. Nicolás de Piérola. Lima, 1964. P. 142.

¹¹⁷ Ibid. P. 368-371. Ulloa A. Don Nicolás de Piérola. Una época de la historia del Perú. Lima, 1981. P. 41-42.

¹¹⁸ Basadre J. *Historia de la república del Perú. 1822-1933. Séptima edición corregida y aumentada. Lima, 1983. Vol. VII, P. 142. Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 373.*

¹¹⁹ Perú Congreso. 1893. P. 69 (272).

¹²⁰ Perú Congreso. P. 157-158 (624-627). Отметим, что на этой дискуссии в сенате столкнулись точки зрения проанглийских и проамериканских сенаторов. Один из них Вальдес заявил, что нью-йоркские предприниматели создали синдикат с капиталом в 10 млн. солей, предлагая передать им

концессию на строительство водоотводного канала Румильяна, что дало бы возможность правительству выплатить свои долги. Однако из-за нерешенного статуса Серро-де-Паско они не могут действовать. - *Perú Congreso*. 1893. P.157-159 (624-631). Проправительственные сенаторы, игнорируя решение конгресса 1892 г. об отмене концессии "Перувиан компании", продолжали настаивать на уступке концессии английской компании. Они указывали, что только иностранный капитал, в данном случае английский, может оживить добычу серебра в Серро-де-Паско, когда будет построен водоотводный канал Румильяна длиной 1 милю и глубиной 140 м, на что требуются огромные капиталы. Сенатор Пинсас говорил: "Те, кто владеет рудниками близко к поверхности, получают огромные прибыли, а те, кто не может здесь работать, передадут свои рудники, получив определенный процент доходов. Таким образом, мы будем способствовать новому расцвету Серро-де-Паско. И мы дадим возможность "Перувиан" возвратиться сюда со своими капиталами и сделать то, чего мы сами не можем сделать. Мы должны выплачивать 80 тыс. ф. стерлингов компании, но не можем сделать этого. Поэтому мы должны предоставить ей компенсацию (за эту неуплату – И. Я.).(*Perú Congreso*. 1893. P. 159-160(634-635)). Он даже предложил передать "Перувиан" железные дороги навечно, чтобы "Перувиан" сохранила железные дороги, а не оставила их стране через 66 лет полностью разрушенными. Другой сторонник правительства Касереса заявил, что "бедствия, обрушившееся на страну, не связаны с контрактом Грейса и не определяются злой волей держателей облигаций, а вызваны огромным падением цен на серебро", но противореча себе, тут же указал, что "тарифы (на железных дорогах) нанесли большой ущерб торговцам во внутренних районах" (страны). -*Ibid*. P. 164(654)). А ведь дороги принадлежали англичанам.

¹²¹ Кратковременный прилив английских инвестиций был прерван кризисом дома Берингов в 1890 г. в связи с падением цен на серебро, а ведь сторонники контракта Грейса (главным образом сивилисты кости) утверждали, что его заключение восстановит внешнюю кредитоспособность страны, ибо будут привлечены иностранные капиталы, которые ускорят восстановление экономики Перу. Но "Перувиан корпорейшн" не вложила ни новых капиталов, ни ввезла и нового оборудования на железные дороги. Вообще для многих перуанцев стала ясной хищническая деятельность иностранных компаний в стране. Так, выступая в конгрессе уже после победы резолюции 16 октября 1896 г., сенатор Лама осуждал "иностранные компании, которые не оставляют своих капиталов в Перу и все, что они здесь приобрели, послали в Европу. Нам нужно только одно - наши капиталы должны оставаться в нашей стране". - *Congreso ordinario de 1895. Diario de los debates de la H. Cámara de Senadores*. Lima, 1895. P. 717.

¹²² Biblioteca Nacional de República. Lima. Sala de Investigaciones. Policía al Ministro de gobierno. D 5460. 12.1.1894.

¹²³ Chocuario J. S. El discurso de la revolución. Lima. 1895. P. 6, 9.

¹²⁴ Chirinos Soto E. Historia de la República. 1821-1978. Lima, 1977. P. 328; Bunge Guerrico H. Perú. Buenos-Aires, 1956. P. 39.

Чокуаро писал о действиях Касереса и военщины: "(Армия) грубо и неуклюже перетасовала вице-президентов, силой штыков навязав паяца и марионетку в качестве главы государства. Кандидат правительственных войск, действуя, под прикрытием этой марионетки и предвкушая легкую победу (на выборах) торопил события, бросал в тюрьмы любого и каждого в ночных рейдах из казарм". — Chocuaro J. S. El discurso. P. 5.

¹²⁵ Ulloa A. Don Nicolás de Piérola. Una época de la historia del Perú. Lima, 1981. P. 43.

¹²⁶ Uhlich. I, Die Politik des deutschen Kaiserreiches und der Grossmächte in Peru von 1871 bis zum Beginn des I Weltkrieges. Dissertation. Berlin, 1971. S. 137-138; Ibero-Amerikanisches Archiv. Jahrgang 9. Heft 3/4. Berlin, 1983. S. 334.

¹²⁷ La revolución, de 1894-95. Reminiscencias y revelaciones. Lima, 1901. P. 25.

¹²⁸ La revolución de 1894-1895. P. 31.

¹²⁹ Ibid. P. 42.

¹³⁰ Ibid. P.54.

¹³¹ Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labour Movement, 1883-1919. Pittsburgh, 1982. P. 26-27; Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822-1933. Lima, 1983. Vol.VII. P.188.

¹³² La revolución de 1894-95. P. 54. La opinión nacional. Lima, 17.IX.1894.

¹³³ Ulloa A. Don Nicolás de Piérola. Una época de la historia del Perú. Lima, 1981. P. 323-324.

¹³⁴ La revolución de 1894-95. P. 10-11.

¹³⁵ Basadre J. Historia de la República del Perú. 1822-1933. Lima, 1983. Vol.VII. P.307. Любопытен анализ событий в стране немецкого военного инспектора при перуанской армии полковника Паули 22 января 1895 г. перешедшего на сторону Пьеролы в знак протеста против продолжения гражданской войны, развязанной, по его мнению, Касересом, незаконно захватившим власть в стране. В обращении к перуанскому народу он полностью оправдывал восстание против неконституционного правительства. Правительство, несмотря на подавляющий перевес в вооружениях и численности не может справиться с отрядами партизан, слабо вооружённых и обученных. Размах действий восставших, их успехи объясняются боевым духом монтонерас, "которые совершают беспримерные подвиги и в настоящее время одерживают верх над теми, кто захватил верховную власть в стране, над теми, кто уже стал причиной гибели четырёх тысяч человек. Эти жертвы лежат исключительно на совести человека, который упорствует в своём стремлении властвовать против воли народа". Указал Паули и на нарастание ненависти к Касересу со стороны госслужащих, не получающих зарплаты, вдов и сирот, чьи мужья, отцы и братья погибли в бра-

---

тоубийственной войне, торговцев, чей бизнес парализован из-за военных действий, простого народа, лишившегося средств к существованию в связи с закрытием множества заведений и ремесленных мастерских, с прекращением общественных работ, где они имели раньше работу. "Проклинают Касереса все социальные классы, которые с самого начала его правления страдали и до сих пор страдают от его действий". – DZA Potsdam. AA b, № 29076. Blatt 42-43. Заметим, что позднее Паули был отозван в Германию в связи с его вмешательством в гражданскую войну на стороне Пьеролы. – Ulloa A. Op. Cit. P. 163.

¹³⁶ Ibid. P. 76.

¹³⁷ Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 410.

¹³⁸ Garland A. La industria azucarera en el Perú (1550-1895). Lima, 1895. P. 46.

¹³⁹ Congreso ordinario de 1895. Diario de debates de la H. Cámara de senadores. Lima, 1895. P. 208.

¹⁴⁰ National Archives. Washington, Records of the Department of State, Despatches from United States Minister to Peru, 1826-1906. Vol. 54. N. 196. P. 14; Harth Frantz E. La batalla de Lima, 17 de marzo de 1895. Lima, 1970. P. 10; Capelo J. Sociología de Lima. Libro III. Lima, 1896. P. 241.

¹⁴¹ Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 229, 278, 299-300, 302.

¹⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.3. Развитие капитализма в России, с. 16.

¹⁴³ González Prada M. Paginas libres. Horas de lucha. Caracas, 1976. – Статья: Los partidos y la Union Nacional (1898). P. 206-207, 210.

¹⁴⁴ Ibid. P. 217.

Глава 3

Становление и развитие зависимого капитализма

Реформы Пьеролы

Приход в августе 1895 г. в результате выборов к власти руководителя коалиции демократов и сивилистов Николаса де Пьеролы (срок президентства - 1895-99 гг.) положил начало ускоренному капиталистическому развитию Перу, преобразованию ряда надстроечных элементов политической структуры страны в направлении укрепления капиталистического сектора экономики. На повестке дня стояло приспособление Перу к новым экономическим условиям, определяющимся экспансией империализма ж развитием капитализма внутри страны. И в первую очередь необходимо было закрепить результаты революции, или, как выражались тогда, установить порядок и законность. В данном случае в реформах Пьеролы отразилась тенденция к упрочению капиталистической ориентации общественного строя Перу, то есть, как говорил К. Маркс, преодоление случайности и произвола в утверждении нового способа производства. По словам К. Маркса "урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипацией от просто случая и просто произвола"¹.

В первую очередь необходимо было обеспечить относительно упорядоченную смену власти на высшем уровне. Напомним, что манифест Демократической партии, опубликованный в 1889 г., специально указывал на необходимость включения в понятие национального суверенитета избирательную ветвь власти, наряду с законодательной, судебной и исполнительной. Ранее существовавший закон 1861 г. о выборах расценивался демократами как явно ущербный, так как на практике способствовал "фальсификации выборов"².

Как известно, избирательный закон 1861 г. устанавливал двухстепенные выборы, предоставив право голоса грамотным перуанцам, владельцам мастерских, собственникам недвижимого имущества и налогоплательщикам. Масса индейцев при этом совершенно игнорировалась. На центральной площади населенного пункта все граждане, имевшие право голоса, избирали членов избирательной комиссии, в присутствии которой происходило голосование за оп-

ределенное число выборщиков, посылавшихся затем в столицу провинции или департамента. Здесь выборщики выбирали соответственно депутатов, сенаторов и президента республики. Эти собрания зачастую превращались в бурные сражения за избирательный участок между претендентами на высшие посты законодательной и исполнительной власти. Активную роль при этом играли местные власти, опиравшиеся в свою очередь на поддержку центральной власти "и на местах после ожесточенных стычек между фракциями сторона, которая добивалась превосходства, изгоняла сторонников соперника из избирательного участка и спокойно "оформляла процесс голосования" - писал современник этих событий Педро Давалос и Лиссон. "Бурные столкновения, выстрелы, кровь составляли обязательный антураж традиционной процедуры выборов. Жители укрывались за закрытыми воротами, слышав шум сражения. В 8-9 часов утра все заканчивалось. Крепость была взята и город, успокаиваясь, возвращался к обычным делам"³. Недовольные таким оборотом дел соперники создавали другие избирательные участки, так что в Лиму иногда прибывали два или три кандидата в "служители народа". А поскольку каждые два года переизбиралась лишь одна треть конгресса, то оставшиеся члены конгресса превращались в верховных арбитров, утверждавших законность избрания одного из претендентов. Решающую роль при этом имело влияние исполнительной власти и большинства конгресса, обычно поддерживавшего президента. Обсуждение законности избрания претендента в конгресс сопровождалось уличными стычками, нападением подкупленной толпы на одного из кандидатов, угрозами конгрессу. Все это, несомненно, дезорганизовывало политическую жизнь страны, нарушало не только элементарный общественный порядок, но и тормозило упрочение власти господствующих классов.

Преамбула закона о выборах, внесенного Пьеролой на обсуждение конгресса в октябре 1895 г., подчеркивала основную проблему политического процесса в Перу. Необходимо "добиться, чтобы смена власти в государстве происходила только путем голосования граждан. Нужно помешать тому, чтобы партия, которая пришла к власти, увековечивала свое правление, пренебрегая законным голосованием. Нужно гарантировать сменяемость партий у власти, принимая во внимание и учитывая мнение большинства нации, высказанное на выборах. Это искоренит причины гражданских войн и обеспечит продвижение страны к прогрессу в условиях порядка"⁴. Сам Пьерола активно участвовал в процессе обсуж-

дения нового закона. В послании к конгрессу 28 июля 1896 г. Пьерола заявлял: "Пока не будет твердо и чётко установлено, что государственные посты могут занимать только по воле избирателей ничем не принуждаемой и несфальсифицированной... мир в обществе будет лишь кратковременным перерывом между кровавыми сражениями, когда закон не будет уважаться, а благо и прогресс республики будут недостижимы". Незадолго до голосования в специальном послании конгрессу 29 октября 1896 г. Пьерола подчеркнул: "Выборы - это фундамент, на котором покоится наше политическое здание. Фальсифицировать их - значит подвести мину под этот фундамент. Извратить сущность политических учреждений страны, сделать невозможным ее последовательный и упорядоченный прогресс, заменить царство закона и права гнетом тех, кто правит, и мятежами тех, кем управляют - все это означает выступать против самой жизни нации и благосостояния ее граждан..."⁵.

По закону 28 ноября 1896 г. право голоса имел любой перуанец, достигший 21 года, умеющий читать и писать, а также женатый, хотя и не достигший указанного возраста, если он включен в список избирателей по месту проживания. Выборы были прямые и открытые, причем фальсификация голосов предотвращалась вручением избирателю особого удостоверения разделенного на две части, одна из которых оставалась у него после голосования. В основу создания механизма выборов закладывался список налогоплательщиков. Национальная избирательная комиссия в составе 9 человек (4 - от палаты депутатов и сената, 4 - от Верховного суда и 1 - от исполнительной власти) составляла в строгом соответствии с данными министерства финансов список 25 самых крупных налогоплательщиков, проживавших в столице каждой провинции. Затем путем жребия из них назначалось 5 человек образовывавших комиссию по регистрации избирателей в провинциях и в дистриктах. Они же организовывали избирательные участки. Избирательная (счётная) комиссия провинции в составе 5 человек составлялась путем жеребьевки из 10 человек выделенных из 5 социальных группировок - курий центральной избирательной комиссией. Эти курии состояли: 1) из собственников; 2) адвокатов, инженеров, медиков, аптекарей, учителей, профессоров, представителей церкви, студентов и других лиц свободных профессий; 3) земледельцев и рабочих (*jornaleros*); 4) торговцев; 5) промышленников (ремесленники и другие *industriales*). И здесь в состав счетной комиссии входили самые крупные налогоплательщики. Так что на деле передача

аппарата голосования в руки состоятельных людей консолидировала господство экономически господствующих слоев перуанского общества. В отличие от прежних избирательных законов итоги выборов в департаментах и в провинциях утверждались на месте. Сам конгресс уже не имел права определять законность избрания того или иного кандидата. В редких случаях эта проблема могла рассматриваться в Верховном суде. Выборы считались действительными, если проголосовали более одной трети избирателей. Непомерно возросла роль Центральной избирательной комиссии. Ее прерогативы - утверждение списков избирателей, назначение 5 главных налогоплательщиков и состава департаментских и провинциальных комиссий по регистрации списка избирателей, а также членов счетных комиссий - значительно расширяли масштабы вмешательства со стороны центральных властей в процесс выборов. Почти всегда правительству удавалось добиться влияния в центральной комиссии, а это означало победу его кандидатов на выборах. Обычны были злоупотребления и мошенничество на выборах, хотя они и не выходили формально за рамки новых процедур. В избирательные комиссии часто назначались родственники и служащие, близкие к правительству. Естественно, что счётные комиссии подсчитывала голоса избирателей, как этого требовали власти. Как правило, и после принятия закона 1896 г. правительству удавалось проводить в конгресс своих сторонников. Но в целом избирательный механизм функционировал достаточно надежно, за исключением событий 1914 гг., когда вопрос о власти решался военным переворотом.

В целом же подавляющая часть перуанского народа была исключена из избирательного процесса. Достаточно сказать, что в список избирателей на выборах президента в 1899 г. было внесено 108 тыс. человек, из них в Лиме - 16,7 тыс. Если учесть, что население Перу по переписи 1876 г. составляло 2,69 млн. чел., а по оценке на 1908 г. - 3,54 млн. чел., то это всего 3-4 %⁶. Следовательно, яркие выступления Пьеролы насчет демократии были обращены лишь к господствующей элите. Народ, как и прежде, не допускался к участию в управлении государством. Правда, на первых порах Пьерола демонстрировал свой демократизм, способствуя избранию в палату депутатов руководителя гильдии портных Росендо Видаурре (в 1895-1901 гг.), одного из организаторов конгресса рабочих Лимы в 1896 г. Но участие Видаурре в работе конгресса не привело к росту политического самосознания рабочего класса, наоборот, его деятельность укрепляла позиции демократов.

Постепенное экономическое и политическое усиление сивилистов завершилось к достаточно легкому оттеснению демократов от власти, ибо уже в 1899 г. сам Пьерола игнорировал мнение радикального крыла своей партии и высказался за кандидатуру в президенты близкого к сивилистам Эдуардо Лопеса де Романью (он стал президентом в 1899-1903 гг.). Несмотря на относительную демократизацию политической системы, в центре ее продолжал находиться президент, которому и конституция и политические традиции "давали власть подобную той, которой обладали русские цари", как полагал известный перуанский политолог Франсиско Гарсия Кальдерон⁷. Иначе и не могло быть, ибо "перуанские политические партии - это нестабильные группы, сформировавшиеся вокруг сильной личности. Они выдвигают реформы, большей частью чисто теоретические, в отношении всех сфер национальной жизни. Они публикуют программы и цели, которые могут быть амбициозными или непритязательными, но в реальной жизни они разделены личной ненавистью, традициями и перегородками, укorenившимися в прошлом"⁸.

Сам Пьерола в 1898 г. в письме к руководству демократов заявил, что "трудно указать на какие-либо принципиальные отличия"⁹ между партиями сивилистов и демократов. Конечно, это было сильным преувеличением со стороны Пьеролы, обусловленное его явным поправлением и курсом на продолжение союза с сивилистами, и расколом в демократической партии, радикальное крыло которой на президентских выборах 1899 г. настаивало на разрыве с сивилистами. И по социальной опоре, и по региональным характеристикам, и по политической ориентации демократы и сивилисты отражали различные политические и, частично, классовые интересы. Прав Пьерола был в том отношении, что обе партии были едины в необходимости ускорения развития капитализма, отличаясь в методах и направлениях его конкретного воплощения. В рамках развития политических норм буржуазной демократии 21 октября 1897 г. был провозглашен закон о соблюдении *habeas corpus*, то есть неприкосновенности личности согласно нормам акта, принятого парламентом Англии в 1679 г., грубо нарушавшейся в период диктатуры Касереса. В том же 1897 г., несмотря на протесты церкви и самого Пьеролы, конгресс принял закон о гражданской регистрации брака, рождений и смертей.

Важные преобразования произошли и в организации армии. В революции 1894-95 гг. армия была наголову разбита отрядами монтонерас. Каудильизм и милитаризм были связаны воедино, и

они потерпели крах. Традиционно являясь одним из решающих элементов в политической системе, армия серьезно тормозила стабильное развитие. Целью реформ Пьерола была деполитизация армии, подчинение ее гражданским властям. Пьерола начал с того, что сократил численность армии, расходы на ее содержание в бюджете, отправив на пенсию большинство офицеров, связанных с Касересом. Вместо рекрутчины, часто вызывавшей волнения индейцев, в 1896 г. была провозглашена всеобщая воинская повинность для мужчин с 19 до 50 лет. В стране с 1896 г. стала действовать французская военная миссия во главе с артиллерийским капитаном Полем Клеманом. Под ее руководством в пригороде Лимы - Чоррильос была создана военная академия для подготовки профессиональных офицерских кадров. В результате усилилась технизация и профессионализация армии, продвижение по службе проводилось в соответствии с заслугами и выслугой лет. В 1904 г. была создана и школа генерального штаба. Армия открыла более широкие возможности для продвижения в общественном статусе средних классов. В 1898 г. был принят новый военный устав, заменивший уставы 1878 г. и 1890 г., основанные на уставах Испании. Упорядочив внутриармейскую организацию, устав, тем не менее, значительно расширял военную юрисдикцию над гражданскими лицами. В частности, в компетенцию военного суда входили - грабежи, поджоги, саботаж на железных дорогах и порча телефонных линий, похищения людей, подрыва мостов, нападения на поезда и т.п. В известной степени была достигнута деполитизация армии, только в 1914 г. она снова приняла участие в политической борьбе, в целом, однако, воздерживаясь от явного вмешательства в жизнь гражданского общества, как это было раньше. Вместе с тем, усилилась ее роль как карательной силы в руках правительства. Именно поэтому с нарастанием социальной напряженности росла и численность армии и расходы на нее, которые за 10 лет начиная с 1898 г. увеличилась в три раза. Как и прежде, рядовой состав, состоявший из индейцев, подвергался жестокому обращению со стороны офицеров, которые в основном были белыми или метисами. Свидетельства современников достаточно ярко описывают так называемую всеобщую воинскую обязанность, которая на деле выпадала только на индейцев: "Армейский патруль прочесывает деревни в сьерре и силой захватывает несчастных индейцев в армию. И при этом их называют добровольцами" - отмечал французский наблюдатель П. Валь¹⁰. Английская религиозная деятельница Джералдина Джинесс писала, что по закону рекруты выбирались по

жребию, но согласно данным за 1902 г. лишь 3% рекрутов были добровольцами, 1% - включен по жребию, а остальные оказались в армии как нарушившие тот или иной закон страны¹¹. Индеец глубоко ненавидит службу в армии. Во-первых, его родители нуждаются в помощи молодых людей для работы в поле и ухода за скотом. Во-вторых, он считает эту службу еще одной повинностью для индейца, так как знатные люди и чолос (метисы) практически освобождены от воинской обязанности. По окончании службы многие солдаты-индейцы возвращаются домой без денег, и нередко находят опустевший дом без семьи, не выдержавшей голодного существования и отсутствия кормильца и работника. Жизнь в грязных бараках, жестокая дисциплина, долгий срок службы (иногда более 3 лет) не прибавляли популярности воинской службе. Индейцы – горцы жестоко страдали от жизни в условиях сырого климата Лимы. По оценке около 70% рекрутов из сьерры привезенные в Лиму умирали от туберкулеза или возвращались домой безнадежно больными инвалидами¹². Наибольшее возмущение у индейцев вызывали облавы на молодых крестьян в городах, где их захватывала полиция и загоняла в бараки под тем предлогом, что они, якобы, включены в списки муниципалитета. Особенно часто это происходило в Куско. Так что и при новом законе ясно проявлялась классовая природа армии.

Правительство реорганизовало финансовую систему страны. Был принят закон о бюджете, установивши строгую отчетность в вопросах доходов и расходов. Первый за многие годы бюджет республики за 1897 г. составил по доходам - 10,7 млн. солей, по расходам 11,4 млн. солей, с дефицитом в 719 тыс., покрытым за счет внутренних займов¹³. Крупные изменения произошли и в налоговой системе. Были ликвидированы таможенные пошлины на ключевые экспортные товары - сахар и хлопок, введены повышенные тарифы на ряд импортных товаров, в частности, на импорт спичек, табака, керамику, текстиль. Таможенные пошлины на текстиль составили 40% *ad valorem*, на другие промышленные товары – 45%, вина и ликеры – 65%, сырье - 5-20%¹⁴. Однако машины ввозились беспошлинно. Все это было направлено на развитие импортзамещающих отраслей промышленности, которые могли успешно функционировать в условиях Перу. К тому же укреплялись финансовые возможности Перу - таможенные доходы выросли в 1896 г. на 49%¹⁵. Если в прошлом основные государственные доходы давали гуано и селитра, то теперь первенство прочно стали удерживать доходы от таможни. Согласно сведениям министерства фи-

нансов, доходы от таможни в 1899 г составляли 658,2 тысяч перуанских фунтов, налоги - 232,2 тыс. пер. фунтов, монополия на соль - 49,5 тыс. фунтов (в 1896 г. - 8,2 тыс. пер. фунтов.) из общей суммы доходов в 1,31 млн. пер. фунтов¹⁶. Были установлены косвенные налоги на табак, алкоголь, гербовую бумагу, то есть налоги, обременяющие в первую очередь трудящихся. В результате государственные доходы с 1894 по 1900 гг. выросли на 100%. Особенно важной была отмена 24 декабря 1895 г. подушного налога на индейцев. Но почти сразу в январе 1896 г. была установлена государственная монополия на соль, с налогом в 5 сентаво за каждый килограмм проданной соли, всей тяжестью обрушившийся на крестьян¹⁷. Пьерола в свое время провозгласил себя защитником индейской расы. На самом же деле он начал душить крестьян косвенными налогами. В условиях практически натурального хозяйства в сьерре, разорения в ходе войн и революций, крестьяне не имели возможности платить новые налоги. В ряде случаев Пьерола жестоко подавил восстания индейцев против захвата их земель латифундистами, оправдываясь необходимостью покончить со сторонниками Касереса. Так, в канун 1896 г. против захвата латифундистами земель общин в департаменте Пуно поднялись 30 тысяч индейцев. Войска расстреляли безоружных крестьян, а их земли захватили латифундисты – сторонники Пьеролы.

То же самое, но в более варварских формах произошло в ходе выступления индейцев в провинции Уанта (департамент Аякучо) против введения соляного налога. Современный памфлет так описывал эту сторону деятельности Пьеролы: "Налоги! Именно Пьерола и демократы ввели их... Он приказал установить налог на соль, который нанес смертельный удар соляным промыслам несчастных индейцев и жителей небольших городов. Многие бедняки заболели и даже умирали, заменив этот продукт первой необходимости другими вредными для организма минералами. Публично заявлялось, что налог якобы введен с целью накопить средства для выкупа Такны и Арики. Но на это пошла лишь одна треть средств, остальное исчезло неизвестно куда... Среди тех, кто выступил против несправедливого и губительного налога, была гордая провинция Уанта. Любое другое правительство послало бы сюда делегата для переговоров, либо каким-либо иным путем попыталось бы решить проблему. Но нет! Защитник индейской расы не захотел воспользоваться этим случаем и проявить свою любовь к этой расе, и послал Парру с инструкцией уничтожить её. И она была выполнена – расстреляны целые селения, захвачены скот и собственность

индейцев. Смерть и беспощадные преследования обрушились на неё (провинцию Уанта – И. Я.)"¹⁸. Действительно в сентябре 1896 г. в Уанте 2 тыс. индейцев, возмущенных введением соляного налога, убили субпрефекта Уанты Х. Абада. Из Кальяо на двух судах был направлен отряд в 800 человек во главе с префектом Кальяо полковником Доминго Парра. Восставшие индейцы расположились на холмах, окружающих город. Индейцы ожесточенно сопротивлялись, медленно отступая от одного холма к другому. Сам Парра был вынужден признать, что индейцы "храбрые люди", которые защищали, не сдаваясь, один холм за другим... "И если бы у меня,- пишет Парра,- не было Манлишер (более современных ружей, чем у индейцев – И. Я.), я бы столкнулся с большими неприятностями, так как стрелки они выше всех. Женщины столь же свирепы, как и их мужья, и вдохновляли их воинственными криками и аплодисментами"¹⁹. И все же регулярные войска имели превосходство. Крестьяне были разогнаны, их скот и имущество конфискованы, дома сожжены. Каратели расстреляли руководителей крестьян Мигеля Элиаса Ласона, Лоренсо Гонсалеса, Хосе Панкорбо, и других. Парра послал войска на поимку крестьян в сельву провинции Уанта в зону долины реки Апуримак. Лишь через полгода войска возвратились из разоренной провинции в Лиму. Индейские земли были захвачены латифундистами. Таким образом, налоговая политика Пьеролы резко усилила разорение крестьянства, его расслоение, захват земель общин латифундистами во имя развития экспортных анклавов сахара, хлопка и шерсти.

По закону от 13 декабря 1895 г. была отменена система откупов, применявшаяся ранее для сбора налогов. В 1896 г. была создана "Компания по сбору налогов" с капиталом в 1 млн. солей поделенным на 10 тыс. акций по 100 солей каждая. Более трети акций было быстро скуплено в Лиме и Кальяо, а остальные в департаментах среди торговцев, мелкой буржуазии, правительственных служащих, которые получали доход от 15 до 25% на акцию. Это укрепляло союз Пьеролы с ведущими слоями местной буржуазии. Уже в 1897 г. капитал компании увеличился, а фиск получал 75% прибыли компании от сбора налогов, составлявших в 1899 г. 306,9 тыс. солей²⁰. Впоследствии компания стала собирать и налоги в департаментах и муниципалитетах, а руководство в ней прочно перешло к крупным финансистам. Вместе с тем компании удалось поставить сбор налогов на более солидную основу, что обеспечило постоянный рост доходов правительства.

Важную роль в реформах Пьеролы было установление золотого

стандарта перуанской монеты. Падение стоимости серебра на мировом рынке вело к постоянному обесцениванию серебряного соля - основной денежной единицы страны, и, следовательно, к падению его производства на мелких рудниках, и сокращению на две трети внешних рынков для перуанского серебра. К тому же ведущие капиталистические страны перешли на золотовалютную основу национальной монеты. Как экспортная страна Перу не могла игнорировать эти перемены. Особую роль в принятии в 1897 г. золотого стандарта сыграл банкир Хосе Паян. Он возглавлял английский банк "Банко дель Перу и Лондрес" в Лиме, который располагал 60% всех банковских активов Перу, депонированных в 5 существовавших тогда банках²⁰. Несмотря на возражения большей части горнопромышленников и части сахарных плантаторов, опасавшихся роста стоимости рабочей силы (семейство Аспильяга и Хуан Гильдемейстер), Пьерола, опираясь на банкиров и крупных торговцев, ориентированных на Англию, добился прекращения в 1897 г. чеканки серебряного соля. В 1901 г. в стране окончательно был введен золотой стандарт. Была установлена золотая монета - перуанский фунт, соответствовавший 10 солям серебром и равный по золотому содержанию английскому фунту стерлингов. Эта реформа, устранив финансовую нестабильность, способствовала приливу иностранных капиталов в страну, а фунт стерлингов был допущен в свободное обращение в Перу. На деле же обогатилась верхушка финансистов и сахарных плантаторов косты, связанных с иностранным капиталом. Внутри страны продолжал в целом преобладать серебряный соль. Неравноправие двух валютных систем в их отношении к доходам населения вскоре проявилось в постоянной инфляции в стране. Анонимный памфлет 1908 г. так оценивал воздействие введения золотого стандарта на уровень жизни населения: "Какую же выгоду получил от этого народ? Фунт оказался благодеянием только для богатых и торговцев, которых он защищает от колебаний валютных курсов и самой монеты. Между тем продукты питания - главная статья потребления народа, настолько подорожали, что жить стало просто невозможно. Фунт вызвал рост цен на предметы первой необходимости, не принеся никакой пользы населению"²¹.

Для содействия экономическому развитию Пьерола создал в 1896 г. министерство развития, деятельность которого была направлена на разработку различных мер с целью ускорения развития промышленного потенциала страны. В частности, были разработаны горный и торговый кодексы (1901 г.), способствовавшие

проникновению иностранного капитала в экономику страны²². Новое банковское законодательство расширяло рамки финансовой инфраструктуры; Ряд законов способствовал развитию страховых компаний и сберегательных касс на основе, прежде всего, национальных капиталов. Были приняты законодательные установления о патентах и фабричных знаках, акциях и ценных бумагах, о колонизации монтаньи. Все это стимулировало экономическую деятельность в стране, эффективно защищая интересы бизнесменов²³. По личной инициативе Пьеролы были основаны объединения предпринимателей "Национальное общество промышленников" (1895 г.), "Национальное аграрное общество" (1896 г.) "Национальное горное общество"(1896 г.), которые превратились в ведущие организации правящих классов Перу, где зачастую принимались важнейшие политические и экономические решения.

Преобразования в политической надстройке, экономические реформы, направленные на расширение доступа в страну иностранного капитала - все это способствовало восстановлению стабильности в стране, оживлению внешней и внутренней торговли и, в целом, экономики, включению Перу в международный рынок в качестве страны многотоварного экспорта - сахара, хлопка, шерсти, каучука, серебра, нефти, меда, коки и т.п.

Рост промышленности и дискуссия о выборе пути

В период президентства Пьеролы в Перу были заложены основы фабрично-заводской промышленности. За период 1895-1905 гг. было создано 77 из 111 крупных промышленных предприятий в городах Перу, т.е. 69% всех предприятий, такого типа²⁴. Этому способствовала протекционистская таможенная политика (были установлены таможенные тарифы на спички, табак, мыло, сигареты, ткани и т.п.), девальвация национальной валюты, введение золотого стандарта, что удорожало импорт промышленных товаров, и рост городского населения, усилившийся спрос на продукцию фабрично-заводской промышленности. Статистика промышленного развития Перу весьма отрывочна, неполна, но имеющиеся в руках исследователя данные четко фиксируют рост именно городской промышленности, в первую очередь, связанную с переработкой сельскохозяйственного сырья и других ресурсов страны. Только за первые три года президентства Пьеролы были созданы свыше

50 компаний как перуанцами, так и иностранным капиталом с общим капиталом в 26 млн. солей (2,6 млн. ф. ст.). Причем большая часть компаний с капиталом в 20 млн. солей была создана в Лиме²⁵. Среди них две табачные фабрики, каждая с капиталом в 200 тыс. солей, фабрика по производству спичек "El Sol" - 400 тыс. солей, фабрика по производству шляп - 200 тыс. солей, керамическая фабрика - 200 тыс. солей, трамвайная компания Лимы - 500 тыс. солей и т.д.²⁶ Значительно выросло производство мыла и свечей, крупнейшая фабрика "Гваделупе" в Лиме имела капитал в 400 тыс. солей, производила ежегодно 12 тыс. ящиков свечей и 4 тыс. кинталей мыла, на ней трудились 150 рабочих, половина – женщины²⁷. По подсчетам канадского историка Питера Бланшара в 1902 г. в Перу было 264 фабрики, в 1905 г. - 291 и 505 - в 1918 г.²⁸ Несколько более заниженные сведения дает, опираясь на исследования английских экономистов Р. Торп и Дж. Бертрама, перуанский экономист Виктор Мадуньо. Истину выяснить трудно, ибо статистика того времени оставляет желать лучшего.

Таблица 1 Число фабрик в Перу по отраслям производства²⁹.

Отрасль	1905 число %		1918 число %		%роста (1905-18)
Текстиль и одежда	25	12,5	30	7,1	20
Дубильни	15	7,5	35	8,3	133,3
Обувь	1	0,5	7	1,6	600
Свечи	10	5	19	4,5	90
Напитки	5	2,5	71	16,7	1320
Вина и ликеры	4	2	33	7,8	725
Строительные материалы	8	4	12	2,8	50
Пиво	5	2,5	10	2,4	100
Продовольственные товары	85	42,5	128	30,2	50,6
Другие	42	21	79	18,6	88,1
Итого	200	100	424	100	112

Индианка с детьми (департамент Уануко)

Таблица 2 Численность рабочих в обрабатывающей промышленности³¹

Вид производства	1905 г.	1918 г.
Ткани хлопчатобумажные	1000 чел.	3100
Ткани шерстяные	600 чел.	791 чел.
Шляпы	80 чел.	200 чел.
Мыло и свечи	150 чел.	600 чел.
Масло из хлопкового семени	нет данных	536 чел.
Папиросы	500 чел.	320 чел.
Спички	120 чел.	180 чел.
Обувь	нет данных	300 чел.
дубление кож	нет данных	460 чел.
Вина и ликеры	нет данных	375 чел.
Лесопильни	210 чел.	—
Пивоварни	нет данных	600 чел.
Мукомольни	130 чел.	450 чел.
Вермишель ж макароны	200 чел.	250 чел.
Карамель, шоколад	100 чел.	550 чел.
Сорочки	250 чел.	—

Характерной особенностью первого в истории Перу этапа индустриализации была направленность его на обслуживание внутреннего рынка. Индустриализация эта коснулась главным образом производства потребительских товаров, а не производства средств производства, что означало бы на деле действительный переворот в развитии производительных сил. Значительный процент участия в этой индустриализации капиталов и предпринимателей-неперуанцев, связь с финансовым капиталом крупнейших империалистических государств способствовали закреплению деформированного зависимого характера перуанской промышленности. Наиболее динамичной отраслью обрабатывающей промышленности, получившей решающий импульс развития в период президентства Н. Пьеролы, была текстильная. Если в середине XIX в. существовала лишь одна фабрика по производству грубой хлопчатобумажной ткани - токуйо "Ла Витарте" (пригород Лимы), принадлежавшая английскому капиталу (Грейсу), то к 1902 г. их уже насчитывалось 7. В Лиме – "Витарте" имела 290 станков, "Ла Вик-

тория - 200 станков, "Ла Провиденсия" - 120 станков, "Эль прогресо" - 80 станков, "Сан-Хасинто" - 60 станков, в Ике - "Андрес Малатеста" - 84 станка, в Арекипе - "Форха е Ихос" - 176 станков. Общее количество ткацких станков на 1902 г. составляло 1015, капитал - 2,5 млн. солей, рабочих и служащих - 850, общее производство тканей - 15 млн. ярдов, потребление хлопка - 1,6 тыс. т.³² В 1905 г. по переписи проведенной по заданию правительства А. Гарландом, общее число станков возросло до 1305, капитал достиг 3 млн. солей (300 тыс. пер. фунтов), стоимость производства в год 200 тыс. пер. фунтов, тканей выработано 20 млн. ярдов, их них 4 млн. ярдов вывозилось в Боливию. Число рабочих достигло 1 тыс.³³ К 1918 г. число фабрик по производству хлопчатобумажных тканей достигло 9 (были построены фабрики "Эль Ника" и "Унион" в Лиме, и Уаскар" - в Куско). Капитал этих фабрик составлял почти 1 млн. п.ф. (984,5 тыс. п.ф.), а число рабочих достигло 3100 (Из них в провинции трудилось 514 чел.)³⁴. Если в 1902 г. хлопчатобумажная промышленность покрывала 20% внутреннего спроса, то к 1918 г. уже 50%³⁵. Показательно, что в 1918 г. национальное производство фабрик хлопчатобумажных тканей составляло 25 млн. ярдов, импорт - 27,8 млн. ярдов, национальное потребление - 52,8 млн. ярдов, так что производство тканей внутри страны удовлетворяло лишь 47% спроса на внутреннем рынке³⁶. То есть при значительном росте процента импорзамещения хлопчатобумажных тканей производством внутри страны зависимость страны от импорта более ценных сортов тканей, главным образом из Англии, продолжала существовать. Более того, почти все компоненты для производства хлопчатобумажных тканей, за исключением естественно хлопка, произраставшего в долинах Лимы, Ики, Арекипы и Пьюры, ввозились из-за границы. Это - крахмал, каустическая сода, карбонат соды, мука, кислоты, краски, не говоря уже о ткацких станках. Основными поставщиками были Англия и США. Темп развития промышленности по производству хлопчатобумажных тканей определялся иностранным капиталом. Так, две крупнейшие фабрики "Витарте" и "Инка" с числом рабочих в 1311 человек принадлежали Грейсу. Две менее крупных фабрики "Эль Прогресо" и "Ла Унион" с 659 рабочими, также принадлежали английской компании "Дункан фокс", одновременно сосредоточившей в своих руках экспорт перуанского хлопка. Эти четыре фабрики, в 1918 году имели капитал 506 тыс. пер. фунтов или 51,4% всего капитала инвестированного в перуанскую хлопчатобумажную промышленность и 80% потребляемого хлопка в стране³⁷. Итальянскому капи-

талу принадлежали фабрики "Сан-Хасинто" в Лиме (братьям Бата Исола) и "Малатеста и Пикассо" в Ике. Большая часть капиталов инвестированных в фабрики в Арекипе принадлежала англичанам. В крупнейшей считавшейся национальной компанией "Ла Виктория" (капитал в 1918 г. 200 тыс. пер. ф., число рабочих - 301 чел.) основанной в 1897 г. одним из видных перуанских экспортеров сахара, плантатором из Ламбаеке Хосе Пардо (ставшим в 1904 г. президентом страны) заметную роль играли и инвестиции Грейса³⁷. Таким образом, засилье иностранного капитала определяло направленность хлопчатобумажной промышленности на производство главным образом грубых тканей, ситец же возился из Англии. Всё это замедляло спрос внутреннего рынка на высококачественные ткани фабричного производства, консервировало ремесленное производство тканей индейцами сьерры. Индустриализация в области хлопчатобумажного производства, несмотря на наличие местного сырья - великолепного длинноволокнистого хлопка, не была ввиду господства английского капитала доведена до конца. Об этом говорят и темпы развития хлопчатобумажной промышленности. На первом этапе в 1901-1908 гг. ежегодный прирост производства хлопчатобумажных тканей составлял 18%, а впоследствии в 1908-1918 гг. лишь 2,5%, хотя в целом общий рост производства хлопчатобумажных тканей был впечатляющим - 1,5 млн. ярдов в 1891 г., 25 млн. ярдов в 1908 г. и 32 млн. ярдов в 1918 г.³⁸. И в то же время в 1901-1930 г. производство тканей в стране выросло с 15 до 36,6 млн. ярдов, т.е. на 144%, а экспорт хлопка поднялся на 700%³⁹. Таким образом, основная часть производимого в стране хлопка шла на экспорт, а не на собственные фабрики. Английские капиталисты, представленные в основных организациях делового мира Перу, саботировали любые попытки защитить местную хлопчатобумажную промышленность.

Меньшее значение имело производство шерстяных тканей. В основном перерабатывалась шерсть альпаки, ламы и овец, которые использовалось и в ремесленном производстве крестьян-индейцев. Однако значительная часть овечьей шерсти вывозилась английскими компаниями. Лидировала в производстве шерстяных тканей фабрика "Санта-Каталина", основанная в 1889 г. Мариано Игнасио Прадо. В 1903 г. он превратил ее в акционерную компанию с капиталом примерно в 1 млн. долларов (2 млн. солей), 70% которой принадлежала итальянцам. Общая стоимость производства в 1911 г. составила 500 тыс. долл., а выпуск тканей достиг 25 тыс. метров ежемесячно⁴⁰. Крупнейшая - "Санта-Каталина" - имела в 1902 г.

400 рабочих, а общее число рабочих на всех пяти фабриках составляло в 1918 г. 735 чел., их капитал достиг в 1918 г. 424 тыс. пер. ф.⁴¹ Если учесть, что капитал "Санта-Каталины" в 1918 г. равнялся 300 тыс. пер. фунтов, а остальных - 124 тыс. пер. фунтов⁴², то ясно, что и в данной отрасли текстильной промышленности иностранный капитал составлял больше 50%. И это несмотря на то, что, по сообщениям современников, ткани фабрики "Санта-Каталина" успешно конкурировали с иностранными, ибо на ней были установлены самые новейшие станки, приводимые в действие энергией электрического тока⁴³.

Наиболее крупные капиталы были вложены в текстильную промышленность. Но заметный рост фабричного производства имел место в приготовлении спичек, мыла, обуви, мебели, древесины, одежды, бумаги, пива, пищевых продуктов, шоколада, кокаина, стекла, строительных материалов. Большая часть, за исключением мукомольной промышленности и производства пива, отчасти спичек, основывалась на местном сырье.

По данным американского консула Хатчинсона в 1905 г. в Перу было 15 мукомольных предприятий с капиталом в 1 млн. долл. (200 тыс. пер. фунтов), на которых было занято 250-300 рабочих. Они перерабатывали около 40 тыс. т пшеницы, главным образом чилийской и аргентинской⁴⁴. Наиболее крупная "Компания молинера Санта Роса", введенная в строй в 1896 г. (70 рабочих, капитал 60 тыс. пер.ф., производство 70 т муки в день по данным 1905 г.) принадлежала английскому иммигранту Александру Милну. Только этот мукомольный завод давал 45% потребляемой в Перу муки. Второй завод, принадлежавший Хуану Перамо, ненамного отставал от первого. Они постепенно вытесняли более мелкие заводы, число которых сократилось до 9 в 1907 г. и 5 - в 1918 г. Процесс концентрации этой отрасли пищевой промышленности облегчался тем обстоятельством, что в руках иностранцев сосредоточился импорт пшеницы, осуществляемый крупнейшим экспортером ее "Бунхе Борн" (Аргентина). (80% всего ввоза в Перу)⁴⁵. Производство спичек в стране было налажено на двух фабриках "Эль Соль" и "Ла Лусьернага". Первая фабрика, принадлежавшая американской компании "Дюман Мэч Компани оф Чикаго", поглотила вторую. Капитал новой американской компании составил 40 тыс. пер. ф. На ней было занято 120 рабочих, 80 из которых – женщины⁴⁶. Под защитой протекционистских пошлин в стране развивалась табачная промышленность. К 1906 г. их было 9 фабрик с капиталом в 750 тыс. долл. И ежегодным производством в 1,25 млн. долл.⁴⁷.

На протяжении нескольких лет произошёл перевод табачной промышленности к фабричным методам производства, что повлекло за собой резкое снижение числа рабочих. Во всей стране в 1900 г. в производстве табачных изделий было занято в 1900 г. 3 тыс. рабочих, из них в Лиме - 2 тыс. Введение машин сократило численность рабочих в Лиме до 500 человек. Крупнейшая из 5 табачных фабрик Лимы "Ла Мутуа" принадлежала итальянскому капиталу⁴⁸. Большинство фабрик по производству макарон и вермишели владели итальянцы. В 1905 г. в Лиме на этих фабриках работало 130 человек, которые производили 1200 т макарон в год. Общий их капитал составлял 50 тыс. пер. фунтов. В провинциальных городах производилось на фабриках 650 т мучных изделий, работало 70 рабочих. Стоимость этих фабрик оценивалась в 25 тыс. пер. фунтов⁴⁹.

Крупнейший пивоваренный комплекс в Перу "Джонстон и Бакхус" принадлежал англичанину Дж. Джонстону, вторая по мощности пивоварня - немцу А. Киферу. 80% пива производилось в Лиме и Кальяо. В год английская фабрика производила 350 тыс. дюжин бутылок пива. Сырьё и бутылки импортировались⁵⁰.

Обувная промышленность начала развиваться как побочная ветвь иностранных компаний, занимавшихся вывозом перуанской кожи. Отсюда значительное даже в начале XX в. ремесленное производство кожи. Характерно, что 55% местной кожи шло на экспорт, а оставшееся сырьё могло покрыть 65% местной потребности в коже крупного рогатого скота, 52 - в овечьей коже и 22 - в козьей⁵¹. И лишь в 1918 г. были установлены протекционистские тарифы на ввоз в страну импортной обуви. Фабричное производство обуви в начале века находилось в руках итальянцев и французов, и лишь позже национальный капитал занял в ней ведущее положение⁵². Частично итальянским иммигрантам принадлежали и 9 фабрик по производству сорочек. С 1895 г. ежегодный прирост производства на них составлял 50%. Общий капитал их составлял 16 тыс. ф. ст. Занято на этих 9 фабриках было 250 человек, почти все женщины⁵³. На новой промышленной основе развивалось производство макаронных изделий, галет и шоколада. Здесь преобладали итальянские иммигранты. Крупнейшая же фабрика по производству галет "Артур Фильд" принадлежала англичанам. Но имелся и национальный перуанский капитал, хотя он был далеко позади по влиянию в отрасли. Николини, Гиарелья, Миццо, Касаретто, Раветтино, Батти и Фабра - вот наиболее известные фирмы в производстве мучных изделий и шоколада. Добавим, что наиболее

старым и важнейшим центром производства шоколада на ремесленном уровне оставался г. Куско⁵⁴. В Лиме и Куско значительный размах получило производство коки и кокаина на 22 заведениях, общая стоимость производства которых составляла в 1904 г. 560 тыс. долл.⁵⁵. В 1904 г. экспортировалось 896 т коки и 7 т кокаина⁵⁶. Внутреннее и внешнее судоходство, железные дороги, электростанции (крупнейшая электрокомпания "Эмпресас электрикас асосиадас", владевшая городским трамваем и снабжавшая Лиму и Кальяо электричеством) в основном принадлежали английскому капиталу. Руководителями "Эмпресас электрикас" были видные сивилисты и перуанские бизнесмены - Альсамора, Арена, Аюло, Исола, Паян, а управляющим Мариано Игнасио Прадо и Угартече. Капитал компании составлял в 1911 г. 21 млн. солей (2,1 млн. ф. ст.)⁵⁷. Торговые дома, кредит и финансы контролировались иностранцами. Общий объем иностранных инвестиций в Перу достигал к 1911 г. примерно 60 млн. ф. ст.⁵⁸. Исследователи, наблюдавшие развитие процесса индустриализации Перу, четко зафиксировали преобладание иностранного капитала в новых отраслях фабрично-заводской промышленности⁵⁹. Именно поэтому развитие местной промышленности, обрабатывающей в первую очередь сельскохозяйственное сырье (продукты питания, текстиль, обувь), подчинялось динамике развития внешней торговли и тенденций роста международной экономики. В результате темпы роста, например, текстильной промышленности, маслособойной, и т.п., где самые крупные предприятия были в руках иностранного капитала, определялись потребностями международной торговли хлопком, шерстью, семенами хлопка. Мало того, эти иностранные предприятия ввозили промышленные товары, конкурирующие с производством такого же рода внутри страны. Тем самым замедлялось и накопление⁶⁰. По подсчетам перуанского экономиста А. Герби 80% рабочих и 90% капиталов в обрабатывающей промышленности приходилось на текстильную и пищевую отрасли ее⁶¹. К тому же и в наиболее развитых центрах промышленного производства Лиме и Кальяо по данным 1920 г. подавляющее большинство трудящихся было занято ремеслом (78,4 - ремесленники, 21,52 - рабочие)⁶².

Очевидно, что такого рода индустриализация не могла обеспечить самостоятельного развития страны. Ведь в Перу не производилось машин и оборудования, и все фабрики были, оснащены импортными средствами производства. Вероятно, лишь основание литейных мастерских можно отнести к зачаткам развития промышленности средств производства. Эта и наиболее старый ли-

тейный завод (1866) "Бакхус энд Джонсон" в Чукуйто, в 1896 г. перешедшая в руки У. Уайта, "Дель Агила", принадлежавшая компании "Д. Курси", "Сан-Хасинто" – владение компании "Шоффилд и К", "Пьедра Лиса" – англичанина Р. Рейда и др. На них изготавливались запчасти для сахарных заводов, ремонта железнодорожного оборудования и судов. Все они были основаны и принадлежали англичанам. Наиболее крупный литейный завод в пригороде Лимы "Пьедра Лиса" была основана У. Прайсом из Манчестера. В 1903 г. ее купил Р. Рейд. На ней отливались печи и котлы, барабаны для дробления сахарного тростника, отжимные прессы и другие запчасти, необходимые в сахарном производстве. Самая крупная отливка весила 5 т. Литейный завод использовала энергию электростанции на реке Римаке⁶³. Тем не менее, основное оборудование, наиболее сложное и технологически передовое для сахарных заводов, импортировалось из Европы, главным образом из Англии. В стране изготавливалось лишь простые и громоздкие запчасти. Так что говорить серьезно о развитии тяжелой промышленности в Перу в полном смысле этого слова не приходится.

При всей важности развития промышленности, она, как уже указывалось, не удовлетворяла всех потребностей страны. Об этом говорит и тот факт, что в 1918 г. стоимость импорта сырья составила 1,5 млн. пер. ф. или 19,8% всего импорта⁶⁴. Импортозамещающая индустриализация привела к заметному падению ввоза пива, вин, свечей, мыла, сигар и сигарет, шерстяных тканей, обуви, сорочек, мебели. В 1891-98 гг. ввоз пива по стоимости упал на 43%, свечей – 41%, мыла – 81%, сорочек на 57%, и т.д. В то же время ввоз сырья для производства этих товаров в стране – хмеля, ячменя, бутылок, стеарина, масел для мыла, жира, серной кислоты и т.п. вырос соответственно с 249 тыс. солей в 1891 до 561 тыс. солей в 1898 г⁶⁵. Эту тенденцию роста ввоза продовольственных товаров и средств производства подчеркнул в 1909 г. бывший президент Н. Пьерола, при котором начался процесс индустриализации Перу. "Удовлетворяет ли Перу свои самые элементарные потребности. Вовсе нет. Более того – машины, строительные материалы, одежда, обувь, даже продукты питания приходят в Перу извне. Страна, которая является родиной картофеля, ввозит его, страна, имеющая развитое животноводство, ввозит сено, фураж. И даже молоко, которое потребляет лишь немногие, – ввозится"⁶⁶.

В связи с ростом промышленности и экспортных отраслей сельскохозяйственного производства возникли финансовые и кредитные организации, обеспечивающие денежное движение в стра-

не. Господство иностранного капитала четко прослеживается и здесь. По данным А. Гарланда в 1906 г. ведущую роль в банковской системе страны занимал "Бэнк оф Перу энд Лондон", создавший филиалы в 9 городах Перу. Главная доля его капитала в 500 тыс. фунтов стерлингов или перуанских фунтов принадлежала англичанам (основан в 1897 г.). В "Банке Италиано" (основан в 1889 г.) - главный источник капиталов представляли вложения итальянских иммигрантов, а сам банк был тесно связан с миланским "Банка Комерциале италиана". Его капитал составлял 200 тыс. ф. ст. Возглавлял его Доминго Олавегоя, один из могущественных асендадос - скотоводов центральной сьерры. "Банко Популяр с капиталом 100 тыс. ф. ст. (создан в 1899 г.) - номинально перуанский (президентом его был крупный промышленник Мариано Прадо и Угартече, а в правлении состоял самый состоятельный перуанский горнопромышленник Э. Фернандини) установил связь с немецкими, французскими и английскими финансово-кредитными учреждениями. Созданный в 1905 г. "Банко Алеман Трансатлантико" был филиалом "Дойче Юберзееше Банк" (капитал в 1909 г. - 1,75 млн. ф. ст.) имел в Перу три отделения - в Кальяо, Арекипе и Трухильо с общим капиталом в 200 тыс. ф. ст. "Банко Интернациональ дель Перу" (основан в 1897 г., капитал 100 тыс. ф. ст.) был тесно связан с семейством сахарного плантатора Аспильягов (президентом его был Антеро Аспильяга). Общий капитал банковских и других финансовых учреждений в Перу составлял в 1906 г. - 1,22 млн. ф. ст. При этом три главных банка "Бэнк оф Перу энд Лондон", "Банко Италиано" и "Банко Алеман Трансатлантико" обладали капиталом в 900 тыс. ф. ст. Таким образом, налицо гегемония иностранных банков, определявших торговую и экономическую жизнь в стране⁶⁷. Характерен, например, состав правления "Бэнк оф Перу энд Лондон". Председателем его правления был Алехандро Аренас - длительное время председатель ведущей политической партии страны - сивилистской. В состав правления входил представитель семейства Грейсов Джеймс Грейс, крупный нефтепромышленник Фаустино Пиаджио, компания которого слилась в конечном счете с английской. Управляющим банка был Хосе Паян, уроженец Кубы, еще до Тихоокеанской войны работавший в английском банке в Кальяо⁶⁸. Дивиденды составляли 12-16% в год. Это очень крупная сумма для такого рода банков⁶⁹.

Депозиты в этих банках вследствие благоприятной деловой конъюнктуры постоянно росли. Их общая сумма увеличилась с 1,37 млн. ф. ст. в 1897 г. до 8,1 млн. ф. ст. в 1913 г.⁷⁰ Естественно,

что наибольшую прибыль извлекали крупнейшие банки. Так, в 1903 г. прибыль "Бэнк оф Перу энд Лондон" составила 68,7 тыс. ф. ст. (16% от основного капитала), такую же прибыль в 16% имел "Банко Италиано", но ее сумма составила лишь 20 тыс. ф. ст. "Банко Интернациональ" получил прибыль в 16,3 тыс. ф. ст. или 14% . Эти три банка в 1894 г. имели основной капитал в 355 тыс. ф. ст., а в 1905- 532 тыс. ф. ст., депозит соответственно 890 тыс. ф. ст. и 2,8 млн. ф. ст., т.е. рост за 10 лет на 210%⁷². Согласно сообщению немецкого консула в Кальяо за 1906 г. стоимость акции "Бэнк оф Перу энд Лондон" на бирже составляла 200% от номинальной стоимости⁷³. Еще большие дивиденды приносили страховые компании, хотя и носившие перуанские названия, но тесно связанные с иностранным капиталом: "Компанья Интернациональ" была связана с английским и американским капиталом, "Италия" - с итальянским, "Рима" и "Урбана" - местные, "Компанья дель Перу" финансировалась "Дойче Юберзеес банк". От величины компании и международных связей ее зависел и объем дивидендов. "Компанья Интернациональ", например, выплатила в 1906 г. дивиденд на обычную акцию в 52,12%, "Италия" – 30%, "Рима" и "Урбана" соответственно - 28 и 15%⁷⁴. К 1910 г. на балансовом счету "Бэнк оф Перу энд Лондон" было уже 2,54 млн. пер. фунтов, а прибыль 75,6 тыс. пер. ф., но на второе место переместился "Банко Алеман Трансатлантико" с капиталом 1,28 пер. фунтов (прибыль не указана в источнике). "Банко Италиано" находился на 3 месте с 688 тыс. пер. ф. на балансе и с прибылью 20,5 тыс. п. ф.⁷⁵.

В межимпериалистической конкуренции немецкий банковский капитал решительно оттеснил итальянский и начал приближаться по объему операций к английскому. При общих балансовых счетах 7 главных банков в 1910 г. в 5,63 млн. пер. фунтов эти три банка имели на своем балансе 4,45 млн. пер. фунтов⁷⁶. Таким образом, иностранный капитал по-прежнему господствовал в банковской системе страны, прибыли извлеченные ими непременно оказывались в руках иностранцев. А это, естественно, замедляло накопление капитала и его использование для целей экономического развития страны, не говоря уже о направлении его в местную фабричную промышленность. Движение денежных средств и их объем четко указывают также на подчиненное положение в системе финансирования фабричной промышленности. Ведущий банк страны "Бэнк оф Перу энд Лондон", осуществлявший более 50% финансовых операций, был тесно связан с английским капиталом и экспортными группировками Перу. Денежные ссуды всех банков рос-

ли в 1900-1904 гг. по 17,8% в год, а в 1905-1910 упали, до 12,4% в год. Но при этом наиболее связанный с финансированием мелкой промышленности "Банко Италиано" снизил темпы роста выдачи ссуд в 1904-1910 гг. до 3%, а депозиты практически перестали расти (в предшествующий период рост депозитов составлял 20-23%)⁷⁷. Эти факты косвенно говорят о замедлении темпов роста и в промышленности. "Банко Италиано", "Банко Популар" и "Банко интернасиональ", финансировавшие промышленность (директсром "Банко Популар" был Мариано Игнасио Прадо - владелец большинства акций "Фабрика де Техидос де Санта-Каталина", Хио Батта Исола из правления "Банко Италиано" был собственником текстильной фабрики "Сан-Хасинто", Луис Сангинетти, директор "Банка Италиано" в 1902 г., владел одной из крупных современных лесопилен, члены правления этого же банка Луис Николини и Ф. Милн - имели прочные позиции в мукомольной промышленности, директор "Банко Интернасиональ" Антеро Аспильяга - кандидат в президенты от сивилистов в 1912 и 1918 гг. и крупный сахарный плантатор. Он вкладывал свои доходы от сахарной промышленности в электростанции и трамвай Лимы и т.д.) по сравнению с "Бэнк оф Перу энд Лондон" играли скромную роль в движении капиталов в стране, их депозиты колебались от 3 до 18% всей суммы депозитов. Так, уставной капитал "Бэнк оф Перу энд Лондон" в 1909 г. составлял 200 тыс. пер. ф. плюс 775 тыс. пер. ф. резерва, т.е. 975 тыс. пер. ф.. "Банко италиано" имел на счету в качестве основного фонда и депозитов примерно 287 тыс. пер.ф., "Банко Популар" - 256 тыс. пер.ф. и "Банко Интернасиональ" имел депозиты 130 тыс. пер.ф., основной капитал - 100 тыс. пер.ф. и резервный фонд - 25 тыс. пер.ф. По данным за 1911 год общая сумма операций "Бэнк оф Перу энд Лондон" составляла 4,1 млн. ф. ст. при наличном капитале в 775 тыс. пер.ф., "Банко Италиано" имел на балансовых счетах почти в 2,6 раза меньше средств - 291 тыс. ф.ст.⁷⁸.

Важное обстоятельство в ограничении промышленного развития Перу имело господство английской сверхмонополии "Перувиан корпорейшн". Ее капитал в 1914 г. составлял 21,9 млн. солей⁷⁹. В 1907 г. контракт ее с правительством был продлен до 1973 г. За 20 лет действия контракта с правительством "Перувиан Корпорейшн" получила 3 млн. ф. ст. прибыли⁸⁰. Прибыли ее удвоились с 1890 г. по 1904 г. с 130,4 пер. фунтов до 232,9 тыс. пер. фунтов⁸¹. Чистая прибыль её от продажи гуано в 1903/1904 финансовом году составила 176,7 тыс. ф. ст., прибыль от эксплуатации железных дорог выросла с 91 тыс. пер. ф. в 1890/91 гг. до 244 тыс. ф. ст. в

1904/1905 г. В 1891-1913 гг. "Перувиан Корпорейшн" вывезла из Перу 1,13 млн. т гуано стоимостью 2,29 млн. ф. ст.⁸². Доходы, сравнимые с государственными! Например, государственные налоги выросли с 1901 по 1908 гг. с 413,8 тыс. пер. фунтов до 886,8 тыс. пер. фунтов, а общие доходы правительства составили в 1904- 1,99 млн. пер. фунтов, в 1908 г. - 2,86 млн. ф. ст.⁸³.

Недаром немецкий исследователь Бюргер отмечал, что "в Перу два правительства - национальное и президент "Перувиан Корпорейшн"⁸⁴. От 45 до 90% английских инвестиций в Перу в различные годы вкладывались в "Перувиан Корпорейшн" и её фирмы - в муниципальные предприятия, в строительство новых дорог, в меньшей степени в сахарное производство, горную промышленность и фабричные заведения⁸⁵. Направляя темпы и объем инвестиций, "Перувиан Корпорейшн" откровенно тормозила промышленное развитие страны, в частности, препятствовала получению займов на эти цели от других иностранных банков. Об этом открыто говорилось на заседании правления корпорации в Лондоне в 1898 г. Одновременно корпорация взвинчивала цены по перевозке грузов на переданные ей в эксплуатацию железные дороги, особенно на Центральной железной дороге Кальяо - Ороя, и Южной железной дороге Арекипа - Пуно - Сикуйани. Стоимость фрахта была в 16 раз выше, чем на железной дороге Веракрус - Мехико. "В результате, - как писалось в правительственном экономическом отчете за 1895-98 гг., - продолжает существовать вызывающая смех конкуренция между железной дорогой и погонщиками выючных животных - мул, ослов, лам. Столь высокие тарифы на перевозку грузов препятствуют возможности продукции Андского региона конкурировать с подобными же товарами, импортируемыми на косту из других стран. Достаточно указать на то, что стоимость перевозки 1 т угля из Лимы в Ороя превышает стоимость ее перевозки из Ливерпуля (соответственно 24 соля и 20 солей за 1 т)"⁸⁶. Об этом же писал и перуанский экономист Карлос Сиснерос в 1906 г.: "Внутри страны производится много товаров, в которых нуждается коста, но их приходится привозить из-за границы ввиду отсутствия средств сообщения и дороговизны перевозки"⁸⁷. А ведь дороги обязалась строить, и не строила, как это предусматривалось в "контракте Грейса" 1890 г. и при создании "Перувиан"! Саботаж "Перувиан Корпорейшн" в 1901-1903 гг. привёл к тому, что правительствам Пьероли и Романьи было трудно получить иностранные займы с целью улучшения финансового положения⁸⁸.

Немаловажно отметить, что в общем экономическом развитии,

фабричное производство определяли экспортные отрасли - горная промышленность, сахарный, хлопковый сектора в сельском хозяйстве кусты. По подсчетам лимского журнала "Peru Today" ("Перу сегодня") в 1906 году общая продукция сельского хозяйства составляла 23,1 млн. долл., горного производства - 8,79 млн. долл., продукция же фабрично-заводской промышленности приближалась по стоимости к горной, хотя точные данные журналом не приводятся⁸⁹. Косвенно о значении фабрично-заводской промышленности можно судить и по занятости. По статистическим данным 1902 г. в Перу имелось 250 фабрик, на которых работало примерно 8 тыс. человек. В то же время на сахарных плантациях было занято 24 тыс. человек, на хлопковых плантациях - 16 тыс. чел., то есть в пять раз больше, чем в фабричной промышленности. В горном деле работало около 50 тыс. человек⁹⁰. Ежегодные темпы роста промышленности в провинции Лима (главного центра фабрично-заводской промышленности страны) составляли 7,6% в 1895-1905 гг. при общем росте населения в Лиме не более 3% в год. 69% промышленных предприятий, существовавших в 1905 г., было создано в 1895-1905 гг. Общее число занятых в промышленности (фабричной и ремесленной) за 1876-1908 гг. возросло с 9562 чел. (25,2% всех занятых) до 24100 (29,4% всех занятых). Рабочие и ремесленники составили в 1908 г. самую крупную долю самостоятельного населения Лимы, за ними следовали домашние слуги (14,5 тыс.) и работники, торговли (13,4 тыс.)⁹¹. Следует указать, что в 1904-1905 темпы развития промышленности начинают снижаться. Косвенным подтверждением этого является падение ежегодного прироста выдачи ссуд основных банков Перу с 17,85% в 1900-1904 гг. до 12,42% в 1905-1910 гг.⁹²

Политическим выражением смены экономической ориентации от развития вовнутрь к развитию, определяемому внешними силами, был переход власти от Демократической партии в союзе с сивилистами к однопартийной кандидатуре сивилистов во главе с М. Кандамо в 1903 г. В 1899 г. Н. Пьерола пошел на раскол партии, отвергнув кандидатуру своего вице-президента Г. Биллинхурста в качестве президента от демократов. Если ранее Пьерола опирался прежде всего на группировку крупных южных землевладельцев, церковных иерархов и старые средние мелкобуржуазные слои от торговой буржуазии до ремесленников, то теперь он вполне вписался в лимскую экспортную олигархию сахарных и хлопковых плантаторов, крупных домовладельцев и дельцов из сферы городского строительства. Он все больше разделял мнение лидеров си-

вилистской партии о развитии Перу по экспортно-анклавному пути в союзе с иностранным капиталом, при сохранении "порядка и прогресса" без изменения существующих экономических структур. Укрепляя свой союз с сивилистами, Пьерола оказал поддержку "непартийному" кандидату, своему министру развития, уроженцу Арекипы инженеру Эдуардо Лопесу де Романья. На съезде демократической партии в сентябре 1898 г. Пьерола высказывался за выдвижение единого кандидата от демократов и сивилистов, ибо между ними, по его мнению, "трудно указать на сколько-нибудь принципиальные различия"⁹³. Романья стал промежуточной кандидатурой, поддержанной и сивилистами с единственной платформой создания "честного правительства". Он был избран в 1899 г. президентом на 4 года. Уже в 1900 г. возглавил кабинет министров сивилист Альменара. В 1902 г. сивилисты победили на выборах в конгресс. А в 1903 г. сивилисты в условиях бойкота демократами выборов, добились избрания президентом многолетнего руководителя своей партии М. Кандамо. В 1901 г. отпал от Демократической партии А. Дюран, создавший Либеральную партию, костяком которой были его сторонники в Уануко – чье богатство было основано на производстве коки в монтанье. В 1902 г. фактически распался "Национальный союз" с выходом из его руководства Мануэля Гонсалеса Прады, недовольного сближением "Союза" с демократами.

Верховенство в политической жизни сивилистской партии предопределяло и экономическую политику государства, направленную на сохранение зависимого положения Перу в международном капиталистическом разделении труда, когда традиционная господствующая олигархия - аграрная и торговая, враждебно настроенная к индустриализации, вступила в союз с империализмом. Теоретический спор о путях развития страны развернулся в прессе Перу в 1900-1903 гг. Он вращался вокруг выяснения вопроса о том, какой характер носила таможенная политика – протекционистский или фискальный, с целью увеличения доходов государства. Противники развития промышленности утверждали, что таможенные тарифы носят фискальный характер и, ссылаясь на падение в доходах государства их доли (с 71,9% в 1894 до 33,9% в 1899 и 45,1% в 1906 г.⁹⁴), выступали против дальнейшего повышения таможенных пошлин на импорт товаров в Перу. При этом они забывали, что помимо падения обменного курса перуанской валюты на международном рынке, это привело к росту промышленности в стране. Ведь демократы провели и ряд протекционистских мер, и в част-

ности, повысили тарифы на спички, свечи, определенные виды текстиля, панамские шляпы, мебель и т.п., подняв их в целом примерно вдвое. В то же время беспошлинно ввозились средства производства с целью развития экспортных отраслей экономика. С 1900 г. прекратился рост тарифов на импортзамещающие товары, а с 1911 они начали снижаться, ибо высота таможенных тарифов определялась исходя из объема товаров, а не *ad valorem*. Характерно, что идея о невозможности дальнейшего развития промышленности уже в 1897 г. высказывалась английским консулом в Лиме, который при этом ссылаясь на мнение одного из перуанских экономистов: "Вряд ли стоит содействовать развитию ныне действующей промышленности и новых её отраслей. Не хватает рабочей силы для сельского хозяйства и горной промышленности. Горнопромышленники и землевладельцы считают, что все силы должны быть направлены на развитие естественных ресурсов. Это утверждение, по-видимому, совершенно оправдано"⁹⁵. Этот отрывок четко показывает адресатов - противников широкой индустриализации. В другом сообщении за 1901 г. английский посланник А. Сент-Джонс приводит отчёт о дискуссии в газетах Перу по вопросу индустриализации, и откровенно поддерживает противников промышленного развития, поскольку, дескать, не стоит спорить об этом "в стране, где недостаток рабочей силы и капиталов для горной промышленности столь остры, а именно сельское хозяйство и горное дело - основной источник богатства страны. Газеты утверждали, что люди, которые сейчас работают на фабриках, были бы более полезны в полях и в рудниках. Немногочисленные фабрики производят те же самые товары, что и ввозятся в страну. Фабриканты устанавливают цены несколько ниже, чем на те же импортные товары. В результате, вместо того, чтобы получать пользу от конкуренции с более развитыми странами и покупать лучшие товары за рубежом по умеренным ценам, страна теряет эти преимущества, и наоборот, устанавливает запретительные таможенные пошлины на нужные в стране товары, а потребитель вынужден удовлетворяться товарами худшего качества, производимые внутри страны. Вполне допустимо, - продолжал А. Сент-Джонс, - принятие системы протекционизма в густонаселенных странах, обеспеченных сырьем и имеющих много квалифицированных рабочих, чтобы производить собственные машины и инструменты. Они смогут производить товары лучшего качества по умеренным ценам, которые удерживаются на определенном уровне в условиях конкуренции с другими странами. Но в Перу дело обстоит иначе -

фабриканты ввозят машины и почти все компоненты производимых ими товаров"⁹⁶. В русле этих высказываний английского посланника началась и развивалась полемика в 1899-1901 гг., (когда власть переходила в руки сивилистов) между основными организациями господствующих классов Перу - Торговой палаты Лимы, Национальным промышленным обществом, Национальным сельскохозяйственным обществом. Дебаты шли и в конгрессе, где ставились конкретные вопросы о защите протекционистскими пошлинами того или иного предприятия. Основные аргументы спора были изложены в многочисленных книгах, брошюрах, статьях. Активно участвовал в дебатах Дж. Рассел Габбинс, ирландский эмигрант, процветающий торговец, представлявший Торговую палату Лимы. В 1896-1902 гг. он был управляющим её Совета. От имени Национального промышленного общества против сторонников свободы торговли выступал и видный представитель высшего общества Лимы, сенатор с 1907 г., президент Торговой палаты Лимы в 1907-1908 Аренас. В том же духе известный публицист Р. Гарсия Росель, отражая взгляды аграрников, обеспечивающих внутренний рынок, по просьбе Национального сельскохозяйственного общества написал брошюру в 1901 г., требуя ужесточения таможенной защиты национального производства.

Ведущие группы, господствующие в экономике, публично заявили свою озабоченность возможностью утверждения промышленности в стране, переливании в нее "скудных" по их мнению, капиталов необходимых для развития экспортных отраслей экономики. Об этом писал Ф. Барреда и Осма: "Вероятно, рост промышленности вызывает тревогу у некоторых заинтересованных лиц, что и привело к внешне теоретической дискуссии... Вообще во всех спорах о свободе торговли и протекционизме нельзя не видеть наличия конфликта противоположных интересов, многие называют себя протекционистами потому, что промышленность, в которой они действуют, нуждается в защите. Более или менее то же самое относится ко многим сторонникам свободы торговли"⁹⁷. Быть может, наиболее активным противником развития промышленности и апологетом "свободы торговли" был сын английского иммигранта Алехандро Гарланд, видный член Торговой палаты Лимы. Свою деятельность он начал с работы в английской торговой компании, затем купил несколько рудников в зоне Касапалки, сдав их позднее в аренду американской компании "Серро-де-Паско". Разорившись, он стал одним из руководителей статистического отдела министерства развития, публикуя экономические от-

четы правительства. Был близок к президенту Хосе Пардо (президент Перу в 1904-1908 гг. и в 1915-1919 гг.). В своей дважды издававшейся брошюре "Las industrias en el Perú" (1896, 1900) и в ряде других работ он целенаправленно подрывал основные идеи и аргументы сторонников индустриализации страны⁹⁷. "Нам кажется серьезной ошибкой, могущей привести к пагубным последствиям, - писал А. Гарланд в упомянутой книге "Промышленность в Перу", - выдвигать предположение, что страна, где обрабатывается лишь незначительная часть годных для земледелия земель, где агрикультура примитивна и ведётся примитивно и с устаревшими орудиями труда на огромных территориях, где всё еще бóльшая часть их пустует, может превратиться в промышленную нацию"⁹⁸. Он обвинял тех, кто выступает за протекционизм в защите частных эгоистичных интересов. "У нас нет ни промышленности, которую следует защищать, ни капиталов, ни рабочих рук, а рынок узок"⁹⁹. "В наших условиях промышленность - чужеродное тело, она может развиваться лишь при искусственно созданных таможенных пошлинах, а это приведет в дальнейшем лишь к росту стоимости жизни"¹⁰⁰. Более того, "в связи с развитием промышленности сельские жители побегут из деревни, и село опустеет"¹⁰¹. Совершенно другие перспективы ожидают страну, если она будет развиваться с использованием своих собственных ресурсов. "Какие протекционистские пошлины нужны для того, чтобы стимулировать в Перу возделывание сахарного тростника, хлопка, кофе, коки и многих других культур, свойственных нашей почве и климату? Какие тарифы нужны бурно развивающейся сейчас горной промышленности? И разве это не демонстрирует нам, что именно развитие этих отраслей народного хозяйства соответствует интересам страны? Все они базируются на широчайшем экспорте своей продукции. Их существование не ограничивается рахитичным национальным потреблением, с их ростом будет развиваться наша внутренняя и внешняя торговля, и увеличатся таможенные доходы". И далее совершенно четкий рецепт экономического развития Перу: "У нас есть неисчислимые богатства, особенно на востоке. Не следует надеяться, что благосостояние Перу возрастет путем развития промышленности, защищенной таможенными барьерами. Обрабатывать поля, работать в рудниках, использовать растительные и минеральные ресурсы нашей земли, прокладывать шоссе и железные дороги - вот путь к росту ее богатств, населения, доходов для казны, вот в чем таится мощь и процветание отчизны"¹⁰².

В качестве конкретного примера автор предлагает содейство-

вать деятельности гигантов горной промышленности типа американской компании "Бакхус энд Джонсон" в Касапалке, что якобы дает всей стране ощутимые выгоды¹⁰³. Тех же взглядов А. Гарланд придерживался и позднее. В 1905 г. он отмечал, что "развитию фабричной промышленности препятствует недостаток достаточно крупного потребления ее продукции, что снизило бы стоимость производства. И только рост населения и рынка могут создать надежную основу для промышленного производства. Наша же промышленность носит местный характер. Ее защищают импортные пошлины. Наши фабрики действуют в узкой, ограниченной сфере. И лишь тогда, когда население Перу увеличится раз в пять, можно подумать о крупном производстве, как в развитых странах. Сейчас же наша фабричная промышленность не способна конкурировать с продукцией промышленно развитых стран". Поэтому автор против протекционистских пошлин для развития промышленности, тем более, что это ухудшает качество местных товаров и "препятствует развитию промышленности, как и отсутствие транспортных путей и их дороговизна"¹⁰⁴. Эти же причины, ограничивающие развитие промышленности отмечал и видный экономист Карлос Сиснерос: "Три причины мешают подъёму промышленности в Перу: малочисленность населения, недостаток средств транспорта и сообщения и скудость капиталов"¹⁰⁵. О точке зрения правительства на эту тему свидетельствует отчет министерства развития за 1901 г.: "Развитию промышленности препятствует локальный, узкий рынок, малочисленность населения, отсутствие дорог"¹⁰⁶. Франсиско Гарсия Кальдерон младший - видный социолог либерально-позитивистских взглядов, большую часть жизни проживший в Париже, принадлежавший к высшим слоям перуанского общества (его отец Франсиско Гарсия Кальдерон был президентом страны в 1881-83 гг.), понимая необходимость развития промышленности, все же отодвигал начало этого процесса на отдаленное будущее. Он выступал против протекционизма, ибо "страна - не промышленная, а сельскохозяйственная. Чтобы преобразовать ее в промышленное государство, нужны соответствующие численность населения и культура, И лишь очень осторожно нужно готовить возникновение новых отраслей промышленности. И наоборот, надо развивать сельское хозяйство, так как (будущий - И.Я.) Панамский канал даст возможность улучшить условия для экспорта продукции нашего сельского хозяйства. Вместо того, чтобы истощать силу и энергию нации в борьбе за создание хилой промышленности, нужно добиться расцвета нашего сельского хозяйства, исполь-

зую капиталы и людские ресурсы именно здесь. Не стоит отказываться и от определенного, в какой-то степени стихийного, но полезного развития промышленности и ее не очень большой защиты (со стороны государства - И. Я.). Но все же главная наша национальная задача иная - наша политика в связи (с предстоящим - И.Я.) открытием Панамского канала должна содействовать развитию сельского хозяйства, орошению кусты, иммиграции. И вполне закономерно, что этот подъём сельского хозяйства создаст новые отрасли промышленности без протекционистских мер"¹⁰⁷. Если социолог Франсиско Гарсия Кальдерон не отвергал идею развития в Перу промышленности, то лидер сивилистов, президент М. Кандамо в речи 22 мая 1903 г. в театре Политеама "авторитетно" провозглашал: "нет смысла отдавать все силы развитию промышленности, поддерживаемой искусственно за счет потребителя, отвлекать труд и капиталы от разработки огромных богатств нашей земли"¹⁰⁸.

По форме спор шел, как мы видим, о генезисе и значимости таможенных пошлин для развития страны. Сторонники свободы торговли настаивали на фискальном характере таможенных пошлин, выступая за отказ от мер протекционизма по отношению к новым отраслям промышленности. Падение доли таможенных доходов в государственных финансах оправдывало, в их точки зрения, дальнейшее снижение таможенных пошлин. Доходы же государственные должны были направляться на прежде всего на развитие инфраструктуры в рамках экспортной модели развития экономики, а именно на строительство дорог, портов, железных дорог, с тем, чтобы сократить расстояние между центрами производства сырья и внешним рынком. При этом предполагалось, что близлежащие к центрам экспортного производства асьенды будут обеспечивать их продовольствием. На деле же всё происходило иначе. Как писал Гарсия Росель (он возражал против производства сельскохозяйственных культур, идущих на экспорт, таких как сахар и хлопок, и выступал за протекционистские пошлины на ввоз тех культур, которые производились в стране - пшеница, масло, сыр): "сельское хозяйство, разоренное иностранным импортом тех продуктов, которые производятся в стране, пытается возместить понесенные потери, переходя к возделыванию хлопка и сахара"¹⁰⁹. Правящая торговая, аграрная и горнодобывающая олигархия, отбросив возможность роста государственных доходов путем развития промышленности и протекционистских таможенных пошлин, прибегла к налоговому прессу на трудящихся.

Резкое повышение налогов начал проводить пришедший к власти в сентябре 1903 г. лидер сивилистов М. Кандамо. Финансовое положение страны в связи с крупными расходами на армию, последовавшими вслед за осложнением отношений с Чили, было очень острым. Поэтому в бюджете 1904 г. государственные доходы увеличивались по сравнению с 1903 г. с 14 до 22 млн. солей¹¹¹. Они покрывались дополнительными налогами на спиртные напитки, табак, внутреннее потребление сахара и т.п. Шесть месяцев ожесточенных дебатов по вопросу об источниках доходов, в том числе о роли в этом таможенных пошлин, потребовавшие 4 сессии конгресса - одной ординарной и трех - чрезвычайных, закончились поражением демократов. С этого времени налоговое бремя превратилось в основное орудие экономической, политики перуанского государства. Достаточно сказать, что налоги выросли с 1901 г. по 1908 г. более чем в два раза с 413,8 тыс. пер. ф. до 886,8 тыс. пер. ф. Вот данные, говорящие об антинародном направлении налоговой политики государства. На товары, потребляемые населением, налоги выросли следующим образом: на соль с 1902 по 1908 гг. с 37,7 тыс. пер. ф. до 86,6 тыс. пер. ф., на спиртные напитки в 1901-1908 гг. соответственно 210,9 тыс. пер. ф. и 383,4 тыс. пер. ф., на табак - 102,9 тыс. пер. ф. и 197 тыс. пер. ф., на спички с 1904 по 1908 гг. налог вырос с 21,6 тыс. пер. ф. до 27,6 тыс. пер. ф., на потребление сахара налог вырос с 37,5 тыс. пер. ф. в 1904 г. до 92,6 тыс. пер. ф. в 1908 г. и т.д.¹¹². Таким образом, возможные доходы от развития промышленности внутри страны были заменены усилением эксплуатации народа путем налогового пресса. Индустриализация была заторможена в рамках отраслей, возникших в ходе чрезвычайных обстоятельств падения обменного курса серебряной валюты Перу, и ряда протекционистских мер правительства Пьеролы, связанных с преобразованиями перуанской таможенной службы. Сыграв на постоянной нужде государства в деньгах, сторонники свободы торговли, сумели связать падение доходов правительства от таможни с развитием промышленности. Дж. Габбинс пытался даже вычислить суммы предполагаемых потерь для фиска от развития промышленности защищенной тарифными пошлинами - пивной, мукомольной, спичечной, сигаретной, по производству мыла, одежды, обуви, свечей, текстильных изделий и т.п.¹¹³. Однако он рассматривал развитие экономики чрезвычайно односторонне - с точки зрения только государственных доходов. Он избегал анализа возможных доходов от установления налогообложения экспортных культур - сахара и хлопка. Он также игнорировал тот

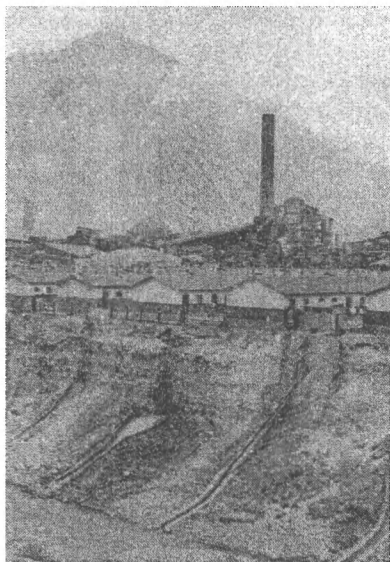
факт, что именно местная промышленность давала значительные доходы государству (налоги на соль, спички, алкоголь, табак и др.). Ввоз сырья и средств производства для промышленных товаров, производимых в стране, несомненно, носил временный характер и мог быть значительно уменьшен в будущем. И, конечно, в полемике между сторонниками свободы торговли и протекционистами речь в действительности шла не о сумме таможенных доходов. Речь шла о том будет ли подвергнута пересмотру модель "развития вовне", выдвигаемая защитниками свободы торговли в противовес идее "развития вовнутрь" путем индустриализации, роста внутреннего рынка и приходе к руководству государством перуанской буржуазии. Экономическая политика Пьеролы в начале его второго президентства на практике и осуществляла эту вторую модель "развития вовнутрь". Она натолкнулась на трудно преодолимые препятствия в виде международного капиталистического распределения труда, в рамках которого Перу отводилась роль поставщика аграрного сырья и продукции горной; промышленности. При этом промышленность, развиваемая и направляемая в значительной степени иностранным капиталом, отражала это своеобразие - она была связана с переработкой сельскохозяйственного сырья - сахарная, табачная, хлопкоочистительная, текстильная, производство спирта и вина, металлургия. Слабое развитие промышленности определялось и рядом обстоятельств, носящих вторичный характер. Это - малочисленность населения, в основном неграмотного, это неразвитый дух предпринимательства, полукрепостнические отношения в стране, низкий уровень развития политической демократии.

Экспансия американского капитала в горную промышленность Перу

Пolemика между протекционистами и защитниками свободы торговли неслучайно падает на последние годы XIX и начало XX века. Важным фактором экономического развития Перу в это время является проникновение крупного монополистического капитала, главным образом американского, в горнорудную промышленность. Непосредственным толчком к экспансии американского капитала было открытие в 1897 г. богатейшего месторождения меди - в Серро-де-Паско. С развитием электротехнической промышленности в конце XIX в. медь стала важнейшим промышленным сырьем, без которого был немислим прогресс в мировой экономи-

ке. Показателем этого был рост цены меди с 40 ф. ст. в 1886 г. до 73 ф. ст. в 1899 г.¹¹⁴ К тому же в 1893 г. была построена железная дорога до одного из центров добычи минералов г. Ороя, где находились рудники Морокоча и Яули.

Медеплавильный завод в Орое

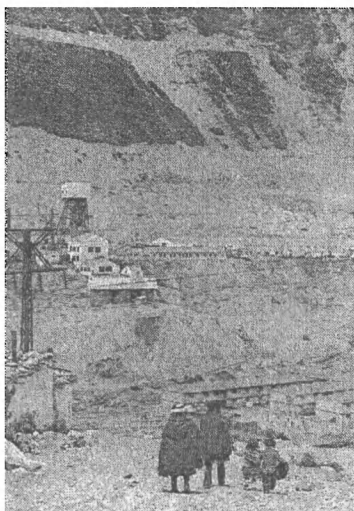
По закону 1890 г. была гарантирована стабильность налогов на 25 лет. С падением международного паритета серебряного соля в стране в 1897 г. был принят золотой стандарт, допускавший свободное обращение иностранной валюты в Перу. Серебро практически было изъято из местного обращения. Так, в 1897-1902 гг. государство отчеканило 7 млн. золотых солей, изъяв 2,8 млн. серебряных солей из денежного обращения¹¹⁵. Мелкие горнопромышленники потеряли столь важный для них рынок сбыта серебра - государственную закупку его для чеканки монет в целях обращения. При слабом органическом строении капитала этих рудников лишь малая часть горнопромышленников могла сводить концы с концами. По данным за 1887 г. в Серро-де-Паско было 50 горнопромышленников, производивших в год 150 тыс. марок серебра (1 марка = 230 г), то есть на каждого приходилось примерно 3 тыс. марок, что при стоимости одной марки серебра 37 пенсов это составляло 2700 солей¹¹⁶. Доход едва-едва хватал для скудного существования. А в 1898 г. производство серебра в Серро-де-Паско

В 1904 г. железная дорога была доведена от Орой к Серро-де-Паско. Социально-экономические и политические обстоятельства также благоприятствовали проникновению американского капитала. Горное законодательство Перу целенаправленно ориентировалась на привлечение иностранного капитала. Закон 1877 г. устанавливал чрезвычайно низкие налоги на приобретение горных концессий, мало того, концессионер мог и не приступать к разработке месторождений.

упало до 125 тыс. марок¹¹⁶. Новые методы добычи требовали крупных современных предприятий. А в 1893 г. в среднем на руднике приходилось 11,8 рабочих¹¹⁷. Новый горный кодекс 1901 г. был до крайности "либерален", явно составленный в угоду крупному капиталу. В него была включена двусмысленная статья, по которой выходило, что рудники уже не собственность государства, как это было традиционно присуще испанскому горному законодательству. Существенно расширялось и число пертененсий - вплоть до 60. Столкновение перуанского государства с "Перувиан корпорейшн", претендовавшей на получения концессий во всем районе Серро-де-Паско и строительство водоотводного канала Румильяна, также облегчало действия американских компаний в Перу. Перуанские шахтовладельцы опасались, что давление М. Грейса на правительство увенчается успехом. Поэтому они добились у правительства концессии на право строительства столь важного для региона водоотводного канала Румильяна, работы на котором начались в 1901 г.¹¹⁸.

В 1900 г. американский геолог У. Ван Слутен после тщательного изучения обосновал экономическую выгодность крупномасштабной добычи меди в Серро-де-Паско. Американские дельцы А. Маккьюн и Дж. Хэггин начали скупать в этом районе рудники и к концу 1901 г. уже завладели 70% медных месторождений. Они же выкупили у Э. Торндайка концессию на строительство железной дороги от Ороя до Серро-де-Паско. В результате в 1902 г. была создана компания "Серро-де-Паско Майнинг К°" с капиталом в 10 млн. долл., позднее выросшего до 60 млн. долл.¹¹⁹. Основные вкладчики были Дж. Хэггин (3 млн. долл.), Дж. П. Морган (1 млн. долл.), Ф. Херст (1 млн. долл.), Г. Фрик (1 млн. долл.), Д. Миллс (1 млн. долл.), А. Маккьюн (1 млн. долл.), Г. Тумбай (1 млн. долл.)¹²⁰. В 1905 г. компания построила крупный медеплавильный комбинат в Тинауарко и стала экспортировать слитки меди прежде всего в США. Для топлива использовался уголь, находящийся в 40 км от завода в Гойльярискисга.

Американскому же капиталу принадлежала и другая компания "Морокоча Майнинг К°", основанная в 1905 г. Она также занялась скупкой концессий по добыче меди. По сути дела она была прикрытием для "Серро-де-Паско Майнинг К°". Действительно они в 1915 г. объединились в компанию "Серро-де-Паско Коппер Корпорейшн", и вместе с компанией "Бахкус энд Джонсон" добывали 95% всей меди в Перу. На "Серро-де-Паско корпорейшн" работало вначале от 3 до 4 тыс. рабочих, а к 1912 - 6 тыс. человек¹²¹. Демо-

рализованное падением спроса на минералы, главным образом на серебро, внутри страны и за рубежом местные шахтовладельцы продавали свои концессии. Только некоторые из них - Э. Фернандини, Р. Бентин, М. Мухика, Л. Проаньо сумели конкурировать с монополией США.

Некоторое сопротивление натиску американского капитала оказали перуанские предприниматели, объединившиеся в 1900 г. в "Эмпреса Сокавонера де Серро-де-Паско".

Горняцкий центр в Морокоче

В её правлении были видные лидеры сивилистской партии и крупные банкиры Лимы - И. Альсамора - глава сивилистской партии в 1903 г., М. Гальо Дьес, Р. Аспильяга, У. Ангус Клей, Р. Пфлюккер, Х. Паян, Э. Одриосола и другие. Эта компания договорилась с правительством об окончании строительства водоотводного канала, причем согласно контракту она должна была получить от рудников расположенных в зоне действия водоотвода 20% добытых минералов. Водоотвод был построен в 1907 г., когда уже в полную силу вошел первый крупный медеплавильный завод "Серро-де-Паско Коппер Корпорейшн". Начались затяжные споры перуанской компании с американской. Дело не двигалось, и посланник США сообщал госдепартаменту 11 января 1908 г. что американские предприниматели "почти отчаялись в связи с тупиком в этом вопросе"¹²³. В самом деле, в 1903-1907 гг. миссия США в Лиме вела упорный, торг с правительством Перу и концессионерами "Эмпреса Сокавонера". Весной 1907 г. перуанские войска заняли часть территории американской компании в попытке добиться выполнения требований перуанских предпринимателей. В этот момент представитель американской компании У. Галивер прямо обратился за помощью к госсекретарю Э. Руту¹²⁴. В результате последующих переговоров "Серро де Паско" предложила уплатить перуанцам цену в три раза превышающую реальную стоимость водоотводного канала, что составило 3 млн. долл. Эту сумму перуанцы получили в виде акций "Серро-де-Паско Коппер Корпорейшн",

в целом не более 5% тогдашнего капитала компании¹²⁵. Так воплощался на практике союз империализма с местной деловой элитой. Важная отрасль экономики целиком была передана в руки иностранцев.

Производство меди резко выросло с 1,5 тыс. т. в 1906 г. до 32,3 тыс. т. в 1917 г. Доля ее в экспорте Перу выросла с 15,2% в среднем за пятилетие 1903-7 гг. до 29,8% в среднем за пятилетие 1913-17 гг.¹²⁶ Безраздельное господство в Серро-де-Паско компания обеспечила покупкой части собственности Пфлюккера в Морокоче - рудников "Сан Мигель", "Гертрудис", "Сесилия". В 1915 г. были скуплены рудники в Яули и в Касапалке, где господствовал один из крупнейших горнопромышленников Перу - Проаньо. В результате с 1890 г. по 1915 г. было экспортировано минералов на 40 млн. ф. ст. и 4/5 этой суммы ушло из страны в виде прибылей¹²⁷. Степень эксплуатации перуанского народа иностранными горнорудными монополиями, ведущей из которых была "Серро-де-Паско Коппер Корпорейшн", эти цифры демонстрируют чрезвычайно убедительно.

Для обеспечения своих предприятий рабочей силой американская компания также как и раньше применяла энганче. С этой целью в первую очередь корпорация начала скупать земли, прилегающие к Серро-де-Паско, чтобы принудить живших там крестьян трудиться на рудниках. Первой была куплена асьенда "Сан-Хуан де Пария" в 1903 г. площадью в 34.237 га. Затем были приобретены земли для устройства животноводческих ферм и обеспечения продуктами питания рабочих рудников. К 1940 г. было скуплено 67.231 га.¹²⁸

Правительство позаботилось об узаконении системы энганче, которая ранее использовалась довольно спонтанно. 4 сентября 1903 г. был опубликован регламент о трудовом договоре, которым энганче превращалось в особый институт, обеспечивающий поставку рабочей силы горным компаниям. Крестьянин, работая на земле или пастухом, в условиях земельного голода, не мог обеспечить нужды семьи трудом на своей парцелле. Не желая идти в услужение асендадос (характерно, что лишь 12,8% сельского населения центральной сьерры жило на территории асьенд)¹²⁹, крестьяне обращались за дополнительным заработком в горнорудные районы. Эти заработки шли на оплату налогов, церковные услуги и празднества, покупку текстильных товаров и железных изделий, водки и коки и т.п. На работу в рудники крестьяне рекрутировались: 1) особыми агентами - энганчадорес, жившими в районах за-

селенных индейцами; 2) при помощи агентов самой компании и 3) с участием местных властей. Приманкой был аванс, который, индеец должен был отработать, трудясь без перерыва в смену 36 часов, получая на отдых 12 часов. Злоупотребления и издевательства работодателей и надсмотрщиков вызывали пассивное сопротивление со стороны энганчадос, убежавших с рудников, когда понимали, что не в силах выплатить нарастающий долг. Зачастую крестьяне-общинники расправлялись с представителями местных властей ещё в период рекрутирования. Демократическая ассоциация "Pro-Indigena" ("В защиту индейца") неоднократно публично осуждала многочисленные злоупотребления, пока не добилась отмены энганче в 1914 г. Впрочем, эта система продолжала использоваться вплоть до 20-х годов XX в.

Дешевизна этой системы и тот факт, что значительная часть воспроизводства рабочей силы протекала вне горнопромышленного анклава, способствовала получению сверхприбылей компаний. Дороговизна в шахтерских поселках обесценивала во многом зарплату рабочих. Достаточно сказать, что зарплата чернорабочих составляла в регионе Серро-де-Паско в 1909 г. 0,6-1,5 соля, рабочего-бурильщика 1,5-3,5 соля, плотника - 1,5-4 соля, крепильщика - 1,5-4,5 соля, кузнеца - 1,2-3 соля¹²⁹. Как сообщал английский посланник Л. Джероум в своем отчете за 1908/1909 гг. из 1300 человек в Серро-де-Паско работают 145 иностранцев. "Местные рабочие неэффективны, но их используют из-за дешевизны. Они получают в среднем лишь 75 сентаво в день"¹³⁰.

С ростом производства меди все больше рос и постоянный персонал на гигантском монополистическом комплексе США в Серро-де-Паско. "Невыгодность индейцев-рабочих, - отмечал журнал бизнеса Перу, - заключается в том, что они работают непостоянно. Как бы ни был беден индеец, он всегда владеет где-либо небольшим участком земли, который обрабатывается всей семьей. И когда наступает период урожая, он покидает работу на руднике и 2-3 месяца занимается сельскохозяйственным трудом"¹³¹. Постепенный рост постоянных рабочих в горнорудных районах отчетливо проявился к началу первой мировой войны и поэтому полупринудительный наем рабочей силы путем энганче все больше сокращался. Полупролетариат превратился после первой мировой войны в современный рабочий класс. Классовая борьба от спорадических актов протеста стала приобретать все более организованный характер с четкой антиимпериалистической направленностью.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25. Ч. II. С. 356-357.

² Partido Demócrata. Doctrina de Don Nicolás de Piérola. Declaración de principios. Base de organización del Partido. Lima, 1950. P. 27-29.

³ Dávalos y Lissón P. La primera centuria. Lima, 1919. Tòmo I P. 129.

⁴ El Comercio. Lima, 2. X. 1895. Цитата из книги Dulanto Pinillos J. Nicolás de Piérola. Lima, 1947. P. 454.

⁵ Basadre J. Elecciones y centralismo en el Perú. Apuntes para un esquema histórico. Lima, 1960. P. 50-51.

⁶ Подсчитано по Statistical Abstract of Peru. 1924. Prepared by the Bureau of Statistics. Lima, 1925. P. 2; Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labor Movement, 1883-1919. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1982. P. 11; Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 505.

⁷ Garcia Calderon F. Les Démocraties latines de l'Amerique. Paris, 1912. P. 342.

⁸ Garcia Calderon F. Le Pérou contemporain. Etude sociale. Paris. 1907. P. 171.

⁹ Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822-1933. Vol. I-XVII. Vol. VIII. Séptima edición, corregida y aumentada. Lima, 1983. P. 3-4.

¹⁰ Walle P. Le Pérou économique. Paris, 1913, P. 150.

¹¹ Guinness G. Peru. Its Story, People and Religion. London, 1909. P. 198.

¹² Ibid. F. 199.

¹³ Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 469.

¹⁴ Walle P. Le Pérou économique. P. 140.

¹⁵ Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 485.

¹⁶ Цит. по Enoch C. R. Peru. Lnd., 1920. P. 265; Kapsoli W. E. Los movimientos campesinos en el Perú: 1879-1965. Lima, 1977. P. 19. Английский посланник писал в 1897 г.: "Налог на соль очень обременителен — 5 сентаво за один килограмм. Индейское население в некоторых дистриктах департамента Аякучо сопротивляется его сбору. В результате здесь произошли серьезные беспорядки". — Gran Bretaña y el Perú. Informes de los cónsules británicos. Compilador Heraclio Bonilla. Vol. II. Lima, 1975. P. 265.

¹⁷ El pierolismo y compañía El gobierno Pardo. La candidatura Leguía. Lima, 1908. P. 24.

¹⁸ Basadre J. Op. cit. VII. P. 364.

¹⁹ Basadre Op. cit. Vol. VII. P. 386-387; Gran Bretaña y el Perú. Vol. I. P. 317.

²⁰ Journal of Latin American Studies. Vol. 14. Pt. 1. Lnd., 1982. May - Rory Miller. The Coastal Elite and Peruvian Politics. 1895-1919. P. 110; Gran Bretaña y el Perú. Vol. I, P. 279.

²¹ El pierolismo y compañía. P. 26-27.

²² Purser W.F.O. Metal-Mining in Peru. Past and Present. N.Y., Wash., Lnd., 1971. P. 100.

²³ Gerbi A. El Perú en marcha. Ensayos de geografía económica. Lima, 1941. P. 116.

- ²⁴ Thorp K., Bertram G. Peru 1890-1977. Growth and Policy in an Open Economy. Lnd., 1978. P. 35.
- ²⁵ Basadre J. Vol. X. P. 265; Geographical and Statistical Synopsis of Peru. 1895 to 1898. Lima, 1899. P. 29-30; Dávalos y Lissón P. Diez años de historia contemporánea del Perú, 1899-1903. Lima, 1930. P. 21.
- ²⁶ Geographical and Statistical Synopsis of Peru. P. 29.
- ²⁷ Reseña Industrial del Perú. Ministerio de fomento, Lima: Imprenta del Estado, 1902. P. 26.
- ²⁸ Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labor Movement, 1883-1919. P. 8.
- ²⁹ Estudios andinos. Año IX. N 17-18. 1981 - статья Madueño V. A. (Далее Madueño) La primera guerra mundial y el desarrollo industrial del Perú. P. 43.
- ³⁰ Madueño B. Op. cit. P. 44.
- ³¹ Reseña industrial del Perú. Lima, 1902. P. 22.
- ³² Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1905. P. 116.
- ³³ Jepes del Castillo. Perú 1820-1920: Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972. P. 170.
- ³⁴ Führer durch Peru für Kapitalisten, Industrieller und Einwanderer. Lima, 1902. S. 15.
- ³⁵ Estudios Andinos. Año IX. N 17-18, 1981: статья Revilla J. (Далее Revilla) Industrialización temprana y lucha ideológica en el Perú: 1890-1910. P. 29.
- ³⁶ Estudios andinos. Año IX. N 17-18. 1981. Lima.- статья Madueño V. A. La primera guerra mundial y el desarrollo industrial del Perú. P. 4-5; Fernández-Baca J., Parodi Zevallos C., Tume Torres F. Agroindustria y transnacionales en el Perú. (Далее Agroindustria y transnacionales) Lima, 1983. P. 65.
- ³⁷ Agroindustria y transnacionales, P. 66.
- ³⁸ Estudios Andinos. Año IX. N 17-18. 1981 - статья Revilla J.
- ³⁹ Fernández-Baca J., Parodi Cevallos C., Tume Torres F. Agroindustria y transnacionales. Op. cit, P. 66.
- ⁴⁰ Perú Today. Lima, 1911. June. N 4. Vol. III. P. 45. Всего же в Перу было ещё четыре более мелких фабрик по производству шерстяных тканей – в Арекипе, Куско, Марангани (департамент Куско и "Дель Пасифико" в Лиме.
- ⁴¹ Jepes del Castillo E. Op. cit. P. 171; Garland A. Peru in 1906. P. 248-249; Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1905. P. 118-119.
- ⁴² Jepes del Castillo S. Op. cit. P. 171. Общий капитал всей шерстяной промышленности Перу в 1902 г. согласно официальным данным составлял 1,5 млн. солей, одна лишь фабрика "Санта-Каталина" потребляла ежегодно 280 т шерсти, а все - 680 т в 1917 г. - Reseña industrial del Perú. Lima, 1902. P. 24.
- ⁴³ Cisneros C.B., García R. E. Guía ilustrada de Lima, El Callao y sus alrededores. Lima, 1900. P. 190-191.

- ⁴⁴ Daily Consular and Trade Reports. Washington, 1906. Apr. 24. P. 2.
- ⁴⁵ Fernández-Baca, Parodi Zevallos C., Tume Torres F. Agroindustria y transnacionales en el Perú. P. 73; Revilla J. Op. cit. P. 6.
- ⁴⁶ Revilla J. Op. cit. P. 10-11.
- ⁴⁷ Daily Consular and Trade Reports. 1906. Op. cit. P. 4.
- ⁴⁸ Garland A. Peru in 1906 and after with a Brief Historical and Geographical Sketch. Lima, 1908. P. 137; Revilla J. Op. cit. P. 10; Cisneros C.B., García R.E., Guía ilustrada de Lima, El Callao y sus alrededores. Op. cit. P. 190.
- ⁴⁹ Revilla J. Op. cit. P. 7.
- ⁵⁰ Peru Today. Vol. 1. N 8. Lima, 1909. Oct. P. 13; Vivian C. Peru. Lnd., 1914. P. 172.
- ⁵¹ Fernández-Baca J., Parodi Zevallos O., Torres F. Op. cit. P. 71.
- ⁵² Ibid. P. 69-71; Führer durch Peru für Kapitalisten, Industriellen und Einwanderer. Lima, 1902. S. 15.
- ⁵³ Garland A. Peru in 1906. P. 140; Cisneros G. P. 219.
- ⁵⁴ Roel Pineda V. Historia social y económica del Perú en el siglo XIX. Lima, 1986. P. 293.
- ⁵⁵ Daily Consular and Trade Reports. Wash., 1906. P. 149.
- ⁵⁶ The Statesman's Year. Statistical and Historical Annual of the States of the World to the Year 1906. Lnd., 1906. P. 1257.
- ⁵⁷ Martin P.E. Peru of the Twentieth Century. Lnd., 1911. P. 259.
- ⁵⁸ Ibid. P. 309.
- ⁵⁹ См. Vivian B. C. Peru. Lnd., 1914. P. 171.
- ⁶⁰ Fernández-Baca J., Parodi Zevallos C., Torres F. Op. cit. P. 80-81.
- ⁶¹ Gerbi A. El Peru en marcha. P. 312. (цифры даны на 1935 г., но они в целом соответствуют и более раннему периоду).
- ⁶² Madueño V. Op. cit. P. 44. По другим данным даже в 1933 г. 77% промышленного производства, 82 % рабочей силы и 94% стоимости продукции падало на предприятия обрабатывающие сельскохозяйственное сырье. — Fernández-Baca J., Parodi Zevallos C., Torres F. Op. cit. P. 58.
- ⁶³ Peru Today. Lima, 1909. Nov. Vol. 1. N 8. P. 26-27.
- ⁶⁴ Madueño V. Op. cit. Кстати говоря, продукты питания в импорте по стоимости достигали 725 тыс. п.ф., или 12,4% импорта, но, конечно, преобладал импорт промышленных товаров: 3,875 млн. п.ф. или 60,8% от стоимости всего импорта Перу.
- ⁶⁵ Revilla J. Op. cit. P. 39-40.
- ⁶⁶ Dulanto Pinillos J. Op. cit. P. 468; Отметим тем не менее, что значительно вырос ввоз и оборудования с 23,7 тыс. ф. ст. в 1897 г. до 188,9 тыс. ф. ст. в 1904 г., т.е. рост в 7 раз — Garland A. Reseña industrial del Perú. P. 158.
- ⁶⁷ Garland A. Peru in 1906. P. 305. Peru Today. Lima, 1909. Dec. Vol. 1. N 10. P. 34-36.
- ⁶⁸ Peru Today. Dec. 1909. Vol. 1. N 10. P. 34.

- ⁶⁹ Cisneros O. G. *Reseña económica del Perú*. Lima, 1906, P. 80.
- ⁷⁰ Mitchell. *International Historical Statistics. The Americas and Australia*. Detroit, 1983. P. 776.
- ⁷¹ Department of Commerce and Labor. N 2231. *Daily Consular Reports*. 1905. April 13. P. 3; Cisneros C. B. *Reseña económica del Perú*. Lima, 1906. P. 79-80.
- ⁷² ZDA. Potsdam, AA II u., N 1913. Blatt 49.
- ⁷³ Ibid. Bl. 50.
- ⁷⁴ Ibid. Bl. 52.
- ⁷⁵ Подсчитано по данным, приведенным в *Monthly Bulletin of the International Bureau of the Pan American Republics Union*. Wash., 1911. ZDA. Potsdam. Bl. 52.
- ⁷⁶ Revilla J. Op. cit. P. 16.
- ⁷⁷ Revilla J. Op. cit. P. 16; *Peru Today*. 1909. Dec. Vol. 10. P. 34; Wallé P. *Le Pérou économique*. Paris, 1912. P. 340.
- ⁷⁸ Rowe L.S. *Early Effects of the War upon the Finance, Commerce and Industry of Peru*. N. Y., 1920. P. 10.
- ⁷⁹ *Latin America. A Guide to Economic History, 1830-1930*. Berkeley, Los Angeles, Lnd., 1977. P. 554.
- ⁸⁰ Calderon Garcia F. *Le Pérou contemporain. Etude sociale*. Paris, 1907. P. 158.
- ⁸¹ Garland A. Peru in 1906. P. 293, 316; *Statesman's Year*. 1906. P. 1257, 1260; *Statesman's Year*. 1915. P. 1227.
- ⁸² Bürger O. *Peru. Ein Führer durch das Land für Handel, Industrie und Einwanderung*. Leipzig, 1923. S. 256.
- ⁸³ Ibidem
- ⁸⁴ Aportes. 1972. N 23. Paris. P. 137.
- ⁸⁵ *Geographical and Statistical Synopsis of Peru*. Lima, 1899. P. 25-27.
- ⁸⁶ Cisneros C.B. *Reseña económica del Perú*. Lima, 1906. P. 66.
- ⁸⁷ Dávalos y Lissón P. *Diez años de historia contemporánea del Perú, 1899-1908*. Lima, 1930. P. 96.
- ⁸⁸ *Peru Today*. March 1911. Vol. III. N 1. P. 32.
- ⁸⁹ Fernandez-Baca J., Parodi Zavallos G., Torres F. Op. cit. P. 57.
- ⁹⁰ *Estudios Andinos*. Año IX. N 17-18, 1981.- См. статью Revilla J. *Industrialización temprana y lucha ideológica en el Perú; 1890-1910*. P. 14, 30-31.
- ⁹¹ Ibid. P. 16.
- ⁹² Basadre, Jorge. *Chile, Perú y Bolivia independientes*. Barcelona, Buenos Aires, 1948. P. 556.
- ⁹³ Revilla J. Op. cit. P. 38.
- ⁹⁴ *Gran Bretaña y el Perú*. Op. cit. Vol. 1. P. 269.
- ⁹⁵ Ibid. P. 322-323.

⁸⁸ Dávalos y Lissón P. Diez años de historia contemporánea del Perú, 1899-1908. Lima, 1930. P. 96.

⁸⁹ Peru Today. March 1911. Vol. III. N 1. P. 32.

⁹⁰ Fernandez-Baca J., Parodi Zevallos G., Torres F. Op. cit. P. 57.

⁹¹ Estudios Andinos. Año IX. N 17-18, 1981.- См. статью Revilla J. Industrialización temprana y lucha ideológica en el Perú; 1890-1910. P. 14, 30-31.

⁹² Ibid. P. 16

⁹³ Basadre, Jorge. Chile, Perú y Bolivia independientes. Barcelona, Buenos Aires, 1948. P. 556.

⁹⁴ Revilla J. Op. cit. P. 38.

⁹⁵ Gran Bretaña y el Perú. Op. cit. Vol. 1. P. 269.

⁹⁶ Ibid. P. 322-323.

⁹⁷ Revilla J. Op. cit. P. 21.

⁹⁸ Garland A. Las industrias en el Perú. 2-a edición Lima, 1900; Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1906; Garland A. Peru in 1906. Lima, 1908.

⁹⁹ Garland A. Las industrias en el Perú. P. 8.

¹⁰⁰ Ibid. P. 10-11.

¹⁰¹ Ibid. P. 19.

¹⁰² Ibid. P. 22.

¹⁰³ Ibid. P. 29-30.

¹⁰⁴ Garland A. Las Industrias P. 30

¹⁰⁵ Garland A. Reseña industrial del Perú. P. 109, 111.

¹⁰⁶ Cisneros C.B. Reseña económica del Perú. P. 202.

¹⁰⁷ Reseña industrial del Perú. Lima. 1902. P. 49. X. К. Мариатеги указал и на психологические особенности капиталистов Перу: "Моральные, политические и психологические элементы капитализма, видимо, не нашли у нас благоприятной почвы. Капитализм – это не только техника; это, кроме того, ещё и дух. В англосаксонских странах этот дух получил наивысшее развитие, а у нас он слаб, хил и неразвит... Креольский капиталист, вернее землевладелец, думает, прежде всего, не о производстве, а о ренте. Предприимчивость и смелость, характерные для настоящего капиталиста, нам почти не известны". – Мариатеги X. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С.73. Подытоживая экономическое развитие Перу за первую четверть XX в., перуанский экономист Сесар Угарте также связывал слабое развитие промышленности с "дефектами в экономической психологии" перуанцев: "Перуанская раса страдает практически полным отсутствием предпринимательского духа, предпочитая либеральные профессии. Она склонна, главным образом, заниматься бюрократической деятельностью. Её характер слаб, и непостоянен". – Ugarte C. A. Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1925. P. 78.

- ¹⁰⁸ Garcia Calderon F. *Le Pérou contemporain*. Paris, 1907. P. 268-269. Кстати говоря, Ф. Кальдерон призывал иностранный капитал инвестировать во всё ещё слабую промышленность Перу. – Ibid. P. 161.
- ¹⁰⁹ Garland A. *Reseña industrial del Perú* P. 109.
- ¹¹⁰ Revilla J. *Op. cit.* P. 26.
- ¹¹¹ Davalos y Lissón P. *Diez años* P. 99-100.
- ¹¹² *Peru Today*. Nov. 1909. Vol. I. N 9. P. 21.
- ¹¹³ Revilla J. *Op. cit.* P. 28.
- ¹¹⁴ Roel Pineda. *Historia social y económica del Perú en el siglo XIX*. Lima, 1986. P. 277.
- ¹¹⁵ Purser W.P.G. *Metal-Mining in Peru. Past and Present*. N.Y., Wash., Lnd., 1971. P. 102.
- ¹¹⁶ Contreras C. *Mineros y campesinos en los Andes*. Lima, 1987. P. 26.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 57.
- ¹¹⁸ Ibid. P. 82.
- ¹¹⁹ Purser W. *Op. cit.* P. 102; Thorp B. *Op. cit.* P. 81.
- ¹²⁰ Preusse-Sperber. *Peru*. Frankfurt a. M., 1913. S. 19.
- ¹²¹ Roel Pineda V. *Op. cit.* P. 27.
- ¹²² Bürger O. *Peru*. *Op. cit.* S. 166.
- ¹²³ Carey J.C. *Peru and the United States, 1900-1962*. University of Notre Dame Press, 1964. P. 22.
- ¹²⁴ Ibid. P. 23.
- ¹²⁵ Roel Pineda V. *Op. cit.* P. 278.
- ¹²⁶ Gerbi A. *Perú en marcha*. P. 250; Caballero Martin V. *Imperialismo y campesinado en la sierra central*. Huancayo, 1981. P. 76.
- ¹²⁷ Purser W.F.C. *Op. cit.* P. 109.
- ¹²⁸ Caballero Martin V. *Op. cit.* P. 78, 80.
- ¹²⁹ Contreras C. *Mineros y campesinos*. P. 41.
- ¹³⁰ *Peru Today*. Vol. 1. N 7. 1909. September. P. 24.
- ¹³¹ *Gran Bretaña*. Vol. II. P. 237.
- ¹³² *Peru Today*. Vol. 1. N 7. 1909, September. P. 23.

Подъем сивилизма и начало его кризиса

Социально-экономические изменения и укрепление власти сивилистов

С уходом с поста президента Н. Пьеролы в 1899 г. и особенно в связи с оттеснением демократов от реальной политической власти сивилистами в 1902 г., в период президентства Э. Лопеса де Романы, завершилась эта попытка национальной буржуазии проводить независимый курс экономического развития. Дело в том, что рост промышленности был связан с потребностями развития экспортных отраслей экономики – с производством сахара, хлопка, шерсти, металлов и т. д. Падающий валютный курс в 1890-97 гг., высокие импортные пошлины (составившие примерно 39% от стоимости товаров, ввозившихся извне и являвшиеся основным источником доходов государства) побудили экспортёров заказывать оборудование у местных производителей – литейни изготовляли котлы для сахарных заводов, плавильни, действовавшие в стране, обеспечивали переработку серебра и меди, железнодорожные ремонтные мастерские закупали продукцию местных предпринимателей. Выручка от экспорта частично шла на развитие промышленности. И контролировали её, а иногда и организовывали лидеры экспортного сектора. Так крупный сахарный плантатор Хосе Пардо, позднее в 1904 г. избранный президентом от партии сивилистов, основал текстильную фабрику "Ла Виктория" в 1897 г. Он и его семья состояли членами правлений ряда банков и страховых компаний. Другой богатый сахарный плантатор, видный сивилист Антеро Аспильяга вложил свои капиталы в две страховые компании, два банка, в компанию по сбору налогов, в электростанцию в трамвайную компанию Лимы, горную компанию, в фабрику по производству мешков из джута. С введением золотого стандарта перуанской валюты в 1897 г., кстати, вызванного не внутренними причинами, а прекращением субсидий серебра в США, вырос валютный курс перуанского золотого фунта. Одновременно снизились цены на импорт промышленных товаров из-за границы. Установление новой налоговой системы правительством Пьеролы и введение акцизов на алкоголь, соль, сахар, табак уменьшили зависимость государственных доходов от сбора таможенных пошлин, к тому же сильно снизившихся по независимым от правительства

обстоятельствам. Доходы экспортной группировки правящего класса значительно выросли. Учитывая, что все они в финансовом отношении были связаны с иностранным капиталом – Грейсом, Грэм Роу, Дункан Фокс, Гильдемейстерами, державшими в своих руках в значительной степени и импорт промышленных товаров в Перу, то упадок национальной промышленности и ослабление влияния национальной буржуазии вполне объясним. Промышленное развитие в стране не получило политической поддержки внутри страны. Направление развития страны определяли извне действовавшие силы, с которыми были тесно связаны в качестве младших партнёров перуанские экспортёры сахара, хлопка, шерсти, каучука и т. п.¹.

Одной, хотя и не решающей причиной свертывания самостоятельного промышленного развития Перу, помимо конкуренции с иностранным капиталом, был диверсифицированный характер экспорта страны по сравнению с другими латиноамериканскими странами. При несовпадении во времени колебаний цен и объемов основных экспортных товаров Перу (сахар, хлопок, шерсть, медь, серебро, нефть, каучук и т.п.) господствующие классы всегда могли рассчитывать на достаточные доходы для оплаты импорта нужных им товаров. В результате отпадал один из побудительных мотивов для развития собственной промышленности.

Гильермо Билингхурст

В монтанье, в перуанской Амазонии к северу от города Икитоса, возник центр добычи каучука, абсолютно необходимого продукта для производства автомобилей в развитых капиталистических странах. Сборщиков каучука – индейцев (их насчитывалось в

"империи Араны" при общем числе жителей в 40 тыс. около 12 тыс., сдававших каучук в 45 центров его сбора².) зверски эксплуатировала английская компания "Перувиан Амазон Раббер компани", которую возглавил в Перу Хулио Арана. Пик производства в 3200 т был достигнут к 1912 г.³, после чего более дешевое производство каучука, налаженное англичанами на плантациях в Азии, привело к краху этой отрасли экономики в Перу и к разорению многочисленных перуанских посредников компании. В 1910 г. 18% экспорта Перу по стоимости составлял каучук, а в 1918 г. лишь 1,2% приходилось на этот продукт⁴. Стране же ничего не доставалось. Чистая прибыль компании составляла 25-35% ежегодно⁵. Согласно различным оценкам "каучуковый бум" в Перу стоил жизни 40 тыс. индейцев бора и уитото⁶.

Безжалостное уничтожение индейцев вызвало международный скандал в 1909-1913 гг., когда английский журнал "Truth" ("Правда") опубликовал разоблачительные статьи У. Харденберга о бесчеловечных действиях компании. В Лиме "Общество защиты индейцев" (La Sociedad Pro-Indigena), защищая индейцев, осудила потворство Легии беззакониям и послала в сельву комиссию по расследованию преступных действий против индейцев. Комиссия полностью подтвердила факты, опубликованные У. Харденбергом. Генеральный консул Англии в г. Манаусе (Бразилия) Р. Кейсмент, посетивший район сбора каучука в Путумайо, (река, на которой были расположены "станции" по сбору латекса - департамент Лорето) заявил, что из 50 тыс. индейцев в Путумайо в 1906 г. осталось к 1911 — 8 тыс. Надсмотрщики оправдывали свои зверства в беседе с Кейсментом тем аргументом, что "индейцы не люди, а животные"⁷. В индейском селенье Ультимо Ретиро убийства индейцев, не выполнивших норму сбора каучука, были повседневным явлением. Из 1000 жителей его в 1902 г. в 1911 г. осталось только 175 человек. Начальники сборочного пункта каучука Монтт и Фонсека безжалостно и жестоко уничтожали индейцев племени уитото. Как писал перуанский судья Карлос Валькарсель, опубликовавший в 1915 г. книгу в 400 страниц о геноциде в Путумайо (книгу эту автор посвятил экс-президенту Биллингхурсту, чьи усилия по улучшению жизни индейцев, по мнению Валькарселя, хорошо известны), Фонсека зверски избивал индейцев, не выполнивших норму по сбору каучука.

Он лично убил 100 индейцев племени уитото. Тех индейцев, кто приносил достаточно каучука, он отпускал. Тех же индейцев, которые, по его мнению, не полностью выполнили норму, он уби-

вал из револьвера, а оставшихся в живых закапывал в землю. Одному из вождей индейцев, не обеспечивших выполнение его племенем заданной нормы сбора каучука, Фонсека отрезал половые органы, затем сварил их и заставил жену жертвы съесть их. Этот индеец вскоре умер от оспы. Каждые 15 дней Фонсека делал вылазки в сельву, убивая в качестве устрашения индейцев не взирая на пол и возраст, насилая девушек индеек. Индейцам отрезали уши и носы, топили в реках, жгли на кострах. В одной из карательных вылазок Фонсека повесил 10 индейцев, а затем отрубил им головы, не разрешая похоронить их родственникам⁸. Валькарсель описал в своей книге сотни подобных истязаний над индейцами. Охота за индейцами в сельве, превращение их в рабов приобрела массовый характер. Дело о преступлениях в Путумайо слушалось в английском парламенте и американском конгрессе. Поскольку основными акционерами компании являлись англичане, и сама компания была зарегистрирована ее директором перуанцем Хулио Араной в Лондоне, преступления в Путумайо рассматривались Королевским судом Англии. Но руководители компании Х. Арана и П. Сумаета были оправданы под тем предлогом, что лично они не участвовали в массовых убийствах, а лишь надсмотрщики-негры, привезённые компанией из английской колонии Барбадос. Правда, компания в конце 1913 г. самоликвидировалась, но акционеры получили все причитавшиеся им дивиденды⁹. Англичане, получавшие теперь в три раза более дешёвый каучук на своих плантациях в Азии, не нуждались больше в перуанском каучуке. Прокурор города Икитос Валькарсель попытался возбудить дело против 255 служащих компании, виновных в преступлениях. Но до суда дело не дошло. Арана и Сумаета были весьма влиятельными лицами в городе. Позднее Арана стал сенатором от департамента Лорето в конгрессе Перу. Его друзья, выходцы из департамента Лорето, были в правительстве Легии соответственно один - министром экономики, другой - министром внутренних дел. Алькальд Лимы, один из лидеров оппозиционной партии демократов Г. Биллингхурст публично осудил преступные дела компании в сельве. Но президент Легия сумел затормозить расследование преступлений в Путумайо.

Первое место в иностранных капиталовложениях в Перу занимал английский капитал. Достаточно сказать, что только "Перувиан корпорейшн" во главе с Грейсом имела капитал в 21,6 млн. ф.ст., а весь иностранный капитал в 1910 г. составил примерно 60 млн. ф. ст.¹⁰. На второе место в начале XX в. вышел американский

капитал, оценивавшийся в 25 млн. долл. в 1906 г., утвердившийся прежде всего в горной промышленности. На третьем месте стоял немецкий капитал¹¹.

Была создана крупнейшая в Перу компания по добыче меди и сопутствующих металлов "Серро-де-Паско Майнинг Ко", которая экспортировала всю продукцию в США. Производство меди выросло с 9,5 тыс. т в 1903 г. до 28 тыс. т через 10 лет¹². Компания также построила крупнейший в Южной Америке завод цветных металлов, довела Центральную железную дорогу от Орои до Серро-де-Паско. Для развития животноводства в целях поставок мяса в район добычи меди она скупила земли в сьерре, предварительно изгнав индейцев. Ее капитал, по оценке американского консула Хэтчинсона, в 1906 г. составил 14 млн. долл. В компании было занято 1300 человек¹³.

В горной промышленности число рабочих выросло с 9651 человека в 1905 г. до 20335 человек в 1914 г.¹⁴ Большинство горняков работало по контрактам "энганче". Нарождающийся рабочий класс занимал все более заметное место в перуанском обществе, в котором капиталистический уклад в целом стал ведущим.

И все же основой экономики Перу оставалось сельское хозяйство¹⁵. "Лучшие земли на косте,- писал Х.К. Мариатеги,- заняты под хлопок и сахарный тростник отнюдь не потому, что они наиболее подходят именно под эти культуры, а исключительно из-за того, что в данный момент именно их экспорт интересует торговцев Англии и Соединённых Штатов Америки. Сельскохозяйственный кредит, который целиком подчинён интересам этих фирм, не стимулирует производство других культур... Производство же продовольственных культур, идущих на внутренний рынок, находится, как правило, в руках мелких собственников и арендаторов... Даже мелкие землевладельцы и арендаторы вынуждены переключиться на производство хлопка, увлечённые этой общей тенденцией, столь мало принимающей во внимание действительные интересы национальной экономики. Вытеснение традиционных продовольственных культур хлопком в тех районах косты, где сохраняется мелкая земельная собственность, послужило одной из главных причин резкого роста дороговизны продовольственных товаров в населённых районах косты"¹⁶. Капиталистические производственные отношения в целом были господствующими на сахарных и хлопковых плантациях косты. Характерной чертой развития сахарной отрасли экономики стали концентрация земель в руках крупных иностранных компаний и капиталистическая модерниза-

ция производства. Местные асендадос, заложившие свои плантации в иностранных банках, разорались, и их плантации скупались иностранцами. Владельцы крупных сахарных плантаций, возникших в результате этого процесса, имея связи с иностранными банкирами, могли покупать современные машины, удобрения, внедрять новые сорта сахарного тростника, строить железные дороги для подвоза сахарного тростника к инхениос и сахара к портам. Семья видного политического деятеля Перу А. Аспильяги, дважды в 1912 и 1919 гг. баллотировавшегося в президенты Перу, владела асьендой "Каялти" и находилась в финансовом альянсе с английским банком "Генри Кендал энд санз".

Производство сахара составляло в 1895 г. 95 тыс. т, в 1904 г. оно возросло до 156 тыс. т, т.е. за 10 лет увеличилось на 50%. Из этого объема сахара экспортировалось, в основном в Англию, 132 тыс. т, а в стране оставалось лишь 24 тыс. т. В 1918 г. экспорт сахара составил 192 тыс. т стоимостью 64,1 млн. пер. фунтов. На 118 сахарных асьендах площадью в 250 тыс. га трудилось 25 тыс. рабочих. Таким образом, сахар все более становился одним из главных экспортных товаров, составляя, к примеру, в 1914 г. почти 30% всего экспорта Перу¹⁷. Три президента: Кандамо (1903 г.), Пардо (1904-1908 гг.) и Легия (1908-1912 гг.) - были сами крупными сахарными плантаторами, тесно связанными с иностранным капиталом. Сахарные бароны вкупе с землевладельческой олигархией (латифундисты сьерры, хлопковые и рисовые плантаторы косты и др.) и торговцами вступили в тесный союз с иностранным капиталом, закрепляя зависимое развитие страны. Так, президент М. Кандамо в 1903 г. осудил попытки развивать в стране промышленное производство, которое, по его мнению, поддерживалось Н. Пьеролой "искусственно, за счет потребителя", и считал необходимым направить все средства на эксплуатацию природных богатств¹⁸.

Ведущая отрасль сельского хозяйства страны - сахарная, чья продукция шла, в основном, на экспорт развивалась по капиталистическому пути. Однако организация труда была во многом отягощена докапиталистическими отношениями - полупринудительный труд рабочих, основанный на энганче и пеонаже, чрезвычайно тяжелые условия работы и быта, полуфеодальная система надзора и наказаний, мизерный заработок и наличие хозяйских лавок - тамбос, сохранение связи рабочего с общиной. Растущий спрос на международном рынке на перуанский хлопок способствовал увеличению производства его на косте. Хлопок выращивался в основ-

ном на мелких и средних асьендах на базе испольщины - янаконахе, или партидарио. Имелись и мелкие землевладельцы, поставлявшие свой хлопок на сборные пункты крупных асендадос. Производство хлопка находилось в руках перуанцев, но его кредитование, переработка и сбыт контролировали почти полностью английские торговые фирмы "Дункан Фокс", "Грэм Роу" и "Локкитс". К 1915-1916 гг. число хлопковых асьенд составило 236, на которых трудилось 20,5 тыс. работников. Экспорт хлопка с 1897 по 1914 г. вырос с 5,15 тыс. т до 22,9 тыс. т, а по стоимости сравнялся в 1913 г. со стоимостью экспортируемого сахара. Примерное равенство сохранялось и в годы первой мировой войны - в 1918 г. стоимость вывезенного за границу хлопка составила 3,7 млн. пер. фунтов, а сахара - 4,1 млн. пер. фунтов¹⁹.

Индейцы сьерры

8-10% экспорта составляла шерсть альпаки и овец, главным образом с юга страны. Крупные немецкие, английские, итальянские торговые дома были соучастниками огораживаний здесь индейских общинных земель, проводимых помещиками.

Большую часть страны, и прежде всего сьерру, где в 1906 г. на территории в 470 тыс. км жило 2,25 млн. человек, населяли индейцы - кечуа и аймара. Следует учесть, что все население страны насчитывало около 3,6 млн. человек.

На coste площадью в 177 тыс. км жило 900 тыс. человек. Более 50% территории занимала сельва, или монтанья, где жило примерно 450 тыс. человек, в основном индейских племен²⁰. "Бедность, невежество, рабство" - так характеризует жизнь индейцев-крестьян сьерры в начале XX в. известный перуанский историк-экономист К. Угарте²¹.

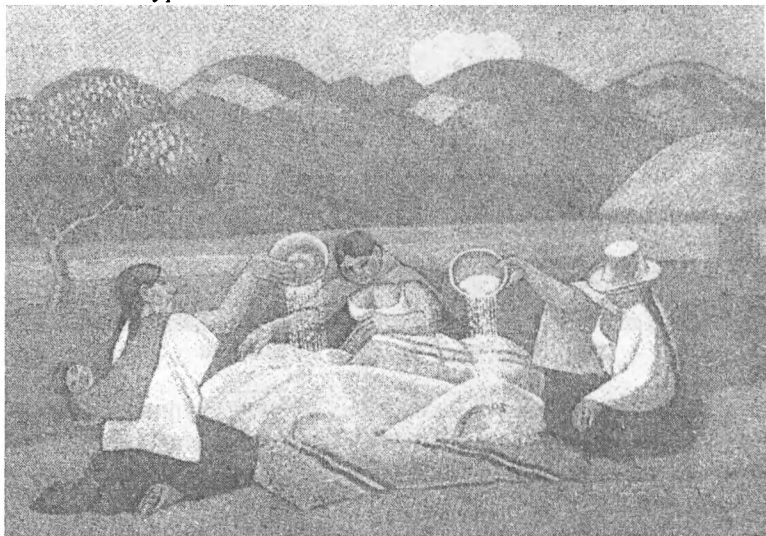

Крестьяне сьерры на пахоте

Практически вся земля находилась в руках крупных полуфеодалных собственников – асендадос или гамоналов (перуанское растение – паразит, питающееся соками деревьев). В департаменте Пуно асендадос владели примерно 60-80% обрабатываемой и пастбищной земли. Здесь, как и в департаменте Куско, существовали крупнейшие латифундии площадью от 10 до 100 тысяч га²². Рост крупных асьенд на юге страны в Пуно и Куско и наступление на земли крестьян-общинников был вызван проникновением товарно-денежных отношений и увеличением спроса на перуанскую шерсть со стороны Англии. В 1876 г. в Пуно было 703 асьенды, а в 1915 г. уже 3219. Тон в этом наступлении задавали крупнейшие асендадос. Например, семье Романья принадлежало поместье "Никкотан" в 46 тысяч га, английской компании "Сосьедад ганадера дель Сур"- 200 тысяч га пастбищных земель. Другая местная компания "Негосиасьон ганадера Иригойен" завладела в краткое время 100 тыс. га земель²³. Лучшие земли входили в состав асьен-

ды, а арендованные на кабальных условиях крестьянином мелкие участки ютились на склонах гор, бедных и подвергавшихся эрозии почвах. И тем не менее урожайность на крестьянских участках во многих случаях была выше, чем на более плодородных землях асьенды. Однако асендадос всегда получали прибыль – ведь они располагали фактически бесплатной рабочей силой малоземельных и безземельных крестьян.

Наиболее распространёнными формами эксплуатации труда индейцев были апарсерия, колонато и янаконахе. Апарсерия применялась в сьерре, главным образом на асьендах полуфеодалного типа. Безземельный крестьянин получал участок земли от владельца асьенды и был обязан выплачивать ему от одной трети до половины своего урожая²⁴.

Веяльчики

Колон жил на территории асьенды. Ему выделялся участок земли не больше одного "топо" (мера площади в Перу, равная примерно 3,1 ара), за что он должен был трудиться 4-5 дней в неделю, получая чисто символическую оплату, большей частью листьями коки и водкой. Он был также обязан передавать хозяину земли половину урожая, а также приплод молодняка. Колонами были как общинники, так и формально независимые крестьяне. Помимо феодальных повинностей крестьяне платили подушный и солевой налоги. В начале XX в. всё больше стала применяться денежная оплата колонов за работу в асьендах, не превышавшая ми-

зерных 20-30 сентаво в день.

В районе сьерры феодальная зависимость крестьянства проявлялась и в том, что при продаже асьенды в первую очередь учитывалось число индейцев, живших на её территории. Работа на асьенде поглощала почти всё время и энергию индейца. Перуанский автор насчитывает 11 тяжелейших повинностей индейца²⁵. Штрафы и наказания за отсутствие на работе по болезни, за поломку орудий труда, за отказ повиноваться произволу надсмотрщика приводили к росту задолженности крестьян, к пеонажу – долговому рабству, которое терзало и их детей. На асьендах имелись частные тюрьмы, индейцы выходили на работу в цепях и колодках, физические истязания не были редкостью. В то время как гамоналы роскошествовали, крестьяне голодали и умирали от болезней и непосильного труда. Пища индейцев была почти лишена животных белков. Основной продукт питания – "чуньо", вымороженный до крахмала картофель.

Частично в пищу шла кукуруза (маис). Мясо, яйца, молоко индейцам были недоступны. Чувство голода заглушали жвачкой из листьев коки. Свирепствовали дизентерия, туберкулёз, дифтерия, оспа.

Местные власти и посредники – алькальды, губернаторы, префекты, судьи и торговцы разоряли мелких овцеводов, независимых крестьян, принуждая их силой и обманом продавать шерсть. Индейцам навязывали авансы в счёт будущих продаж шерсти, а в сезон стрижки шерсть оплачивалась по заранее установленным и крайне низким ценам. Если индеец отказывался от так называемого "аванса", то его просто избивали и отнимали шерсть. Степень грабежа показывают такие цифры: шерсть альпаки у крестьян покупалась по 9 солей за кинталь (= 46 кг), а в Арекипе продавалась за 50-60 солей, шерсть викуни соответственно 20 и 200 солей. Неудивительно, что именно в южной сьерре – департаментах Куско и Пуно асендадос вели ожесточённую войну против индейской общины – айлью, отнимая их скот под предлогом потравы земель асьенды, "округляя" территорию асьенд за счёт захвата земли общины²⁶.

В начале XX века английская исследовательница Дж. Гейнесс констатировала удручающие условия жизни индейцев, как на асьендах, так и в общине. Она отмечает, что последние 30 лет усилился сгон крестьян с общинных земель при поддержке властей, что привело к значительному сокращению числа общинников. Но на деле и они не свободны - "они рабы алкоголя и водки". Большин-

ство вынуждены трудиться на хозяина асьенды, получив взамен небольшой участок земли для выращивания картофеля, кукурузы и овощей. Индеец асьенды живет в "небольшой, покрытой соломой хижине без окон, черной от дыма..." Он "полностью зависим от управляющего помещьем. Он не имеет врачебной помощи, а после смерти его долг хозяину переходит к членам семьи. На асьенде индейцы - рабы де-факто, хотя и не де-юре"²⁷. Немецкий агроном, посетивший провинцию Паукартамбо в департаменте Куско в начале XX в., описал типичное положение индейца – колона в сьерре, жившего на территории латифундии. Здесь индеец получал от асендадо небольшой участок земли и выгон для пастьбы скота. Взамен он безвозмездно должен был работать на земле асьенды пять дней в неделю, ежегодно вывозить 5 фанег зерна (1 фанега = 55,5 литра) к месту жительства патрона, который обычно жил в Куско, один-два члена его семьи были обязаны отработать две недели в качестве дворовых слуг. В Пуно крестьяне пасли небольшую собственную отару, но главным образом овец хозяина - за падёж или болезни нёс ответственность пастух. Один день в неделю индейцы бесплатно трудились на так называемых общественных работах – строительстве дорог, проведении оросительных каналов, общественных зданий и церквей и т. п., причём зачастую во время сбора собственного урожая²⁸.

Третий тип подневольного труда – янаконахе. Янакон – это безземельный индеец вне общины. Янакон получал от асендадо землю, иногда займы деньги, посевной материал, орудия труда и удобрения. Асендадо определял вид сельскохозяйственной продукции, в основном выращивание хлопка и риса, и долю арендной платы янакона в натуральной форме. Свою долю продукции янакон также был обязан продавать владельцу земли по фиксированной до сбора урожая низкой цене (зачастую составляющую одну треть от рыночной). Достаточно было одного неурожая и янакон попадал в долговое рабство, что принуждало целые поколения крестьян трудиться безвозмездно на асендадо в счёт уплаты долга. Янаконахе преобладало на косте. Помимо обработки арендованного участка земли янакон был обязан бесплатно работать на очистке оросительных каналов, перевозить урожай асендадо, отрабатывать определённое число дней на асьенде. В сьерре янаконахе представляло одну из форм крепостничества, иногда практически сливаясь с апарсерией и колонатом. На косте янакон в ряде случаев был близок к капиталистическому арендатору. Но большая часть янаконов – это минифундисты, трудившиеся на капиталистических

асьендах косты и выращивавшие на своих арендованных клочках земли для пропитания кукурузу, картофель и т. п.²⁹.

Процесс обезземеливания и разложения общин, роста товарности латифундий ускорился после прихода к власти Н. Пьеролы. На юге сьерры в департаментах Куско, Пуно, Апуримаке, как писал современник событий окружной судья Х. Фрисанчо, "убивают индейцев, чтобы завладеть их землей". Эта "варварская система убийства индейцев проводилась для того, чтобы добиться превращения земель айлью в латифундии". Центральные власти направляли войска для подавления волнений крестьян. Так, армия в 1896 г. уничтожила большинство жителей Чукуйто, защищавших свое право на землю, а оставшиеся в живых бежали в горы. В том же департаменте Пуно в 1910 г. индейцы общины Самана оказали ожесточенное сопротивление их сгону с общинных земель местным асендадо, называвшим крестьян "живым инвентарем". Столь циничный подход стал оправданием для почти поголовного убийства крестьян отрядом правительственных войск. Были разграблены жилища и скот индейцев. Суды активно исполняли волю асендадос, штампуя фальшивые документы об их праве на земли общин³⁰.

Широкий размах получил исход крестьян из районов сьерры на побережье для уборки сахарного тростника на срок 3-4 месяца. Демографический рост, постепенное проникновение товарно-денежных отношений в деревню, необходимость покупки простейших орудий и предметов потребления, арендная плата земле-владельцам, выплата подушного налога, расходы на нужды селения и общины, на бесконечные судебные тяжбы о земле с помещиками - все это побуждало крестьян искать заработков на стороне. В конце XIX - начале XX в. близлежащие к косте общины сьерры на время пустели - почти все мужское население направлялось на уборку урожая в асьендах косты. Рост экспорта шерсти и кожи стимулировал захват общинных земель. Это в свою очередь приводило к вытеснению индейцев на косту. Эпицентром острой борьбы крестьян против асендадос стал южный департамент Пуно. Достаточно сказать, что из 65 выступлений крестьян в целом по стране в 1908-1910 гг. 29 приходилось на этот департамент³¹.

При содействии посредников – энганчадорес – асендадос косты вербовали на свои плантации крестьян из сьерры. Получив ссуду от асендадо или ростовщика в несколько тысяч солей, посредник вербовал 100-200 крестьян, которым выплачивал аванс в 20-30 солей³². Посредник играл роль надсмотрщика и торговца – в его ру-

ках находились лавчонки на территории асьенды. В них крестьяне по завышенным ценам с уплатой бонами приобретали нужные им товары. Задолженность батрака – главное средство работодателя для удерживания крестьян-индейцев на асьенде. Обычная плата законтрактованного индейца составляла 50 сентаво в день, причём 15% её переходила в руки посредника. Работа длилась от зари до зари. Непривычные к тяжелому, изматывающему труду в условиях жаркого климата на уровне моря горцы часто болели, особенно были распространены туберкулёз, малярия и оспа. Бежавшие до уплаты долга индейцы жестоко наказывались. На них устраивались облавы, их пытали, сажали в хозяйские тюрьмы и застенки³³.

Так зарождался пролетариат Перу в сельском хозяйстве. Это были крестьяне, ещё связанные многими узами с докапиталистическими отношениями – ведь основная часть их жизни происходила в сьерре. Но с ходом времени крестьянин сьерры всё больше отрывался от прежних условий жизни и превращался в постоянного наёмного работника. Этот процесс создания постоянных отрядов сельского пролетариата на косте, начавшийся по окончании Тихоокеанской войны, завершился после первой мировой войны в 20-40-е годы. Тройной гнёт эксплуатации – национальный, феодальный и капиталистический – обусловил мучительность и длительность этого процесса.

НАЧАЛО КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ: СУДЬБЫ РЕФОРМИЗМА Г. БИЛЛИНГХУРСТА

Развитие капитализма в Перу и ухудшение материального положения трудящихся в связи с ростом экспортной направленности экономики толкало молодой рабочий класс на выступление против угнетения. Особенно активны в отстаивании своих прав были портовики Кальяо и текстильщики Лимы. В конце века они порвали с мутуалистскими обществами ремесленников и приступили к созданию собственных организаций. На Первом Рабочем конгрессе, собравшемся в Лиме в 1901 г., была отвергнута идея мутуалистов о сотрудничестве рабочих и хозяев. Конгресс принял программу с требованием проведения законодательных мер с целью сокращения рабочего дня, улучшения условий труда и расширения демократических прав рабочих. Был создан профсоюзный центр «Ассамблея объединённых обществ»³⁴. Позднее рабочее движение идеологически оказалось связанным с анархистами.

Крупнейшим выступлением молодого пролетариата была сти-

хийная забастовка текстильщиков фабрики Грейса в пригороде Лимы - Витарте в 1896 г. Временный профсоюз фабрики во главе с Эмилио Мендосой потребовал от хозяев сокращения рабочего дня (он составлял 16 часов в сутки, с перерывом на завтрак и обед по одному часу), увеличения зарплаты (она достигала лишь 30 сентаво) и улучшения качества питания в фабричной столовой, в которой пища подавалась в котелках с вопиющим нарушением санитарных норм³⁵. Компания ответила отказом. 27 августа произошло ожесточенное столкновение забастовщиков со штрейкбрехерами. На следующий день руководители забастовки были арестованы, их обвинили в поджоге запасов хлопка на складах фабрики и осудили на 6 лет тюрьмы. Стачка была подавлена³⁶. Стачки рабочих конца XIX - начала XX в. и в дальнейшем концентрировались вокруг двух главных требований - повышения зарплаты и сокращения рабочего дня.

Новым шагом в развитии рабочего движения в Перу явилась забастовка портовиков Кальяо, начавшаяся 6 мая 1904 г. Впервые в истории страны было выдвинуто требование 8-часового рабочего дня и оплаты пропущенных по болезни дней. Рабочие во главе с руководителем общества взаимопомощи "Союз" А. Арредондо потребовали увеличения зарплаты до 3--4 солей, двойной оплаты за работу в праздничные и воскресные дни и 1,2 соля за каждый час сверхурочной работы. К ним присоединились рабочие железнодорожного депо железной дороги Лима-Кальяо³⁷. Через 15 дней власти прибегли к силе. Жандармы напали на собрание забастовщиков, многие из которых были тяжело ранены. Поспешившие на помощь рабочие отогнали жандармов. По призыву портовиков все предприятия Кальяо прекратили работу. При разгоне демонстрации рабочих был убит рабочий Флоренсио Алиага. В день его похорон была прекращена всякая деловая активность в Кальяо. Всеобщую забастовку готовили и рабочие Лимы. Опасаясь всеобщей забастовки, хозяева пошли на уступки. Зарплата портовикам и грузчикам была увеличена на 20% и внесен ряд изменений в условия найма портовиков³⁸.

Опыт стачечной борьбы молодого пролетариата Перу за свои права привел к падению влияния мутуализма. В 1905 г. профсоюз (gremio) рабочих-булочников "Звезда Перу" (Estrella del Perú) откололся от Конфедерации ремесленников и потребовал сокращения рабочего дня. Эту организацию возглавили рабочие-булочники анархо-синдикалисты Мануэль Левано и его сын Дельфин Левано. 1 мая 1905 г. рабочие-булочники впервые в стране провели впе-

чатляющий по массовости 5-тысячный митинг трудящихся Лимы под красным знаменем с требованием восьмичасового рабочего дня. На митинге выступил Мануэль Гонсалес Прада, призвавший к единству демократической интеллигенции и рабочих. Он поднял голос солидарности с революцией в России, где "Николай II и его ставленники применяют против народа кнут, саблю и пули"³⁹. В 1907 г. рабочими был создан «Сектор социальных исследований Первое Мая», который с 1911 г. стал издавать газету "La Protesta"-основной орган анархосиндикалистов Перу. 16 июня 1911 г. в этой газете впервые были опубликован манифест ряда руководителей рабочих Лимы с изложением ближайших требований рабочего класса. "Борьба между капиталом и трудом, - говорилось в манифесте, - повсюду в мире приобрела чёткую форму и идейную направленность. Мы должны действовать таким же образом, чтобы в будущем добиться лучшей, чем сегодня, организации человеческого общества. А пока нужно бороться против тех, кто монополизировал орудия труда, против тех, кто владеет землёй и её плодами, капиталом и машинами. Для успеха в этой борьбе необходимо объединиться в единый блок, постоянно выступая против всякого рода несправедливых действий со стороны хозяев, обязывая их использовать более гуманные орудия труда, изымая у них часть их прибыли, и, если необходимо, то силой; заставить их понять, что рабочие – это тоже люди, достойные уважения и заслуживающие справедливого к ним отношения. Борьба рабочих за своё освобождение не должна ограничиваться лишь частичной борьбой с хозяевами. Она должна вестись также против всех ныне существующих институтов общества. Мы будем добиваться более широкого научного образования по сравнению с тем, которое нам сейчас дают. Мы требуем снижения рабочего дня до 8 часов, не допускать работу в цехах детей младше 12 лет, оздоровление жилищ рабочих, на деле обеспечить законодательство о выплате пособий за увечье на работе, строительство домов призрения для старых рабочих либо установление гарантированной пенсии для них"⁴⁰. Манифест подписал 23 руководителя рабочего класса Лимы, в их числе Дельфин Левано и Мануэль Левано, Эдильберто Боса, Луис Грильо, Франсиско Лойяса, Глисеро Тассара и др. Идеолог молодого пролетариата Перу Мануэль Гонсалес Прада, критикуя компромиссы и союзы мутуалистов с хозяевами и власть имущими, советовал своим читателям в этой газете: "Гордый, благородный пролетариат не должен присоединяться к партиям и идти к избирательным урнам. Он восстаёт или воздерживается от участия в голосовании. Голо-

совать — это значит санкционировать существующий порядок в стране"⁴¹. Идейный вдохновитель анархистов Гонсалес Прада, всецело поддерживая борьбу рабочих за свои права, критиковал марксистов, считавших, как он полагал, что только рабочий класс страдает от капитализма. В статье "Международный праздник", опубликованной в 1905 г. Прада писал: "Не только трудящийся страдает от несправедливых законов, притеснения власть имущих и тирании капитала. Над нами всеми, так или иначе, издеваются и нас всех эксплуатируют. Нас всех давит безжалостный спрут — государство". В социализме Маркса он видел сходство с рабством, карикатуру на жизнь в монастыре. Социализм Прада не воспринимал как результат классовой борьбы. "Вместо того, чтобы проповедовать классовую борьбу, писал он в статье в анархистской газете "Los Parias" в мае 1906 г., следовало бы агитировать за человеческую революцию или революцию для всех... Для настоящего анархиста нет поэтому просто рабочего вопроса. Он видит перед собой громаднейшую социальную проблему: Не должно быть людоедской войны между классами. Нужно участвовать в благородном труде освобождения человека"⁴². Но сама жизнь опровергала утопию этого выдающегося перуанца. И он сам нашёл самую благодарную аудиторию в рабочем классе, единственной реальной силы в Перу, боровшейся в действительности за интересы трудового народа. Борьба анархосиндикалистов с хозяевами велась на деле за конкретные требования рабочих, а вовсе не за "освобождение" и своих эксплуататоров. То есть, попросту говоря, эта борьба носила классовый характер, а не выдуманный идеал освобождения человечества вне времени и исторических обстоятельств. Анархосиндикализм способствовал в условиях Перу созданию боевых профсоюзов, поддержанию духа борьбы и росту классового сознания пролетариата. Начав свою деятельность с 1905 г. анархосиндикалисты при всех их достаточно путаных взглядах чётко понимали, что необходимо бороться с государством, которое не может быть защитником пролетариата и сосредоточиться на более энергичной борьбе с капиталом путём тщательной материальной и организационной подготовке забастовок. Анархосиндикалисты выступали против всякой политической деятельности и отрицали роль политической партии для достижения целей рабочего класса. Для них основной организацией борьбы рабочего класса за свои требования был профсоюз. Именно анархисты внедрили в практику борьбы с капиталом такие методы как забастовка, всеобщая забастовка, саботаж и бойкот, проводившиеся энергично и последо-

вательно. Это придало рабочему движению Перу боевую социальную роль в политической жизни Перу⁴³.

Положение трудящихся классов и особенно рабочих резко ухудшилось при правительствах сивилистов, возглавлявшихся президентами Хосе Пардо (1904-1908 гг.) и Аугусто Легия (1908-1912 гг.). Оба содействовали укреплению позиций иностранного капитала в экономике страны, причем первый был настроен проанглийски, второй позднее начал склоняться к сотрудничеству с США. Они решительно оттеснили Демократическую партию от рычагов власти, не допустив Пьеролу и его сторонников на равных соперничать с сивилистами. Хосе Пардо крупный предприниматель, владелец и управляющий семейной сахарной плантацией, в 1898 г. основал в Лиме ткацкую фабрику "Ла Викториа", был членом правлений нескольких компаний и банков. Одновременно преподавал международное право в университете Сан Маркос. Но чтобы добиться в 1904 г. избрания президентом Пардо, хотя и выдвинутый одной из фракций сивилизма на пост президента, прибег к демагогической критике сивилизма, выступив сторонником рабочего законодательства и даже осудил действия иностранных компаний в стране, которые при апатии народа эксплуатируют его и вывозят из страны её природные богатства. Рекламируя свою приверженность прогрессу, Пардо посетовал, что старый "сивилизм подталкивает всех и вся к сумке с золотом, и это превратилось для него в главную и единственную сферу деятельности"... Вспомнив недавнее прошлое, Пардо констатировал, что "армия и флот вообще действуют в качестве гарантов несправедливости и тирании, а в таких отсталых и коррумпированных странах как Перу они защищают произвол и капризы правителей и убийц, касиков, безгранично наглых циников и лицемеров. Разве вплоть до наших дней они не были главными участниками кровавых гражданских войн, братоубийственной резни, каковыми были жестокие массовые убийства 1895 года? Как можно верить в то, что армия является гарантом конституции и законности, если она столь часто становится служанкой тех правительств, которые сами первыми топчут конституцию и нарушают законы, являясь создателем и опорой антиконституционных несправедливых и тиранических режимов, прибегающих к незаконным действиям, игнорируя право и конституцию? Намёк был ясен – обе эти тирады направлены были против Конституционалистской партии А. Касереса и фракции сивилистов Гражданский союз (Unión Cívica), которые, к слову сказать, также выдвинули Пардо на пост президента. Армия также

усилилась при первом президентстве Пардо, ежегодно проводились общевойсковые манёвры. Верно звучали и высказывания Пардо о пагубной роли иностранных инвестиций, вероятнее всего имелась в виду бурная деятельность "Серро-де-Паско Ко". "Укрепившись в нашей стране, утверждал кандидат в президенты, иностранный капитал... потребует, в целях управления им, ввоза в страну продукта высших интеллектуальных достижений, применения более высоких технологий, а также и строгой экономии – этого источника всякого капитала. У нашего народа всё это отсутствует. А что может предложить наш народ в обмен на этот капитал, эти знания, эти навыки труд иностранцев? Нашему народу, с тем, чтобы компенсировать свою безмерную экономическую отсталость, свою социальную неполноценность придётся отдаться этому капиталу, который станет эксплуатировать нас, и мы не сможем выдвинуть с нашей стороны никаких условий, и потеряем надежду на прирост наших собственных сил и средств. Под болтовню о якобы будущем процветании наша земля попадёт в руки иностранцев, а наш тёмный, презираемый всеми, погрязший во всевозможных пороках народ превратится в сборище диких зверей, порабощённых иностранным капиталом. И подавляющее большинство наших илотов покинут и эту землю и этот труд и этот иностранный капитал в поисках иной благословенной земли. Ослеплённые жаждой денег сивилисты под знаменем фальшивого прогресса готовят для Перу второе издание того, что испанские солдаты и монахи сделали со страной инков. Цель одна и та же и под иным историческим одеянием совершаются преступления эгоистами, использующими ложь и изощрённый обман"⁴⁴. Откровенные и точные оценки итогов экспансии иностранного капитала в Перу! А на деле – содействие и союз с иностранным инвестором. Так в своём послании конгрессу 27 июля 1907 г. Пардо с удовлетворением отмечает, что правительство, наконец-то, договорилось с "Перувиан Корпорейшн", согласившейся построить железную дорогу длиной в 460 км, которую она обещала начать строить ещё в 1890 г. В ответ на это ей было продлено право контроля над железными дорогами ещё на 17 лет. В следующем послании 27 июля президент с удовлетворением извещает, что стоимость горнорудной промышленности сравнялась со стоимостью продукции сельского хозяйства, составив в каждом случае 3,49 млн. пер. фунтов. Но ведь от горной промышленности государство почти не получало налогов – вся прибыль уходила из страны⁴⁵. Достаточно сказать, что госдоходы, хотя и увеличились с 1904 по 1908 г. с 14 млн. солей до 28 млн. со-

лей (2,8 млн. пер. фунтов. 1 п. ф. = 10 солям), то из страны уходило за рубеж сумма близкая к госдоходам⁴⁶. Обещание принять законодательство в пользу рабочего класса, в частности, о выдаче пособий рабочим, получившим увечье на рабочем месте, пылилось в стенах конгресса с 1905 г. по 1911 г., когда президентом был А. Легия.

Легия, будучи министром финансов, а затем и премьер-министром у Пардо, стал действовать настолько самоуправно в интересах своей группировки, что в результате произошёл раскол сивилистской партии. Демократическая партия, откровенно оттесняемая от власти, 1 мая 1908 г., частью объединившись с лидером Либеральной партии во главе с А. Дюраном, безуспешно пыталась не допустить его к президентству за четыре месяца до окончания пребывания у власти Пардо. Кстати на улицах Лимы во время этого мятежа раздавались возгласы "Да здравствует Пьерола!", не "Да здравствует Дюран!" В конце мая 1908 г. Легия, не имея соперников, легко победил на президентских выборах. Более опасной для Легии было выступление пьеролистов 29 мая 1909 г.с во главе с братом Н. Пьеролы Карлосом и его сыновьями Исаисом и Амадео, когда они захватили его в президентском замке и, водя в течение трёх часов по центральным улицам, требовали от президента подписать официальное заявление об отставке. Легия не соглашался. Но армия и полиция бездействовали. И только через некоторое время патрульная рота во главе с лейтенантом Гомесом, встретив группу из 36 заговорщиков вместе с президентом, произвела по ней залп. Президент остался жив, мятежники заключены в тюрьмы. В 1911 г., установив контроль над Национальной избирательной комиссией, Легия произвёл переворот в палате депутатов, незаконно включив в её состав одну треть своих сторонников. Депутаты, возражавшие против этой акции Легии, были разогнаны армией. Противники Легии создали в противовес раскольнику в конце 1911 г. в парламенте коалицию независимых сивилистов ("Блок"), конституционалистов, либералов и демократов. Назрел политический кризис, усугубляемый социальными и экономическими неурядицами⁴⁷.

Создание капиталистической инфраструктуры на косте привело к росту налогового гнета. Косвенные налоги на население неуклонно росли - соляной налог увеличился с 1896 по 1905 г. в 10 раз, а остальные налоги выросли почти в 4,5 раза. Состоятельные классы вносили в качестве налогов в казну государства лишь 6% всей суммы налогов, а рабочие и индейцы - 94%⁴⁸.

Деформация экономического развития тяжелым бременем ложилась на широкие массы трудящихся. Колебания цен на внешнем рынке на основные экспортные товары Перу непосредственно отражались на материальном благополучии страны. Переключение на экспортное производство сокращало объем производства внутри страны основных продуктов питания для народа. Начиная с первых лет XX в. неуклонно росла стоимость жизни, продовольствие приходилось импортировать по высоким ценам. В связи с мировым экономическим кризисом 1907 г. резко обострился и финансовый кризис в стране, выросла безработица. Тяжелейшее положение с продовольствием создано в Лиме, где резко возросли цены на основные продукты питания, в частности и потому, что крупные иностранные компании разоряли мелких фермеров китайского происхождения, снабжавших низшие слои столицы продовольствием, овощами и фруктами⁴⁹.

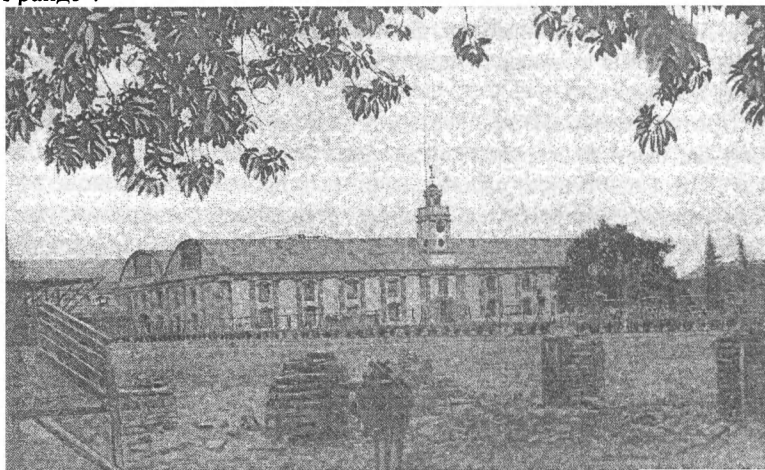
Обстановка еще более осложнилась в связи с обострением в 1907-1911 гг. территориальных споров с Чили, Бразилией, Эквадором, Боливией и Колумбией. Большинство конфликтов не вылилось в крупные военные действия, но армия увеличилась, и расходы на нее выросли.

Против безмерной эксплуатации со стороны хозяев, которые к тому же были иностранцами, тяжелых условий жизни и труда в мае 1910 г. выступили рабочие нефтяных промыслов в районе города Талары. Они требовали свободы ассоциаций и собраний, увеличения на 20% зарплаты, ликвидации хозяйских лавок, улучшения медицинского обслуживания. Хозяева вызвали войска, которые принудили рабочих приступить к работе⁵⁰.

Если забастовка в Таларе была еще относительно стихийной, то выступление рабочих Лимы в апреле 1911 г. приняло характер первой всеобщей забастовки в истории страны, руководимой анархосиндикалистами. Застрельщиками выступления снова стали рабочие текстильной фабрики в Витарте. Администрация фабрики отвергла справедливые требования рабочих о повышении зарплаты, сокращении рабочего дня с 13 часов до 10, улучшении условий труда. Компания ответила локаутом, прибегла к найму штрейхбрехеров. Префект Лимы, прибывший с отрядом полиции в Витарте, выбросил семьи рабочих из барачных. 17 руководителей стачки были арестованы. Мощная демонстрация солидарности трудящихся (свыше 20 тыс. человек) прошла по улицам Лимы. 10 апреля почти вся трудовая Лима прекратила работу. Были закрыты магазины, рестораны, остановился городской транспорт. Под давлени-

ем народа 11 апреля правительство Лимы предложило компании пойти на уступки: был сокращен рабочий день до 10 часов, повышена зарплата, отменены ночные смены, закрыта компанейская лавка, восстановлены на работе участники забастовки. Единство рабочего класса столицы продемонстрировало силу солидарности трудового народа, обеспечив выполнение требований передового отряда рабочих-текстильщиков⁵¹. Победа рабочих в этой забастовке имела огромное психологическое воздействие на политический кризис 1912 г., когда разлад в правящей сивилистской верхушке дал возможность претенденту на президентский пост Г. Биллингхурсту мобилизовать рабочих и ремесленников Лимы на поддержку своих претензий на президентство.

В следующем году всю страну потрясли события в долине Чикама, в районе города Трухильо на севере Перу. Здесь утвердились крупнейшие сахарные латифундии, в частности принадлежавший немецкому предпринимателю Гильдемейстеру комплекс "Каса Гранде".

Здание администрации компании "Каса Гранде"

2 апреля 1912 г. рабочие (braceros - батраки) выступили против увеличения норм труда и системы "энганче", которая делала их должниками ещё до начала исполнения "контракта". Стихийная забастовка затем охватила всю долину Чикама - асьенды Картавио, Чикитой, Саусаль и Ларедо. Под крики "Смерть немецким гринго!" бастовавшие рабочие сжигали посевы сахарного тростника, громили конторы компаний, их магазины. К забастовке примкнули мелкие торговцы, чье благосостояние подрывали компанейские

магазины. Мелкие и средние собственники сахарных асьенд, поглощаемые крупными компаниями, поддерживали бастовавших рабочих и пеонов. Ведь по мере того как компанией осуществлялась концентрация земель пустыли селения и городки долины Чикама, разорялись национальные владельцы средних и мелких сахарных плантаций и торговцы. Впервые в истории Перу были выдвинуты антиимпериалистические требования о смене немецких управляющих компании Гильдмейстера, увеличении перуанского персонала служащих в ней. Власти направили в районы забастовки войска, которые расстреляли мирное шествие рабочих. Погибло свыше 150 человек. И все же правительство было вынуждено рекомендовать компаниям отказаться от услуг энганчадорес (лиц, нанятых компаниями для доставки индейцев из сьерры на латифундии косты, зачастую с помощью лживых обещаний хорошего заработка, подкрепляемого небольшим денежным авансом), улучшить медицинское обеспечение, предоставить рабочим жилье, уменьшить нормы труда⁵². В таких условиях напряженного политического положения и классовых боев молодого пролетариата Перу завершилось президентство А. Легии.

Аугусто Легия

Кандидат сивилистской партии на предстоящих в 1912 г. президентских выборах Артуро Аспильяга - президент Сената, сахарный олигарх, банкир и промышленник – вызвал противодействие других группировок господствующих классов.

В частности, Независимая сивилистская партия, отколовшаяся

1911 г. от сивилистской партии в период президентства А. Легии (он сфальсифицировал выборы в конгресс, проведя туда своих сторонников), решительно выступила против креатуры действующего президента. Не пользовался он и доверием широких городских масс, знавших о глубоко консервативных взглядах претендента в президенты. Впрочем программа Аспильяги вполне демагогически обещала способствовать улучшению положения рабочих (в частности, строительство гигиенического жилья) и индейцев, которых не следовало бы насильственно направлять на работу в неподходящие для них климатические условия (намёк на массовую вербовку индейцев сьерры в сельву на сбор каучука и на горнопромышленные компании, что лишало сахарных плантаторов необходимых им рабочих рук). В то же время Аспильяга призывал широко привлекать в страну иностранные капиталы, усилить строительство железных дорог внутрь страны⁵³. Рост дороговизны не привлёк внимания официального кандидата сивилистов в президенты. Против официального кандидата выступил один из бывших лидеров демократов вице-президент при Н. Пьероле гг., алькальд Лимы в 1908-1910 гг., Гильермо Биллингхурст (1851-1915 гг.), много сделавший для низших городских слоёв. Так, борясь с дороговизной, он снизил цену на мясо, открыв пункты по продаже его по доступным бедноте ценам, преследовал недобросовестных продавцов обвешивавших и завышавших цены на продукты питания, снёс ряд антисанитарных трущоб в квартале Лимы Отайса, где жил рабочий люд, провёл водопровод, открыл трамвайную линию к фабрике "Ла Виктория" в пригороде столицы, строил дешёвое жильё и путём лотереи распределял среди рабочих, часто улаживал трудовые конфликты в пользу работников, а не хозяев. В памяти простых лимцев остался декрет алькальда города Биллингхурста о снижении цен на хлеб, изданный 16 сентября 1909 г. А хлеб был важной составной частью диеты народа, поглощавший до 25% их расходов. Без дешевого хлеба чувство голода взрослых членов семьи и особенно детей становилось невыносимым⁵⁴. Для Лимы было характерным плохое жильё для подавляющего большинства населения – индейцев, метисов, китайцев и негров. В докторской диссертации профессора университета Сан Маркос Энрике Гарсия, опубликованной в 1909 г. отмечалось, что 77% населения Лимы живёт в ужасных жилищных условиях, 10% - в более или менее сносном жильё, и только 13% имеют достаточную жилищную площадь. В китайских кварталах столицы в одной комнате живёт от 4 до 15 человек, в некоторых по преимуществу насе-

лѣнных индейцами домах в одной комнате проживают до 18 человек. Отсюда болезни, высокая детская смертность (до половины родившихся детей умирало в первый год жизни) преждевременная смерть взрослых. Средняя продолжительность жизни в столице составляла 26 лет⁵⁵. Крупный промышленник, Биллингхурст отличался известной самостоятельностью, он владел селитряными офисинами в Чили и не имел связи с основными олигархическими группировками страны. Либерал и реформист, блестящий публицист, оратор, экономист Биллингхурст понимал, что без определенных уступок трудящимся развитие капитализма в Перу чревато социальными катаклизмами. Он также считал необходимым несколько ограничить бесконтрольную деятельность империалистических монополий США и Англии ("Перувиан корпорейшн", "Серро-де-Паско Майнинг корпорейшн", английскую каучуковую и американскую железнодорожную компании), разоблачал их финансовые махинации. Биллингхурста поддерживала часть правящих кругов: разорившиеся асендадос косты севера Перу и национальные горнопромышленники Серро-дель-Паско, вытесненные обосновавшейся здесь компанией США, мелкая буржуазия городов, ремесленники и рабочие. К стати отметим, что значительная часть сивилистов открыто осуждала курс А. Легии на сотрудничество с американским капиталом. У местных политических лидеров вызывали возмущение дискриминационно высокие тарифы для национальных предпринимателей, по сравнению с крайне низкими тарифами, которые "Перувиан Корпорейшн" установила для американской компании "Серро-де-Паско". Так известный консерватор, профессор Университета Сан Маркос А. Деустуа писал в 1912 г.: "Какую выгоду получает национальная казна от огромного богатства, вывозимого американской компанией "Серро-де-Паско?"

Государство получает лишь три перуанских фунта в год за одну пертененсию. А если мы обратим внимание на добычу нефти, то можем задать тот же вопрос относительно вывоза ежегодно 200 тыс. т из нашей страны."⁵⁶. Дискуссия о том, с каким империалистическим государством следует идти на тесное сотрудничество, развернулась именно в это время. В 1911 г. известный политолог, сын бывшего президента, Франсиско Гарсия Кальдерон, не подвергая сомнению основной курс экономического развития страны как поставщика сырья ведущим капиталистическим странам, задался вопросом, какой империализм более выгоден для перуанцем. Одну из глав своей книги, вышедшей сначала в Париже на французском языке, а затем опубликованной в Лондоне он так и озагла-

вил – "Угроза США". Он указывал, что США рвутся в Южную Америку, не принимая во внимание традиций стран этого региона, тесно связанного с Европой. "США разжигают революции или подавляют их... Иногда их влияние становится монопольным и США овладевают южными рынками. Их целью является создание своего рода треста в Латинской Америке – этой наивысшей мечты их мультимиллионеров-конкистадоров... То есть они как и испанские завоеватели стремятся изолировать южный континент и стать единственными поставщиками идей и промышленных товаров. Они заявляют о защите наших демократических республик и демократий от реакционной Европы. Но кто защитит ибероамериканцев от крайностей их влияния?.. Внимательно прислушиваясь к прекрасноречивым обещаниям Севера, государственные деятели Юга отказываются верить в дружбу янки. А кто же будет сторожить самих сторожей? (Quis custodiet ipsos custodes?)⁵⁷. Ф. Гарсия Кальдерон заключает: "Чтобы спастись от американского империализма южноамериканские демократические страны будут почти вынуждены заключить союз с немецким империализмом или просить помощи японского оружия там и везде, где боятся американцев Севера"⁵⁸. Опираясь на эти доводы, автор предлагал усиливать связи с Европой, в первую очередь с Францией и Англией.

Демонстрация сторонников Биллингхурста в мае 1912 г.

В различных городах провинций прошли демонстрации в поддержку кандидатуры Биллингхурста. В воскресенье, 19 мая, в Лиме состоялся предвыборный митинг сторонников Биллингхурста с 20 тыс. участников. Рабочие и ремесленники (булочники, ткачи, плотники, портные и т. д.) создали в Лиме около 60 политических

клубов в поддержку кандидатуры Биллингхурста в президенты. "Дешевый хлеб - вот что значит победа Биллингхурста!" - гласил лозунг народных демонстраций.

Митинг в поддержку Аспильяги в центре Лимы собрал менее 2 тысяч. В дни выборов 25 и 26 мая происходила первая в истории страны всеобщая политическая забастовка рабочих Лимы и Калья, протестовавших против махинаций на выборах. Конгресс, признав, что в выборах участвовало менее одной трети избирателей, и, действуя в соответствии с положениями конституции, избрал Биллингхурста 9 августа 1912 г. президентом Перу. Хотя большинство конгресса составляли сторонники Легии, они были вынуждены согласиться с таким неортодоксальным избранием нового президента. Характерно, что когда Легия передавал свои полномочия новому президенту 27 сентября 1912 г. на торжественном заседании конгресса народ с улиц встретил его возгласами "негодяй", "вор", "в тюрьму мошенника". Полицейские с трудом защитили его от прямого нападения уличной толпы. Легия не смог вернуться домой и вынужден был скрываться в подполье⁵⁹.

В правительственной программе Биллингхурста либерально-реформистского толка предусматривались меры по борьбе с дороговизной, с безработицей, по строительству дешевых жилищ, открытие вечерних школ для рабочих. Президент обещал обеспечить принятие законодательства о медицинской помощи больным и инвалидам труда и гарантировать более широкое представительство в конгрессе всем слоям населения⁶⁰. Биллингхурста особенно возмущали бесконтрольные крупные бюджетные расходы за четыре года правления Легии и он в послании конгрессу в сентябре 1913 г. заявил, что наведёт порядок в финансовых делах государства и больше не допустит мотовства государственных средств. Сторонники президента были убеждены, что значительная часть государственных расходов осталась в руках Легии и его доверенных лиц. Но Биллингхурст не решился провести тщательную проверку бюджетных расходов Легии, опасаясь нажить многочисленных врагов. "За 13 лет с 1894 по 1906 год,- говорил Биллингхурст, - расходы увеличились на 341%, то есть более 26% в год, причём нельзя найти удовлетворительного объяснения этого роста, тем более, что число жителей за эти годы не утроилось"⁶¹. Но обращение к народу с разоблачениями коррупции вызвало неутолимую злобу сторонников Легии. Видный позитивист, профессор университета Сан Маркос, член влиятельной семьи Прадо - Хорхе Прадо и Угартече резко осуждал тот факт, что в ходе предвыборной

борьбы Биллингхурст опирался на движение народных масс, "демагогически пытаясь разжечь ненависть к хозяевам". Выставляя и себя сторонником улучшения условий труда и быта рабочих, Прандо лицемерно возражал против тех действий народа, "когда глубоко подрывается общественный порядок, чем подвергается опасности экономическое и политическое будущее страны... Сейчас повсюду происходят нападения на общественных деятелей и установления, зловещий плебисцит масс против установленной формы власти и прав граждан с целью установления деспотизма и уничтожения последних остатков свободы. Так называемые "шестивия граждан" — это не свобода, ибо они ведут к нападениям на собственность и на граждан. Разве это свобода, когда уничтожаются законы, прокламируются новые формы правительства, нарушаются права личности? Нельзя допускать ежедневные волнения и беспорядки, используя демагогию. Борьба классов создаёт ужасный социальный конфликт"⁶².

В отличие от предшествующих правительств, неизменно направлявших полицию и войска для подавления бастующих рабочих, Биллингхурст, придя к власти, не допускал актов насилия против рабочих и впервые в истории страны принимал личное участие в урегулировании ряда серьезных трудовых конфликтов. В сентябре 1912 г. забастовали рабочие текстильной фабрики в Лиме "Санта-Каталина", потребовавшие повышения зарплаты. 8 октября в знак солидарности с ними рабочие Лимы и Кальяо провели всеобщую забастовку. Биллингхурст посетил фабрику и убедил хозяев несколько повысить зарплату, после чего забастовка прекратилась. Реформистский курс правительства Биллингхурста с особой силой проявился в период крупнейшей классовой битвы перуанского пролетариата в январе 1913 г.

Докеры порта Кальяо предъявили хозяевам требования установления восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты на 20%, смещения ненавистных надсмотрщиков и принятия предпринимателями обязательства не применять репрессий против участников забастовок⁶³. Когда требования рабочих были отвергнуты, 6 января 1913 г. началась забастовка. 9 января она стала всеобщей. Опасаясь распространения забастовки на Лиму, 24 января 1913 г. президент опубликовал декрет об установлении 8-часового рабочего дня для портовиков, а администрация порта уступила ряду их требований. Так рабочие-портовики Кальяо впервые в истории страны завоевали 8-часовой рабочий день. Однако представители предпринимателей Лимы и крупных сахарных и горных компаний

заявили протест президенту в связи с возможностью распространения 8-часового рабочего дня на остальные отряды рабочего класса⁶⁴. Этот протест возымел свое действие. Когда забастовали механики и литейщики Лимы и рабочие английской мукомольни "Милн" с требованием увеличения зарплаты и установления 8-часового рабочего дня, президент проигнорировал призывы рабочих оказать давление на предпринимателей. Стачки закончились поражением рабочих. Мало того, пытаясь поставить рабочее движение под контроль правительства, Биллингхурст опубликовал 24 января 1913 г. декрет, регламентирующий стачки. Согласно декрету рабочие имели право объединяться в профсоюзы и объявлять забастовку в том случае, если хозяева не пойдут на арбитраж и если решение о забастовке будет принято тремя четвертями голосов при тайном голосовании рабочих. Такое голосование должно было повторяться каждые четыре дня забастовки. Запрещались пикетирование и манифестации солидарности с забастовщиками. Списки участников и руководителей должны были представляться в специально образованный полицейский отдел статистики труда и промышленности. Полиция должна была информироваться обо всех изменениях в процессе трудового конфликта⁶⁵. Арбитражная система и полицейская опека имели целью поставить рабочее движение под контроль властей. Анархосиндикалисты осудили декрет, так как действительной его целью, с их точки зрения, было стремление помешать применению рабочими прямых действий и затруднить проведение забастовок путём установления различного рода ограничительных процедур⁶⁶. Однако признание профсоюзов и их права на заключение коллективного договора, права рабочих на забастовку явилось крупнейшим завоеванием перуанских трудящихся, важным этапом в становлении и развитии пролетариата как класса. Биллингхурст сдержал свои обещания рабочему люду Лимы. Своим декретом он ввёл закон о несчастных случаях на работе, установил минимум зарплаты, продолжил строительство для рабочих и санитарно-гигиенические мероприятия в городском квартале Лимы Тахамар, где проживало в трущобах около четырёх тысяч бедняков, используя бюджетные средства. Своим декретом он также утвердил свой старый проект о строительстве домов для рабочих. В городе открылись нового типа "домашние школы" для беспризорных девочек и лектории для взрослых. "Задача женского образования в домашних школах состоит в том, чтобы обучить девочек, бесцельно возящихся в арыках и ручьях, вырвать их из нищенства и попрошайничества, дать им навыки домоводства,

приготовления здоровой еды, рукоделия, стирки и глажения, ознакомить их с элементарными принципами гигиены и домашней медицины, основам семейного бюджета с учётом цен на различные товары, заботе о больных и раненых" ⁶⁷.

Биллингхурст стремился снизить накал социальных конфликтов между индейцами и гамоналами на юге страны в департаменте Пуно. И эта проблема вызвала особую напряженность в отношениях президента с депутатами от гамоналов в конгрессе. Давление на президента с их стороны возрастало, особенно в конце 1913 . Но Биллингхурст не отступал, послав с проверкой состояния дел в этом департаменте своего комиссара майора Теодомиро Куэваса Гутьерреса. "Меня не запугала открытая враждебность и злобная пропаганда гамоналов Андских провинций, - писал в своём обращении к нации из Чили в 1915 г свергнутый президент,- для которых статья 17 нашей конституции о том, что не должно быть рабов в республике была всегда мёртвой буквой, как это подтверждается существованием рабов в Пуно, Куско, Анкаше и Уануко, против чего я боролся, как преступления против человечности, чем и вызвал ненависть этих феодальных сеньоров"⁶⁸. Общей причиной роста крестьянских волнений было усиление гнёта гамоналов, порабошавших индейцев во имя увеличения своих прибылей. Как известно, центром крестьянского движения в начале XX в. (а затем и восстания в 1915 г. Руми-Маки) стала провинция Асангаро, входившая в состав южного департамента в сьерре — Пуно. С конца XIX в. нарастало противостояние между индейцами и полуфеодальными латифундистами, когда гамоналы начали наступление на самостоятельные крестьянские общины, сгоня индейцев кечуа и аймара с их земель в целях расширения собственного производства, и прежде всего, развития товарного производства продуктов скотоводства шерсти овец и альпаки на экспорт. Крестьяне-индейцы сопротивлялись наступлению гамоналов всеми возможными способами, вели с ними длительные судебные тяжбы и, в конце-концов прибегали к восстаниям, когда все законные способы борьбы за землю были исчерпаны.

Крупные латифундисты неоднократно использовали фальсифицированные ими нотариальные акты о покупке общинных земель, применяли наёмные банды для сгона крестьян. Ожесточённое наступление гамоналов на земли индейцев в провинции Асангаро было вызвано и плодородием пастбищ в этой местности. что давало возможность быстро увеличить объём производимой шерсти и обогатиться в кратчайшее время.

Три четверти из 50-тысячного населения Асангаро были индейцы. Они упорно сопротивлялись грабежу их земель и переходу на положение батраков, на асьенде того самого латифундиста, который лишил их земли. Ведь индеец не только сам становился батраком на асьенде, но одновременно с ним бесплатно работали члены его семьи. Он также был обязан вывозить в город продукцию хозяина на своих собственных повозках в ущерб ведению хозяйства на своём крохотном участке земли, дающей нищенское пропитание его семьи.

Первые признаки взрыва открытого недовольства в Асангаро проявились в 1913 г. в округе Самана. Здесь никогда не было крупных асьенд. Однако с 1890 по 1910 г. некогда мелкий торговец кокой Мариано Абарка Дуэньяс начал "скупать", а на деле насильственно сгонять индейцев этого дистрикта, приобретя таким образом 60 земельные участки и создав из них крупную латифундию "Сан-Хуан". В мае 1913 г. две тысячи крестьян, общины которых вошли в асьенду, напали на это поместье, цвели скот, подожгли хозяйственный двор и жилые здания асендадо. Затем индейцы попытались овладеть городом Самана – центром дистрикта. Но были отбиты городской гвардией. В конце августа 1913 г. крестьяне вновь заняли свои земли, но префект Асангаро направил войска, которые 15 сентября нанесли поражение практически безоружным крестьянам, убив около 100 индейцев и установив "спокойствие в Асангаро"⁶⁹.

Крестьяне прибыли в Лиму с жалобой на произвол асендадо. Президент Биллингхурст послал в провинцию уже упомянутого Теодмиро Куэваса в своё время в качестве префекта Чукито в 1897 г. проявившего явные симпатии к индейцам. Гутьеррес в Самане принял сторону индейцев, подтвердив виновность гамоналов. Он установил контакты с вождями индейских общин и с руководителями инжихенистского движения в Пуно, в частности с Франсиско Чукиванка Аюло. Протест местных гамоналов и их представителя в конгрессе Бернардино Ариаса Эченике привёл к отзыву Гутьерреса, а доклад его о событиях в Самане, хотя и был принят президентом, но не был прочитан. Для этого не было времени – президент был фактически осаждён реакционными силами и вскоре был свергнут. Переворот горячо поддержали и гамоналы юга, напуганные реформистскими попытками президента хотя бы выяснить положение коренного населения страны индейцев сьерры. Гутьеррес скрылся в Асангаро и начал готовить восстание индейцев за землю, одновременно выдвинув идею о создании независимого ин-

дейского государства Тауантисуйо. Он принял индейское имя Ру-ми Маки (каменная рука) и полностью посвятил себя освобождению индейцев.

Биллингхурст положительно отнёсся и к созданию в Лиме 13 октября 1909 г. профессором университета Сан Маркос Педро Суленм первой организации интеллигентов, защищавших интересы индейцев Ассоциация защиты индейцев (Asociación Pro-Indígena), которая просуществовала 7 лет. В её уставе значились следующие задачи: а) создать наблюдательные комитеты во всех городах республики под руководством Центрального комитета в Лиме; б) распространять в общественном мнении страны, в печати и в правительстве справедливые требования и жалобы индейцев, с тем, чтобы им не отказывали в решении всех их проблем по законам, действующим в государстве; в) Выделять адвокатов, которые бесплатно будут защищать в судах индейцев; г) Посылать своих комиссаров в любой пункт страны, где возник тот или иной конфликт, совершенно злоупотребление в отношении индейцев, передавая результаты расследования Центральному комитету; д) В политических дискуссиях и в ходе изучения перспектив социального улучшения индейской расы, ставить перед властями конкретные задачи, необходимые для защиты индейцев и, особенно, для их физического, нравственного и интеллектуального развития, снижения смертности⁷⁰. Создание ассоциации отражало рост социально-экономической борьбы индейцев, а точнее усиление борьбы перуанского крестьянства за землю и появление индейского вопроса как вопроса политического. В основном Ассоциация внесла свой вклад в юридическую защиту индейцев от злоупотреблений гамо-налов, требуя от государства обратить своё внимание на положение большинства населения – индейского крестьянства. Вот как оценивал Хосе Карлос Мариатеги роль Ассоциации в идейной борьбе против полуфеодальных порядков в сьерре: " Она представила главные и убедительные свидетельства для процесса над гамонализмом, доказательно и точно осветив его тягчайшую вину, остававшуюся до сих пор безнаказанной. Она способствовала расширению на косте настроений в пользу индейцев, что стало полностью воспринято следующими поколениями. Она осветила надеждой тёмный мрак безысходности в Андах, пробуждая заснувшее сознание индейца"⁷¹.

Большой резонанс получило осуждение правительством Биллингхурста безнаказанного расхищения археологической экспедицией Йельского и Гарвардского университетов США во главе с

профессором Хирамом Бингхэмом при открытии древнего инкской инкского города недалеко от Куско Мачу Пикчу. Несмотря на протесты Исторического института Перу Легиа выдал монопольное право раскопок в Мачу Пикчу Бингхэму, который вывез огромное количество археологических реликвий из Перу в Йельский университет. Правда, сам Бингхэм утверждал, что он ничего не вывез, хотя свидетели опровергли заявления американца. Выставка в Йельском университете в 2007 г., где были представлено множество археологических раритетов экспедиции Бингхэма в Мачу Пикчу, подтверждает правоту перуанцев, возмущённых грабежом национальных сокровищ Перу под прикрытием монополии на раскопки в течение 10 лет, выданной ему правительством Легии. Так что Биллингхрист имел полное право отменить эту незаконную монополию на раскопки⁷².

Экономическое положение страны в 1913 г. продолжало оставаться тяжелым. Падение цен на мировом рынке на сахар и каучук значительно подорвало финансовые возможности правительства. Биллингхурст объявил о снижении расходов на армию (правда, небольшом - на 53,9 тыс. фунтов) с 24,7% бюджета до 21,6%, обещая направить сэкономленные средства на развитие здравоохранения⁷³. Конгресс, в составе которого господствовали представители аграрно-экспортной буржуазии и торгового капитала, связанные с империализмом, отказался утвердить бюджет на 1914 г., и Биллингхурст ввел его в действие президентским декретом, вследствие чего политическая обстановка в стране резко обострилась. Усилилась и деятельность клубов, поддерживавших Биллингхурста в его предотвратить участие в управлении страной ставленникам А. Легии вице-президенту Роберто Легии и второму вице-президенту Мигелю Эченике, которых избрал конгресс, но которые ещё не смогли принести присягу из-за противодействия Биллингхурста. Намерения президента и поддерживавших его групп населения Лимы достаточно ясно видны из листовки с подзаголовком "Ураган" Комитета общественного здоровья, распространяемой в ходе четвёртой демонстрации рабочих Лимы в августе 1913. В ней говорилось: "Мы находимся на первом этапе нашей борьбы. Мы победили на этом этапе. Все враги правительства благоразумно сдались перед суверенной волей народа. Народ никто больше не может игнорировать и никто больше не может подавлять. Но второй этап столь же, если не более труден, чем первый. Он требует сосредоточения, быстрых и энергичных действий всего народа. Ведь никто не может нам дать гарантий искренности капитуляции

парламентских банд легионистов и либералов. Разве можно доверять обещаниям Дюрана, который одной рукой поглаживает седые волосы префекта Уануко Викальса, а другой вонзает ему коварно нож в сердце... А кто нам даст гарантию в том, что искренен Легия, которой вполне обдуманно осуществил свой преступный и коварный план, побудив конгрессменов избрать своего брата Роберто первым вице-президентом, а Эченике – вторым?

Никто, абсолютно никто не даст этих гарантий, благородные граждане нашей Республики! Только сам народ может дать такие гарантии!

Роберто Легия и Мигель Эченике не только не должны были приносить клятву при вступлении на должности, на которые их избрали, но должны быть безжалостно изгнаны из страны, а их имущество конфисковано, в том случае, если они безоговорочно не откажутся от их нынешних постов вице-президентов Республики. И те депутаты, которые пытаются осуждать их отставку, которые, позабыв об акте собственной капитуляции, намеревались выступить против высоко патриотической и глубоко национальной политики правительства, должны заплатить своей жизнью за это своё позорное поведение. Лучше пожертвовать несколькими жалкими гамоналами, чем в который раз приносить на заклание нашу дорогую отчизну. Суверенный народ постановляет и требует, чтобы все члены всех партий, чтобы все власти поддерживали политику правительства, правительства действующего эффективно и пользующегося полным доверием народа. Народ требует, чтобы пресса, которая клеветает на правительство, воздвигает препятствия на его пути, была подвергнута неукоснительным и жёстким санкциям. Он требует, чтобы чётко и определённо была на деле установлена независимость органов исполнительной власти и чтобы ни один депутат или сенатор, будь то сторонник или противник правительства, не мог впредь вмешиваться в какие-либо полномочия этих различных органов власти, так как такое вмешательство влечёт за собой дискредитацию власти на всех уровнях.

Сам народ призывает действовать против коррупции, и он делает это, независимо от того призвал к борьбе с коррупцией конгресс или нет. Ведь только народ Перу, как и любой современный культурный и свободный народ в мире, всё может сделать в своей стране. Отныне пусть все знают, что единственным человеком, который должен и может назначать, перемещать и смещать согласно закону всех представителей власти на всех уровнях - это президент. Да здравствует Биллингхурст и суверенный народ!"⁷⁴. Посто-

янные манифестации сторонников Биллингхурста с одной стороны усиливали стремление оппозиции покончить с "наглостью масс"⁷⁵, как выразился брат Антеро Аспильяги сахарный барон Рамон Аспильяга, а с другой стороны, демонстрировали неуверенность президента в выборе более действенных методов борьбы с объединившимся союзом олигархических сил в столице и в департаментах.

С ноября 1913 г. оппозиция приступила к подготовке заговора по свержению Биллингхурста. Во главе заговора встал лидер либеральной партии Аугусто Дюран, связанный с американским бизнесменом Макконом, которому правительство Перу не разрешило концессию на строительство железной дороги в Уануко. На страстное желание Дюрана строить эту железную дорогу по контракту с Макконом влиял тот факт, на который указал депутат конгресса из Арекипы М. Уркиета – Дюран и Маккон указали, что стоимость строительства дороги по их расчётам обойдётся в 30 млн. солей, а другие американские предприниматели обещали затратить на это строительство 7 млн. долл., то есть 14 млн. солей⁷⁶. Неплохой доход хотелось получить Дюрану за счёт госбюджета! Как писал Альфред Брайан в своём меморандуме госсекретарю 5 февраля 1914 г., один из лидеров оппозиции президенту сенатор из Уануко Аугусто Дюран, богатый человек, практически контролировавший торговлю кокой - проамерикански настроенный политик. И когда президент заявил, что никогда не подпишет документ о передачи концессии на строительство в Укаяли железной дороги американцам, Дюран, игравший огромную роль в перуанской политике, больше не колебался. Важную роль в подготовке заговора против Биллингхурста сыграл "отказ президента продолжать политику Легии по выдаче концессий на строительство ирригационной системы и железной дороги в Укаяли. Многие передовые перуанцы считали, что Перу может вполне позволить себе отдать в залог свои богатства ради будущего развития, связанного с предстоящим открытием Панамского канала. Поэтому крупные ирригационные проекты и строительство железной дорги Укаяли во многом способствовали бы привлечению иностранного капитала и иммиграции. Биллингхурст же был приверженцем политики экономии и ввиду отчаянного финансового положения страны имел все основания для сокращения правительственных расходов всякого рода... Биллингхурст благожелательно относился к английским и европейским капиталистам и выражал недоверие ко всему американскому. Нынешняя революция... поддержана всеми состоятельны-

ми кругами в Перу, массы же не имеют с ней ничего общего. В стране с населением свыше 4 млн. человек всего лишь 50 тысяч белых людей, то есть людей, которые умеют читать и писать. И, конечно, эти люди очень боятся масс. Эти массы в своём большинстве индейцы или чолос (смесь негров, индейцев, китайцев и т. д.). Они весьма опасны, когда поднимают восстания... Низшие классы в Перу настроены опасно, и давать им хоть какую-нибудь возможность действовать – значит подвергать угрозе саму цивилизацию в республике" ⁷⁷. Подметил Брайан и тот факт, что намеченные Дюраном кандидаты на правительственные посты настроены проамерикански – министр иностранных дел Х. Матиас Мансанилья, министр юстиции Рафаэль Грау и другие. Заговор поддержали сторонники бывшего президента Легии. Активное участие в нем приняла семья Прадо, владевшая многочисленными предприятиями и сахарными плантациями.

Усиление заговорщической деятельности подталкивалось и стремлением ведущих группировок правящих кругов страны подавить народные выступления. Один из лидеров сивилистов Х. Ареназ отмечал, что в апреле-декабре 1913 г. «организованные массы народа проявляли открытую враждебность не только к противникам правительства, но и вообще ко всем приличным и богатым людям". Биллингхурст же, по его мнению, совершил ошибку, надеясь, что "его престиж возрастет, если он будет принимать во внимание только требования народных масс, всегда склонных к нездоровым страстям и готовых к агрессии против высших классов" ⁷⁸. Усиление активности народа ставилось ими в вину Биллингхурсту. Генконсул США в Перу Ч. Эберхард сообщал в госдепартамент 18 января 1914, "его (Биллингхурста – И. Я.) обвиняют в заигрывании с неграмотными и рабочими в целях личной популярности, жертвуя ради этого интересами значительной части высших классов из обеих политических партий. Действительно, когда я находился в Лиме, рабочие классы (докеры, водители трамваев, машинисты-железнодорожники и т. д.) во многом действовали, как им вздумается, и злоупотребляли своими привилегиями. Портовые рабочие потребовали и получили, по крайней мере, временно, 4-5 долл. в день за свой неэффективный труд в течение 6-8 часов" ⁷⁹.

Отметим, что уже в конце 1913 г. позитивное отношение президента к выступлениям рабочих изменилось. Например, лимская газета левого толка *La Integridad* констатировала: "Дон Гильермо полностью лишился расположения простого народа, ожидавшего

от него облегчения жизни для всех, а не для нескольких избранных"⁸⁰. Когда рабочие Калья по призыву «Федерации моряков и портовых рабочих» города решили в ноябре 1913 г. провести новую всеобщую забастовку в связи с ростом цен, префект Калья по приказу президента объявил забастовку незаконной в связи с введением осадного положения. 27 ноября демонстрация была разогнана полицией, а руководители рабочих Фернандо Вера и Хосе Роблес были высланы из страны. Было применены положения декрета президента об одобрении забастовок тремя четвертями забастовщиков при секретном голосовании каждые четыре дня. Запрещались манифестации рабочих, устройство ими полевых лагерей с организацией общественных столовых. Не имея централизованного руководства, запуганные властями, участники забастовок постепенно возвращались на работу, не добившись исполнения своих требований.

Позиция президента стоила ему поддержки рабочих, чем и воспользовались заговорщики. Они обвинили президента в намерениях разогнать конгресс и в уступках Чили в территориальном конфликте⁸¹. 4 февраля 1914 г. на рассвете гарнизон Лимы во главе с начальником генерального штаба полковником Оскаром Бенавидесом захватил президентский дворец. Президент был арестован и выслан в Чили, где и умер в июне 1915 г. Один из главных заговорщиков Хавьер Прадо и Угартече на банкете 20 февраля, устроенном в честь военных в связи с успехом заговора, публично признал, что выступление армии и парламентариев было направлено "против наглой, разрушительной и непочтительной дерзости низших классов по отношению к правящим классам, которых они чуть было не уничтожили"⁸². На этом благодарственном банкете, пишет Х. Урданивия Хинес, устроенном в честь Бенавидеса и удачного завершения переворота, присутствовало более 1000 человек – банкиры, крупные негоцианты и промышленники, представители высших слоёв общества, высшие чины армии и флота. С благодарственной речью к армии обратился президент палаты депутатов Бентин"⁸³.

Буржуазный реформист Биллингхурст своей политикой, имевшей целью поставить рабочее движение под контроль буржуазии, нарушил традиционные для олигархии методы правления, чем вызвал её недовольство и яростный гнев. Движение масс перерастало рамки реформизма, и олигархия пошла на антиконституционные действия, чтобы с помощью армии свергнуть президента.

После переворота 4 февраля 1914 г. временным президентом

стал (и оставался на этом посту в течение более полутора лет) военный организатор переворота бывший начальник генерального штаба полковник О. Бенавидес, оттеснив одного из организаторов переворота лидера Либеральной партии А. Дюрана, в своё время сторонника Пьеролы и Биллингхурста. Не допустил Бенавидес к власти и фракцию сивилистов, связанных с Ф. Легией. В качестве президента О. Бенавидес к конгрессу 28 июля 1914 г. повторил домыслы заговорщиков о произволе и применении силы в отношении граждан страны свергнутым президентом и нарушении им самых важных статей конституции: "Серьёзной угрозе подверглась одна из ветвей власти и поэтому армия решила, что не может не обращать внимания на всеобщее требование вернуть республику на путь конституционного порядка, который был ею утрачен". Бенавидес отрицал "гипотезу" о связи армии с той или иной политической группировкой. Армия, по его словам, исповедует "культ родины". Биллингхурст, повторял новый президент, якобы принял решение об уничтожении национального конгресса: "А в качестве подготовительного шага такого неслыханного преступления было намечено немедленное разоружение армии, а затем и уничтожение армии с передачей оружия толпам... Если бы это произошло, то варварство, сопутствующее таким действиям, несомненно, привело бы к развалу нашего политического, социального и национального порядка"⁸⁴. Но в своей брошюре, опубликованной в 1915 г., Биллингхурст категорически опровергал обвинения в намерении распустить конгресс, и хотел лишь добиться проведения ряда реформ в рамках существующих конституционных процедур. Он хотел путём проведения референдума внести в конституцию страны ряда изменений, подсказанный необходимостью отрегулировать чисто юридические недостатки государственной машины и ослабить возникшую напряжённость, хотя в отношениях между конгрессом и правительством. Эти реформы предусматривали ликвидацию избранных заместителей депутатов и сенаторов, сокращение числа конгрессменов, отмену постов вице-президентов, автоматическое продление бюджета на следующий год декретом президента в случае если конгресс не утверждает его в положенный срок своей очередной сессии, одновременное избрание президента и членов конгресса, некоторое ограничение прав конгресса при исполнении президентом бюджета, создание фонда помощи детям-сиротам инвалидам и старикам⁸⁵. Реформы эти не представляли собой ничего революционного и в большинстве своём были зафиксированы в конституции 1920. Того же рода обвинения президента в уступках

Чили. Достаточно сказать, что в 1929 г. окончательное решение спорных между Перу и Чили территориальных вопросов, то есть передача Арики Чили и Такны Перу без проведения плебисцита полностью соответствовала предложениям, впервые выдвинутых Биллингхурстом. Ведь Перу не имела 10 млн. золотых песо, которые должен был заплатить победитель в плебисците, да Перу и не имела перспектив победить в нём, ввиду преследований перуанцев чилийскими властями на оккупированных территориях. Об этом трезво предупреждал Биллингхурст в период своего президентства⁸⁶. Развитие заговора против Биллингхурста подробно описал в письме от 16 февраля 1914 г. директору Отдела американских республик госдепартамента США Джону Баррету сочувствовавший к деятельности перуанского президента американский бизнесмен Брюс Дуглас, управляющий компанией "Дж. К. энд Ф. Дж. Хорниман", действующей в Латинской Америке.

С его точки зрения, "предубеждение англичан против Биллингхурста существовало в некоторых кругах связанных с добычей селитры, так как он принимал участие в судебной тяжбе о праве владения на участок месторождения селитры компании «Альянса Ко». Эта компания была вынуждена уплатить ему 36 тыс. ф. ст. по решению суда. Это — большая сумма, однако, по сравнению с огромной стоимостью этого месторождения, как потом выяснилось, сумма, выигранная Биллингхурстом в суде, оказалась небольшой. Тем не менее, вполне можно себе представить сильнейшее раздражение селитряных магнатов, вынужденными расстаться со своими деньгами. И это было причиной их чрезвычайного возмущения действиями Биллингхурста...Все англичане в Лиме, которые владеют фабриками, рудниками и шахтами, сахарными плантациями и т. д., естественно, неприязненно относятся к президенту, который осмелился улучшить условия жизни трудящихся классов. Они считали Биллингхурста весьма злонамеренной личностью, подобно тому, как тори считают Ллойда Джорджа таким же зловерным человеком за его демократические взгляды.

Экс-президент Легия. Об этом человеке, чем меньше о нём говорить, тем для него лучше. Он заявил в «Нью-Йорк Геральд», что Биллингхурст пытался его убить. Это совершенно не так: сам сеньор Легия лучше всех знает, почему он крайне непопулярен среди масс. В тот самый день, когда президент Биллингхурст взял в свои руки бразды правления, он спас жизнь Легии, когда злобная толпа хотела его линчевать, и его высылка из страны была осуществлена ради его же личной безопасности.

Биллингхурст как мэр Лимы. В качестве алькальда Лимы Биллингхурст. проявил себя крайне эффективным руководителем. Он провёл реформы, которые его предшественники безуспешно пытались осуществить в течение нескольких лет. Его избрание на пост алькальда, несомненно, было задумано для того, чтобы отвлечь его как опасного соперника от борьбы за пост президента. Но вышло наоборот – пост алькальда пошёл на пользу Биллингхурста. Как бурно радовались, как праздновали массы, когда Биллингхурст стал главой государства. Могут спросить, как же так быстро идол масс был повержен? Ведь он уверенно сидел в кресле президента, армия была на его стороне, и до этого массы поддерживали своего президента. Но вскоре стали действовать влиятельные, зловещие силы. Президент Биллингхурст в своём послании конгрессу откровенно говорил о гигантских масштабах воровства в эпоху гуано, когда 40 или 50 млн. ф. ст. просто испарились. Он сократил многие должности, на которых находились политические паразиты, жиревшие за счёт государства. Он выступал за реформы и здоровую экономию. Нужно было очистить авгиевы конюшни и он использовал для их очистки геркулесовы приёмы. И можно себе представить возмущение тех, кого коснулись эти реформы и сокращения! А злоба всех этих собственников фабрик, рудников и асьенд, которым стали поперёк горла законы и указы президента, выгодные для пролетариата. И вот стал зреть заговор, был найден подход и к младшим офицерам. Эти изменники стали нашептывать войскам, где все как один были на стороне президента, что последний ведёт секретные переговоры об уступке Такны и Арики Чили. Такая гнусная ложь оказала своё воздействие, и это стало началом конца. Солдаты, поверившие этой лжи, начали проявлять недовольство. И когда наступил роковой день 4 февраля и старый заслуженный генерал Варела направился в казармы Санта-Каталина с целью восстановить контроль над армией, он был убит там как собака. Заговорщики, зная, что необходимо любой ценой предупредить сбор народа для спасения президента, приказали стрелять в толпу на улицах. Люди, объятые паникой, разбежались. Всё это не будет забыто. Биллингхурст и его верный генерал будут отмщены, но только в том случае, если армия поймёт, как её обманули, и жёстко поступит с Дюраном, Бенавидесом и двумя Легия⁸⁷.

Сам Биллингхурст с сожалением признавал свою ошибку в казуне переворота, сообщения о подготовке которого ему поступали из разных источников, категорически не согласившись на предложение своих сторонников вооружить народ для противодействия

попытке его смещения⁸⁸. Чьи интересы выражал Бенавидес показал конвент исторических партий, противников реформаторских попыток Биллингхурста. 19 августа 1915 г. приступил к исполнению обязанностей президента крупный сахарозаводчик, лидер сивилистов Хосе Пардо-и-Барреда (1864-1947 гг.), избранный на специальной конференции в марте участвовавших в заговоре партий - сивилистов, либералов и конституционалистов. Как заметил посланник США в Лиме в своём сообщении в госдепартамент 30 марта 1915, "гармонию определил, в общем, только один фактор — деловые классы устали от схваток и столкновений, беспорядков и неопределённости, что нависали над ними в последнее время. Пардо доверяют деловые круги, его честность не подвергается сомнению и у бизнесменов и у народа"⁸⁹.

Период его президентства совпал с первой мировой войной, которая вызвала на первых этапах резкое ухудшение экономического положения страны. Но с ходом войны у участников войны возросла потребность в сырьевой продукции Перу, цены на нее поднялись. Это способствовало росту положительного баланса торговли страны, резкому подъёму доходов олигархии. Первое место в торговле Перу, оттеснив Англию, с начала войны заняли США. И в инвестициях в перуанскую экономику также на первое место вышел американский капитал. В 1915 г. был основан американский банк "Банко Меркантиль Американо дель Перу" с капиталом в 5 млн. долл. Прибывшая в страну американская торговая комиссия активно продвигала американский бизнес⁹⁰. Грабительский характер деятельности американских компаний особенно ярко проявился в наглом уклонении от уплаты налогов компании "Лондон энд Пасифик Петролеум Ко", контрольный пакет акций которой принадлежал "Стандард ойл". В 1915 г. выяснилось, что компания эксплуатировала 41614 пертененсий (площадь пертененсии составляет 4 га), а платила налоги лишь за 10 пертененсий, или всего 30 перуанских фунтов в год. Правительство потребовало полной выплаты налога в 124 тыс. перуанских фунтов, но компания прибегла к помощи английского и американского посланников, и правительство Перу отступило под давлением двух империалистических государств⁹¹.

В связи с потребностями мировой войны произошло расширение площадей посевов под сахарным тростником, хлопком, переключение капиталовложений на экспортные отрасли, что тяжело отразилось на жизненном уровне широких масс населения. Сокращалось производство картофеля, риса, кукурузы, мяса, овощей

и фруктов. Росли цены на них. Между тем зарплата была заморожена на период войны. Ухудшалось и положение крестьянства в результате бурного наступления асендадос на земли индейских общин.

После потопления немецкими подводными лодками перуанского корабля "Лортон" правительство Пардо заняло проантантовские позиции, порвав дипотношения с Германией 5 октября 1917 г. Были конфискованы немецкие суда, оказавшиеся в портах Перу, но война Германии не была объявлена. Разрыв отношений с Германией был обусловлен как экономической зависимостью от США и Англии, так и надеждой правящих кругов Перу на поддержку её требований о возврате Такны и Арики, перуанских департаментов захваченных Чили, сохранявшей нейтральную позицию в мировом конфликте.

Во внутренней политике правительства Бенавидеса и Пардо склонялись к применению репрессивных методов против народа. Так, подавляя забастовку рабочих фабрики в Витарте, проходившую в декабре 1914-январе 1915 г., жандармы убили рабочего Рикардо Вилелу и ранили нескольких других. В 1915-1917 гг. трижды всеобщую забастовку проводили нефтяники Талары. В 1915 г. забастовка была подавлена войсками. В ноябре 1917 г. в Талару против бастовавших нефтяников были посланы войска, которые расстреляли рабочую демонстрацию, убив 11 и ранив 15 человек⁹².

Столь же жестоко подавлялись и крестьянские выступления. В районе Асангаро (департамент Пуно), на юге страны, где особенно активно шел захват общинных земель в декабре 1915 г. вспыхнуло крупное индейское восстание. Насильственный захват обширных земель местным асендадо, к тому же депутатом конгресса Б. Эченике, превращение крестьян в батраков на собственных землях вызвали их гневный протест. Восставших общинников возглавил майор Теодомиро Гутьеррес Куэвас, принявший имя Руми-Маки (Каменная рука). Он хотел создать крестьянскую армию, подобную армии Салаты в Мексике. Целью его движения было уничтожение гамонализма, возврат всей земли крестьянам и провозглашение независимой республики кечуа и аймара - Тауантинсуйо. Около 2 тыс. индейцев влились в эту армию. Но при нападении на асьенду Эченике "Сан-Хосе" передовой отряд Руми-Маки был разбит, 200 индейцев-крестьян убито, а сам он взят в плен. Позднее он бежал из тюрьмы в Боливию. Сведения о нём после этого обрываются⁹³.

Усиливался накал народной борьбы в связи с ростом дорого-

визны в городах и разорением крестьянства сьерры, расшатывая основы господства сивилистской партии. Складывалось новое соотношение сил внутри господствующих классов. Важную роль предстояло сыграть мелкобуржуазным слоям. Неизмеримо выросла активность рабочего класса, значительно окрепшего в годы войны.

В 1884-1914 гг. историческое развитие Перу характеризовалось усилением капиталистического уклада в стране. Он стал ведущим на косте, в частности, в сахарном секторе экономики, модернизированном на самом высоком технологическом уровне. На крупных асьендах применялись паровые плуги типа "Фаулер", гужевой транспорт был заменён перевозками по железной дороге, улучшена система ирригации, использовалось гуано в качестве удобрения, практиковался наём иностранных агрономов, создавались лаборатории и опытные поля. Экспорт сахара стал основным стимулом экономического роста страны. Производство хлопка, базируясь на старых технических методах посева и уборки, росло в связи с внедрением новых сортов этой культуры. Инвестиции шли всё более и более на производство хлопкового масла, жмыха. Усилилось и потребление хлопка на местных, построенных в Перу текстильных фабриках, оборудованных современными ткацкими станками. В то же время этот период отмечен широким проникновением иностранных монополий в экономику Перу, складыванием форм экономической зависимости от империалистических государств. Известное развитие капитализма в сельском хозяйстве, рост сельского пролетариата, тем не менее, не смогли существенно подорвать господства полуфеодальных производственных отношений в сьерре. Это, в свою очередь, тормозило развитие форм буржуазной демократии; политический режим, установленный господствующими классами Перу, продолжал активно использовать методы прямого насилия против подавляющего большинства народа. Власть сивилистов дала трещину в 1908 г., достигла кризисного состояния в 1912-1914 гг., что привело к вмешательству армии в политику, и, несмотря на определенную стабилизацию в конце первой мировой войны, структура управления страной оказалась на грани распада.

Характерной особенностью включения Перу в мировое капиталистическое разделение труда и экономики было диверсифицированное сырьевое развитие и экспорт сырья в страны развитого капитализма. Были выработаны своего рода правила игры перуанского государства и местных предпринимателей с иностранными инвесторами. Эти последние направили существенные инвестиции

в развитие технических культур сельскохозяйственного производства сахар, хлопок, каучук, шерсть. При этом иностранный капитал контролировал в значительной степени сбыт и финансирование продукции перуанских производителей. Хотя и в аграрном секторе существовал достаточно крупный иностранный капитал, как, например, Гильдемейстеры, "Бритиш шугар", Грейс и Дюваль. Иностранный капитал почти полностью установил контроль над горнодобывающей промышленностью – нефтью, медью, выплавкой свинца, добычей золота и серебра, висмута, вольфрама и ванадия. Перуанские горнопромышленники не смогли противостоять снижению цен на серебро и покидали горные выработки, не имея средств на обновление технологии – новые механизмы дробления и плавки металлов, их переработка и сбыт оказались в руках иностранцев. В горнорудных районах центральной сьерры подавляющая часть предприятий были модернизированы, применяя самые высокие технологии, хотя рабочий класс ещё не полностью порвал с общиной. Именно в этот период рабочий класс Перу выступил в качестве самостоятельного деятеля общественного развития. Забастовки сельскохозяйственных рабочих на капиталистических асеньдах косты, забастовки портовиков, текстильщиков, булочников Лимы, стачечная борьба нефтяников на северном побережье страны продемонстрировали появление молодого боевого пролетариата, как неотъемлемого элемента перуанского общества. Движение крестьян, направленное против захвата общинных земель асендадос, выступления перуанского пролетариата во многом имевшие антимпериалистический характер отныне стали повседневной реальностью в политической жизни Перу. И хотя перуанская буржуазия согласилась с ролью "младшего брата" в отношениях с развитыми капиталистическими странами, постоянная подспудная борьба за более благоприятные позиции и уступки со стороны более сильного партнёра не прекращалась. Межимпериалистические столкновения также играли свою роль, дестабилизируя обстановку в стране. Разные слои перуанских правящих кругов были связаны с разными иностранными инвесторами и отсюда постоянные раздоры и в среде перуанских верхов. Основные противоречия в Перу развёртывались между Англией и США. И хотя до 1-й мировой войны Англия всё ещё опережала США по объёму своих капиталовложений, но постепенно сдавала позиции, хотя, конечно, преобладание американцев в Перу установилось с ходом первой мировой войны. Быть может яснее всего об этом говорят данные о внешней торговле Перу соответственно с США и Англи-

ей. Если в 1897 г. импорт Перу из США составлял 9,1% всего импорта Перу, а Англии 37,9% , то в 1913 г. импорт Перу из США вырос до 29,8%, а из Англии упал соответственно до 26,3% от всего импорта Перу. Столь же показательно и процентное соотношение по экспорту: в 1897 в США шло 4,5% экспорта Перу, и в Англию – 50,4%, а в 1913 г. объём экспорта Перу в эти две страны почти сравнялся – США- 33,8%, Англия –37,2%⁹⁴. Таким образом, тенденция зависимости Перу от США, столь характерная для последующих десятилетий, стала очевидной ещё до первой мировой войны. Второе издание политической гегемонии сивилизма потому и начало клониться к закату, что она, эта гегемония, опиралась в первую очередь на непромышленную буржуазию со спекулятивными наклонностями, которая связывала расширение своих агро-экспортных интересов только лишь с ростом внешних инвестиций. Надлом господства сивилистов пришлось предотвращать силовыми методами с помощью армии. Но, в конечном счёте, политическая "победа" сивилистов в 1914 г. оказалась пирровой. Их звезда окончательно закатилась после первой мировой войны. Гегемония сивилизма определяла господство мыслей господствующего класса, приспособившегося к роли зависимого партнёра в мировом сообществе, где ведущую роль играли империалистические государства. В итоге слабые попытки независимой, опиравшейся на общенациональные интересы индустриализации, оказались частичными, неполноценными и не систематическими. Проблема самостоятельного современного индустриального развития была поставлена, но не решена, что обрекло страну и в последующие этапы её истории на незавидную роль сырьевого придатка развитых стран, а по сути дела на продолжение страданий, нищеты и бедности подавляющего большинства её народа.

---

¹ См. подробнее: Thorp R. *Economic Management and Economic Development in Peru and Colombia*. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh 1991. P. 23-30; Castro Arenas M. *Aprismo, marxismo, eurocomunismo*. Lima, 1970. P. 26

² San Roman J. V. *Perfiles históricos de la Amazonia Peruana*. Lima, 1975. P. 149.

³ Thorp R., Bertram G. *Peru. 1890-1971: Growth and Policy in an Open Economy*. Lnd., 1978. P. 68.

⁴ *Statistical Abstract of Peru*. Lima, 1925. P. 27-32.

⁵ Bürger O. *Peru*. Leipzig, 1923. S. 124.

⁶ *Historia del Perú*. Lima, 1980. T. XII. P. 82.

- ⁷ Casement R. Putumayo. Caucho y sangre. Relación al parlamento ingles (1911). Lima, 1988. P. 12-72, 10. Valcárcel C. A. El proceso del Putumayo y sus secretos inauditos. Lima, 1915. P. 38
- ⁸ Valcarcel C. Op. cit. P. 51, 63.
- ⁹ Collier R. Jaque al Barón. La historia del caucho en la Amazonía. Lima, 1981. P. 252-253.
- ¹⁰ Martin P.F. Peru of the Twentieth Century. L., 1911. P. 307.
- ¹¹ Garland A. Peru in 1906... P. 11; Daily Consular and Trade Reports (Wash.) 1906. Apr. 24. P. 2; Bürger O. Op. cit. S. 212.
- ¹² Werlich D. Peru: A Short History. L.; Amsterdam, 1978. P. 121.
- ¹³ Daily Consular Consular and Trade Reports (Wash.) 1906. Apr. 24. P. 2; Deutsches Zentralarchiv (DZA) Potsdam. Auswärtiges Amt. Abteilung III b, N. 4743, Bl. 44.
- ¹⁴ Extracto estadístico del Perú. 1931-1932-1933. Lima, 1935. P. 134.
- ¹⁵ Даже если судить по стоимости экспорта, то продукция сельского хозяйства и лесной промышленности (в основном каучук) составляла в 1918 г. около 11 млн. перуанских фунтов, а в меднорудной и нефтяной промышленности 7,2 млн. пер. фунтов (Extracto... 1931. P. 117).
- ¹⁶ Мариатеги X. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 135.
- ¹⁷ Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1905. P. 58-59; Extracto estadístico del Perú. 1931-1932-1933. Lima, 1935. P. 116-117, 134; Arrus O. F. El comercio exterior del Perú en el año 1914. Lima, 1915. P. XII.
- ¹⁸ Garland A. Reseña... P. 109.
- ¹⁹ Extracto... 1931. P. 145, 116-117.
- ²⁰ Garland A. Peru in 1906 and after with a Brief Historical and Geographical Sketch. Lima, 1908. P. 80; Burga M., Flores Galindo A. Apogeo y crisis de la República Aristocrática. Lima, 1979.. P. 15-16.
- ²¹ Ugarte C. A. Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977. P. 100.
- ²² Vasquez M. C. Hacienda, peonaje y servidumbre en los Andes peruanos. Lima, 1961. P. 18.
- ²³ Kapsoli W. E. Los movimientos campesinos en el Perú. 1879-1965. Lima, 1977. P. 214.
- ²⁴ Matos Mar, José. Yanaconaje y reforma agraria en el Perú. El caso del valle Chancay. Lima, 1970. P.36.
- ²⁵ Kapsoli W. E. Op. cit. P. 217.
- ²⁷ Gainness G. Peru: Its Story, People and Religion. L., 1909. P. 164-165, 168,200.
- ²⁸ Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts – Gesellschaft. Beilage – N 20, 7. VIII. 1900. S. 153.
- ²⁹ Matos Mar J. Yanaconaje y reforma agraria en el Perú: el caso del valle Chancay. Lima, 1976.. P. 39-51.
- ³⁰ Frisancho J. Del jesuitismo al indianismo. Cuzco. 1931. P. 32,38,54.

- ³¹ Castro Pozo, Hildebrando. Del ayllu al cooperativismo socialista. Lima, Perú, 1973. P. 164-165; Flores Galindo A. Arequipa y el sur andino. Lima, 1977. P. 124.
- ³² Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. 7. 08. 1900. S. 156.
- ³³ Ibid. S. 157; Sulmont D. El movimiento obrero en el Perú (1900-1956). Lima, 1975. P. 45.
- ³⁴ Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labor Movement. 1883-1919. Pittsburgh, 1982. P. 35; Sulmont S.D. Historia del movimiento obrero peruano (1890-1977). Lima, 1977. P. 72.
- ³⁵ Basadre J. Historia de la República del Perú. 1822-1933. Lima, 1970. Vol. XI. P. 303; Lévano C. Las ocho horas. Lima, 1984. P. 17-18.
- ³⁶ Yepes del Castillo E. Perú. 1820-1920: Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972. P. 221.
- ³⁷ Basadre J. Op. cit. Vol. XI. P. 260-262.
- ³⁸ Mac-Lean y Estenos R. Sociología del Perú. Mexico, 1954. P. 112-113.
- ³⁹ Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX – начало XX в.) М., 1965. С. 291.
- ⁴⁰ Lévano C. Op. cit. P. 36.
- ⁴¹ González Prada M. Prosa menuda. Buenos Aires, 1941. P. 135.
- ⁴² Falcón J. Mariategui: arquitecto sindical. Lima, 1980. P. 219-221
- ⁴³ Basombrio C. I. El movimiento obrero. Historia gráfica № 1. 1909-1930: años de aprendizaje. Lima, 1985. P. 16-20; Pereda Torres R. O. Origen y formación del movimiento obrero peruano. Lima, 1982. P. 113-149; Torres M. Breve antología del pensamiento anarquista en el Perú. Lima, 1979. P. 65 ; Tejada L. R. La cuestión del pan. El anarcosindicalismo en el Perú. 1880-1914. Lima, 1988. p. 276. Марксизм пока не проник в массовое сознание рабочих, но часть интеллигенции левой направленности была уже знакома с основными положениями марксизма. Так, Мариано Корнехо, страстный защитник индейцев, один из основателей первой перуанской газеты в защиту индейцев и организации Pro Indígena, сторонник Биллингхурста в январе 1900 г. в лимском журнале "Атенео" подвергнул критике "социализм" французского писателя Ле Бона и отмечал, что ведущей тенденцией в развитии социализма является "диалектическое развитие иной идеи, самым представительным и самым последовательным выразителем которой является Карл Маркс. В немецком социализме имеется принципиальная группа, которая считает единственно достойным их идеалом социализма радикальное преобразование, борьбу классов, пропаганду, опирающуюся на факты, и уничтожение буржуазии". В середине сентября 1900 г. в палате депутатов выступил доктор Д. Сантьяго Хиральдо, депутат от департамента Пуно, а позднее в 1901 г. делегат рабочих организаций Пуно и Арекипы на Первом Рабочем Конгрессе в Лиме в 1901 г. Он говорил: "Сеньоры! Перед нами открывается новый мир, мир правды и справедливости. Уже видны контуры мира социализма, который будет крупнейшей проблемой XX века. Социалистическое движение – это такое событие, которое обязательно свершится, как бы не с ним не боролись... Вы только лишь про-

консультируйтесь, если хотите, с настоящим источником научного социализма Карла Маркса или Бенуа Малона, и вы поймёте, что я вам говорю не просто слова о социализме, а саму его суть". Теорию марксизма излагал в университете Сан Маркос, включив её описание в свою докторскую диссертацию, Луис Миро Кесада де ла Герра. Выступая на IV научном конгрессе Сантьяго в 1908 с докладом "Боевой социализм и его влияние в Америке", профессор так оценивал научную теорию социализма К. Маркса: "Автор "Капитала" убедительно доказал, что капиталист присваивает часть труда рабочего и заинтересован в увеличении этой части, потому что большая степень эксплуатации приносит ему больше прибыли. Маркс не принимает всерьёз ни доброты, ни филантропии промышленников, и опыт показывает, что он прав". Доктор, естественно, не призывал к социалистической революции, не участвовал в её идейной и организационной подготовке. Но, опираясь на эту теорию, он обосновывал право рабочих бороться за восьмичасовой рабочий день, оплачиваемый еженедельный выходной и выдачу рабочему пособия за несчастный случай на работе. – См. Falcón J. Op. cit. P. 207-210.

⁴⁴ Algunas observaciones de discurso-programa leído por el doctor José Pardo candidato civilista á la presidencia de la República el 12 de Julio en la Exposición de Lima. Lima, 1904. P. 5, 13, 20.

⁴⁵ Mensaje presentado al Congreso ordinario de 1907 por el Presidente de la República José Pardo 28 de Julio de 1907. Lima 1907. P. LIX; Mensaje... de 1908... José Pardo. P. XXXVIII.

⁴⁶ Pardo J. Peru. Four Years of Constitutional Government. N. Y., 1920. P. V.

⁴⁷ См. подробнее в Martin J. C. El gobierno de don Guillermo E. Billinghurst, 1912-1914. Lima, 1963. P. 7-11; Arenas G. Algo de una vida (para después de muerte). Lima, Sin año. P. 37-58; Paz-Soldán J. P. Revoluciones del Perú. El golpe del estado del 29 de mayo de 1909. Lima, 1914. P. 4-60. Резкую критику правительства Легии вёл один сторонников коалиции молодой историк Хосе де ла Рива-Агуэро, за что и был также арестован. Выступая с речью перед студентами университета Сан Маркос уже после прихода к власти Биллингхурста 24 сентября 1912 г., он так охарактеризовал обстановку в стране при президентстве А. Легии: "Вследствие беспорядочных и бесполезных репрессий возникла тягостная обстановка нестабильности и насилия. В этих условиях самая решительная часть оппозиции оказалась либо в тюрьме, либо вела бесконечную вооружённую борьбу в провинциях. Остальные независимые партии вели агитацию и тайно способствовали этому брожению. А власть, потеряв всякую сдержанность, совершала бесчисленные ошибки и вновь и вновь прибегала к насилию. Теперь этой власти уже ничто не казалось запретным. Проекты и планы, которые несколько лет назад признавались фантастическими, невероятными, публиковались в печати, безудержно восхвалялись и претворялись в жизнь при тщетных протестах немногих и презрительном смирении большинства. Были нарушены едва ли не все права и ущемлены prerogativas многих конституционных институтов – от безопасности личности до суверенитета конгресса.

И ещё больше ухудшило эту нетерпимо тяжёлую обстановку, вызванную промахами правительства в управлении и в финансовых вопросах, анархия и внутренние неурядицы, а также возникновение крайне серьёзных внешнеполитических угроз". — См. Riva-Agüero, José de la. *Obras completas*. Tomo XI. *Escritos políticos*. Lima, 1975. P. 21.

⁴⁸ Bürger O. *Op. cit.* S. 244; Yepes del Castillo E. *Op. cit.* P. 245.

⁴⁹ DZA Potsdam, N. 4744. Bl. 116.

⁵⁰ Mac-Lean y Estenos R. *Op. cit.* P. 114.

⁵¹ Basombrio C. *El movimiento obrero*. *Op. cit.* P. 20.

⁵² Sulmont S.D. *Op. cit.* P. 59; Osma F. *Informe que sobre huelgas del Norte presenta al gobierno su comisionado Don Felipe de Osma*. Lima, 1912. P. 13-20.

⁵³ Programa de gobierno presentado a la consideración del país por Antero Aspíllaga candidato proclamado a la presidencia de la república por la asamblea general extraordinaria del partido civil. Diciembre 10 de 1911. Lima, 1911. P. 10-15.

⁵⁴ Tejada L. R. La cuestión del pan. El anarcosindicalismo en el Perú. 1890-1919. P. 92. Вот как описывает это избрание Биллингхурста американский посланник Генри Клей Говард в сообщении госдепартаменту 3 августа 1913 г.: "Так называемые выборы сопровождались крупными беспорядками и насилием. Многочисленные группы вооружённых людей вмешивались в процесс голосования с целью помешать его проведению, так, чтобы затем можно было утверждать, что закон о выборах не был соблюден ввиду того, что в выборах не принял участие необходимый по закону процент избирателей. Эти беспорядки продолжались три дня в ходе избирательного процесса и они, как полагают, были вызваны тем, что Биллингхурст надеялся, что будет иметь больше шансов на избрание в президенты, если выборы последнего будут проведены конгрессом, а не перуанским народом. И действительно, конгресс сообщил, что в ходе народного голосования в урнах не оказалось достаточного количества бюллетеней, чтобы можно было признать выборы президента состоявшимися. Затем конгресс приступил к избранию президента и вице-президентов. Как полагают, избрание президента было результатом договорённости Биллингхурста со сторонниками Легии, так как в результате первым вице-президентом был избран брат последнего Роберто. Другой брат Карлос Легия был избран вице-президентом сената. Предполагалось, что Биллингхурст согласился поддержать ряд мер, которые не удалось осуществить Легии. Противники Биллингхурста публично заявили, что вместо этого он нарушил все обещания, данные им. Более того, он начал проявлять открытую враждебность к той части сивилистской партии, которую возглавлял Легия" — NA. USA. Record Group 59. General Records of the Department State relating to Internal Affairs of Peru, 1910-1929. Political Affairs. № 228. P.2.

⁵⁵ García Leon E. *Las razas en Lima*. Estudio demográfico. Lima, 1909. P. 34, 49, 51.

⁵⁶ Macera P. *Trabajos de historia*. Tomos I-IV. Tomo I. Lima, 1977. P. 61.

⁵⁷ García Calderón, Francisco. *Latin America: its Rise and Progress* (with a Preface by Raymond Poincaré of the French Academy, President of the Council of Ministers), London, 1913. P. 298-299.

⁵⁸ Ibid., P. 298.

⁵⁹ ZDA Potsdam. № 7124. Reichsland Presse. Der Tag. 12.02.1914 Bl. 184.

⁶⁰ La Prensa (Lima). 1912. 25 Sept.

⁶¹ Mensaje de S. E. El Presidentede la República Don Guillermo E. Billinghurst al Congreso. Setiembre 5 de 1913. Lima, 1913. P. 4. В этом послании Биллингхурст подверг фактически ревизии пагубную, с его точки зрения, деятельность перуанских правительств почти за 50 лет. Он спрашивал, куда пошли огромные доходы от экспорта гуано? Вывезя за границу 12 млн. т гуано с 1841 по 1879 год, государство получило доходов примерно на 80 млн. ф. ст. На общественные работы пошло всего 1,836 млн. ф. ст. Где же остальные деньги, то есть примерно 68 млн. ст., если на строительство железных дорог средства брались в долг у иностранных банков и общая стоимость железных дорог сейчас составила около 17 млн. ф. ст.? Откуда взялся в таком случае огромный долг страны, в результате погашения которого страна лишилась в пользу "Перувиан корпорейшн" своих источников доходов.. Особой критике в этом послании Биллингхурст подверг деятельность "Перувиан", которая, пользуясь, что у государства нет средств для строительства необходимых стране железных дорог, завышало стоимость перевозок на принадлежавших ей железных дорогах до запредельных высот, так что продукция внутренних районов страны недоступна для потребителей на косте. Столь же пагубна была передача перуанским государством права вывоза английской компании гуано – важнейшего естественного удобрения в Перу. С 1891 г. по апрель 1913 г. "Перувиан корпорейшн" вывезла из страны 1,134 млн. т гуано стоимостью 2,36 млн. ф. ст. А сельское хозяйство Перу получило за 1896-1912 гг. всего 373,8 тыс. т гуано. Прибыль английской компании от железных дорог и пароходной компании в 1890-1912 гг. составила 4,32 млн. ф. ст. Общая прибыль от переданных в 1890 г. компании национальных богатств составили за эти годы 8,32 млн. ф. ст. Контракт 1890 г. лишает сельское хозяйство 2 млн. т нужного ему гуано. " Мы теряем деньги, полученные от продажи нашего гуано, вывозя его за границу, чтобы удобрять и повышать урожайность почв иностранных государств, в то время как наше сельское хозяйство прозябает и не может производить достаточного количества продуктов питания для нашего собственного потребления" - Mensaje... de Billinghurst... Setiembre 1913. Op. cit. P. 34, 27-29, 34.

⁶² Prado y Ugarteche J. *Articulos políticos*. Lima, 1916- P. 60, 68, 428-430.

⁶³ Parra P.V. *Bautismo de fuego del proletariado peruano*. Lima, 1969. P. 45-46.

⁶⁴ ZDA Potsdam. AA II. *Südamerika*, 1891-1930, N. 34698, Bl. 38.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Tejada L. R. *La cuestión del pan*. Op. cit. P. 307.

⁶⁷ Billinghurst, Guillermo. *El Presidente Billinghurst a la Nación*. Santiago – Chile, 1915. P. 55-56.

⁶⁸ Ibid., Op. cit. P. 95-96.

⁶⁹ Zambrano A. R. Rumi Maqui. Puno (Perú), 1985. P. 18-19; Urquiaga J. Indios. Lima, 1977 (1 edición – Puno, 1916). P. 1-8. Книга Хосе Уркиаги, асандадо из Пуно – наиболее полное изложение событий в Асангаро в начале XX в.

⁷⁰ Mayer de Zulen, Dora. Estudios sociológicos de actualidad

⁷¹ Mariategui J. C. Peruanicemos al Perú. Lima, 1970. P. 104. Подробнее деятельность Ассоциации освещена в книге Kapsoli W. E. El pensamiento de la Asociación Pro-Indígena. Cuzco – Perú, 1980.

⁷² NA USA. Records of the Department of State relating to the Internal Affairs of Peru, 1910-1920. M 746. Political Affairs. Record Group 58. File R. B. 1. Department of State. Division of Latin American Affairs. Roll 823.00/193. p. 1; NA USA. Records of Department of State relating to Internal Affairs of Peru, 1910-1929. Roll 30. Other Internal Affairs. 823.990-833.927/29a. № 176. P. 1.

⁷³ Mensaje... de Billinghamurst... 1913. P. 11-15.

⁷⁴ The National Archives (USA). Record Group 59. Records of the Department of States relating to Internal Affairs of Peru, 1910-1929. M 746.(далее NA USA) Roll 7823.51/27, 822.51/7. № 170. P. 3

⁷⁵ Klarén P. F. Peru: Society and Nationhood in the Andes. N. Y.- Oxford. P. 225.

⁷⁶ Urquieta M. L. Algunos discursos políticos y parlamentarios. Arequipa – Perú, 1917. P.271.

⁷⁷ NA USA. Record Group 58. File R. B. 1. Department of State, Division of Latin American Affairs. P.1, 3-4.

⁷⁸ Arenas G. Algo de una vida (para después de mi muerte). Lima, s.a. P. 84.

⁷⁹ The National Archives (USA). Records of the Department of State relating to the Internal Affairs of Peru, 1910-1929. M 746 Political Affairs/ Record Group 58. File R. B. 1. Department of State. Division of Latin American Affairs. № 93823. 00/139. American Consular Service. P. 2-3. В этом же сообщении Эберхардт писал о своих впечатлениях после поездки по стране и о близости переворота: "Что касается политического положения в Перу, то я могу сказать, что для нынешнего правительства в столице перспективы неблагоприятны. Когда в августе я покидал Лиму экс-президент Легия был выслан из страны ... и хотя этой акции президента практически не было открытой оппозиции, даже сторонний наблюдатель не мог не заметить, что в клубах и на улицах это инцидент был крайне непопулярен. Поехав на юг, я заметил ещё большее и стойкое недовольство. И если политическое положение в стране радикально не изменилось, с тех пор как я уехал из Перу, тем не менее, всё же можно с уверенностью сказать, что практически вся южная часть Перу от Мольендо до Куско может присоединиться к любому движению, направленному на свержение нынешнего правительства. Во время моего кратковременного пребывания на севере республики эта позиция была менее заметной, исключая обычное недовольство некоторых членов оппозиционной партии. Но от Лимы до чилийской и боливийской границы положение таково, что будет неудивительно, если вне-

запно начнётся мятеж против правительства. Весьма сомнительно, чтобы правительство сможет ждать поддержки армии в подавлении такого восстания. И действительно, если в стране радикально не изменятся антиправительственные настроения, то крайне сомнительно, что нынешний президент сможет закончить весь срок своего президентства... Многие говорят, что президент больше чилиец, чем перуанец. Я знаю, что он провёл много лет в Чили. Многие в Перу опасаются, что он при определённом нажиме со стороны Чили может подчинить перуанцев чилийцам. И если его сбросят с поста президента, то почти наверняка он будет искать убежища в Чили, где его, по-видимому, будут особо благожелательно принимать" — Ibid. P. 2-3. Хорошо был информирован американец! Всё происходило именно так, как он предполагал. И поэтому неудивительно, что США поддерживали переворот по причинам, изложенным заведующим латиноамериканским отделом госдепартамента А. Брайаном в меморандуме для Лонга 14 февраля 1914 г. с предложением признать новое правительство Перу, что и было сделано 17 февраля. "...Я убеждён,- писал Брайан,- что одной из причин падения Биллингхурста.. была его антиамериканская политика и отказ выполнять контракты, заключённые с американцами и другими иностранными компаниями. Организовал революцию Дюран, сенатор из Уануко. Это та провинция, через которую должна была проходить проектируемая железная дорога Укаяли. Нынешний кабинет министров решительно проамериканский. И я очень опасаясь, что если мы отложим его признание, то нанесём обиду этому новому правительству. Мы подвергнем серьёзной угрозе крупные деловые планы американцев в Перу, в частности, строительство железной дороги Укаяли, проекты ирригационных работ Ропера и Бейса, заключение контракта о займе, рассматриваемого правительством и т. д., а в целом инвестиции на сумму в 40 млн. долл. К тому же мы потеряем тот огромный авторитет, который мы имеем у этого нашего традиционного друга в Южной Америке. Если бы это была обычная революция искателей должностей и профессиональных революционеров, то ситуация носила бы совершенно иной характер, но, как я уже указывал, это движение против Биллингхурста объединяет в своих рядах высшие слои страны и практически все партии. Принимая во внимание, что в Перу инвестировано больше американских капиталов, чем во всей Азии, и учитывая те прекрасные перспективы, которые представит эта страна для американского капитала с открытием Панамского канала, Вы без колебаний придёте к выводу о том, что этот вопрос крайне важен и что отсрочка может быть для нас фатальной. Признание (нового правительства — И. Я.) должно быть объявлено немедленно".- National Archives ((USA) Department of State Division of Latin American Affairs. 823. 00/123 — P. 1-2.

⁸⁰ La Integridad. Lima, 07.02. 1914

⁸¹ Urdanivia Gines J. Una revolución modelo. Lima, 1954. P. 2-7. См. также письмо руководства Независимой сивилистской партии президенту 29 января 1914 г., подписанное её председателем Х. Мансанилей с протестом против предполагаемого роспуска парламента. В письме говорилось: "

Опирались на личные мнения в ущерб общественной пользе и требовать роспуска конгресса и фактически отмены мандатов сенаторов и депутатов – значит дойти до крайних пределов в возведении в аксиому политики права правительства покушаться на само существование и независимость парламента... Роспуск парламента означает уничтожение парламентских институтов в Перу, и на их руинах водружается всевластие правительств. И, тем не менее, чтобы оправдать это преступление Вы Ваше превосходительство ссылаетесь на то, что роспуск парламента будет полезен для проведения конституционных реформ, что парламента в данное время прекратил исполнять свои функции и указываете на пороки, связанные с нынешним составом конгресса. Все эти предлоги для роспуска парламента – недопустимы". – Manzanilla KJ. M. Defensa del poder legislativo y de los garantías individuales. Discursos parlamentarios. Tomo II. Lima, 1942. P. 405-406. Таким образом, юридический предлог для переворота уже был сформулирован, хотя самого декрета о роспуске парламента не имелось, да вряд ли намечался в действительности этот роспуск.

⁸² Basombrío C. El movimiento obrero. Op. cit. P. 30. Заявлений подобных этому множество. Активный военный участник переворота Хосе Урданивия Хинес после дежурного заявления о якобы намерении Биллингхурста распустить конгресс и передать Чили перуанские территории, приводит главные обвинения газет и журналов, враждебных свергнутому президенту. "La Prensa" 7 февраля 1914 г.: "Он содействовал тому, чтобы народные классы господствовали над высшими, он подстрекал их к забастовкам и стачкам. В стране установилась анархия, бушевала разруха". "Variedades" в тот же день вторил этой газете: "Он разжёт в Перу без всяких оснований и необходимости, нанеся вред стране, социальную проблему, Эту проблему он сделал составной частью своей злобой политики раздоров, привлекая для этого раскольников, всякий злобод и социальные отбросы общества. Он нарушил спокойствие и нравственное равновесие среди действительно трудового рабочего люда, к сожалению, во многом подорвав его гражданские и моральные принципы". Но между прочим Урданивия вынужден был признать, "что даже когда Биллингхурста отправляли в изгнание, его в присутствии военных сопровождали возгласы: "Да здравствует Биллингхурст!" – См. Urdanivia Gines J. Una revolución modelo. Ejército peruano. Lima, 1954. P. 60, 123, 37-38.

⁸³ Urdanivia Gines J. Op. cit. P. 77.

⁸⁴ Mensaje que S. E. el Presidente de la República presenta al Congreso ordinario de 1914...(O. R. Benavides), 28 de Julio de 1914. Lima de 1914. P. 3-4. Бенавидес был вынужден признать, что военный переворот был встречен массовыми беспорядками в г. Пуно 23 мая 1914 г. и в Лиме 14 июня. Крупные восстания индейцев, которых он назвал "получивилизованными аборигенами", произошли в горных районах департаментов Куско, Хуни и Лорето, направленных против новых поселенцев колонов в Сантьяго, Пичис и Паукартамбо – Ibid. P. 15-16.

⁸⁵ El Presidente Billinghurst a la Nación. Primera parte. Santiago – Chile. 1915.

P. 4-5.

⁸⁶ Ibid. Op. cit. P. 11.

⁸⁷ NA USA. Records of the Department of State relating to the Internal Affairs of Peru, 1910-1920. M 746. Political Affairs. Record Group 58. File R. B. 1 Department of State. Division of Latin American Affairs. Roll 823.00/193. P. 2-4.

⁸⁸ Ibid. Op. cit. P. 3-4, 84-86.

⁸⁹ NA (USA). Record of Department of State relating to Internal Affairs of Peru, 1910-1929. Roll 30. Other Internal Affairs. 823. 90-833.927/a. № 176. P. 2. 100 тщательно отобранных из партийных элит участников конференции выступили против представительства на ней рабочих, так как они могли бы действовать так же свободно, как и при Биллингхурсте, и, вообще, явились бы «чуждым элементом» среди партий-участниц конференции – La convención de los partidos de 1915. Lima, 1918. P. 191. С большим облегчением уже упомянутый Прадо с позиции верхушки общества воспринял успех переворота в 1914 г.: "Революция в феврале покончила с позорным режимом, который в течение двух лет разваливал и разрушал все социальные ценности" – Prado y Ugarteche J. Op. cit. P. 433.

⁹⁰ ZDA Potsdam. AA II, Südamerika, 1891-1930, N. 47445, Bl. 183.

⁹¹ Basadre J. Op. cit. Vol. XII. P. 334-335, 461--462; La cuestión "Brea y Pariñas". Discursos parlamentarios. Lima, 1917. P. 87.

⁹² Mac-Lean y Estenós R. Sociología del Perú. México, 1954. P. 129-131, 133-134.

⁹³ Zambrano A. R. Op. cit., P. 36-37.

⁹⁴ Macera P. Trabajos de historia. Op. cit. P. 57.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

- Biblioteca Nacional de República. Lima. Sala de Investigaciones. Policía al Ministro de gobierno. D 5460. 12.1.1894.
- Deutsches Zentrales Archiv.(Далее DZA) Potsdam. Reichsamt des Innern. 1876-1916. №№ 4737,4743- 4744.
- DZA. Potsdam, Auswärtiges Amt, Abteilung II. Südamerika, 1891-1930. №№ 12395-12396, 34698,47445.
- DZA Potsdam. Auswärtung Amt, Abteilung b, Südamerika, 1891-1930. № 29076.
- ZDA. Potsdam, Auswärtiges Amt, Abteilung II u, S ü d a m e r i k a, 1 8 9 1 - 1 9 3 0. N 1913.
- National Archives. Washington, Records of the Department of State, Despatches from United States Minister to Peru, 1826-1906. Vol. 54. N. 196.

Опубликованные источники

- Algunas observaciones de discurso-programa leído por el doctor candidato civilista á la presidencia de la República de 12 de Julio en la Exposición de Lima. Lima: 1914.
- Basadre J. Introducción a las Bases Documentales de la historia de la República del Perú con algunos reflexiones. Tomos I-II. Lima, 1971.
- Billinghurst G. El Presidente Billinghurst a la Nación. Santiago de Chile. 1915.
- Camara de senadores. Discurso pronunciado por el senador por Puno, Dr. D. Mariano H. Cornejo, en las interpelaciones al Ministerio sobre la crisis Constitucional originada por los sucesos del 4 de Febrero de 1914. Lima, 1914.
- Congreso ordinario de 1895. Diario de debates de la H. Cámara de senadores. Lima, 1895; Congreso ordinario de 1910. Diario de debates... Lima,1911; Congreso extraordinario de 1911. Diario de debates... Lima, 1912.
- Contrato celebrado el 26 de mayo de 1887 entre el Dr. José Aranibar, fiscal general y comisionado especial del Gobierno del Perú de una parte y Sir H. W. Tyler, miembro de Parlamento, Y. A. Olland, Esquire i M. P. Grace, Esquire, a nombre del Comité de Tenedores de bonos peruanos, de la otra. Santiago de Chile, 1887.
- Dancuart P. E. Anales de la hacienda pública del Perú: historia y legislación fiscal de la República. Tomos 1-2. Lima, 1905-1906.
- Dunn W. E. Peru. A Commercial and Industrial Handbook. Wash., 1925.
- Extracto estadístico del Perú. 1931-1932-1933. Lima, 1935.
- Geographical and Statistical Synopsis of Peru,1895 to 1898. Lima, 1899.
- Gobernantes del Perú:cartas y papeles. Volúmenes 1-14. Madrid, 1921-1926.

Gran Bretaña y el Perú. Informes de los Cónsules británicos. Compilador: Heraclio Bonilla. Vol. 1-5. Lima, 1975-1976.

Handbook of Peru. Wash., 1895. P.79.

La convención de los partidos de 1915. Lima, 1918.

La cuestión "Brea y Pariñas". Discursos parlamentarios. Lima, 1917.

La revolución, de 1894-95. Reminiscencias y revelaciones. Lima, 1901.

Las ideas en el América Latina: Una antología del pensamiento. Tomos 1-2. La Habana, 1985.

Latin America. A Guide to Economic History, 1830-1930. Berkeley, Los Angeles, Lnd., 1977.

Manzanilla J. M. Discursos parlamentarios. Tomo II. Lima, 1942.

Mensaje presentado al Congreso oordinario de 1907 por el Presidente de la República Jose Pardo 28 de Julio de 1907. Lima, 1908.

Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. 7. 08. 1900.

Monthly Bulletin of the International Bureau of the Pan American Republics Union. Wash., 1911.

Mensaje de S. E. el Presidente de la República Don Guillermo B. Billinghurst al congreso, Septiembre 5 de 1913. Lima, 1913.

Mensaje de S.E. el Presidente de la República (A. Caceres) al congreso ordinario de 1887. Lima, 1887.

Mensaje presentado al Congreso ordinario de 1916 por el Presidente de la República (José Pardo) 28 de Julio de 1916. Lima, 1916.

Mernsaje presentado al Congreso ordinario de 1917 por el Presidente de la República (José Pardo) 28 de Julio de 1917. Lima, 1917.

Mensaje presentado al Congreso ordinario de 1918 por el Presidente de la República (José Pardo) 28 de Julio de 1918. Lima, 1918.

Mensaje que S. E. el Presidente de la República presenta al Congreso ordinario de 1914. (O. R. Benavides), 28 de Julio de 1914. Lima, 1914.

Mitchell. International Historical Statistics. The Americas and Australia. Detroit, 1983.

Nouvelle géographie universelle. La terre et les homes. Par Elisée Reclus. XVIII. Amérique du Sud. Les regions andines. Paris. 1895.

Osma F. Informe que sobre huelgas del Norte presenta al gobierno su comisionado Don Felipe de Osma. Lima, 1912.

Pardo, José. Peru. Four Years of Constitutional Government. N.Y., 1920

Partido Demócrata. Doctrina de Don Nicolás de Piérola. Declaración de principios. Base de organización del Partido. Lima, 1950.

Pensamiento político peruano. Vols. 1-2. Lima, 1987-1990. Vol. 1. Lima. 1990.

Perú Congreso. Cámara de senadores. Diario de debates, 1893. Lima, 1893.

Perú en cifras. Lima, 1945.

Prado y Ugarteche, José. Articulos polfíticos. Lima, 1916.

Programa de gobierno presentado a la consideración del país por Antero Aspíllaga candidato proclamado a la presidencia de la república por asamblea general extraordinaria del Partido civil. Diciembre 10 de 1911. Lima, 1911.

Riva-Agüero, José de la. Obras completas. Tomos I- XIX. Tomo XI. Escritos políticos. Lima, 1975.

Statistical Abstract of Peru. 1924. Prepared by the Bureau of Statistics. Lima, 1925.

Statistical Abstract of Peru. 1924-1929. Prepared by the Bureau of Statistics. Lima, 1930.

The Foreign Trade of Latin America since 1913. Wash., 1952.

Winkler M. Investments of United States Capital in Latin America. Boston, 1929.

Литература и исследования

Гавриков Ю. П. Перу: от инков до наших дней. М.: "Наука", 1977.

Гавриков Ю.П. Совесть Перу (О Хосе Карлосе Мариатеги и его единомышленниках - перуанских коммунистах). М., 1987.

Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М., 1986.

История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 год./ Отв. ред. Е. А. Ларин/. М.: "Наука", 1993.

История Перу с древнейших времён до конца XX века. /Отв. ред. С. А. Созина, И. И. Янчук/. М.: "Наука", 2000.

Латинская Америка в международных отношениях: В 2-х томах. М., 1988.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.3. Развитие капитализма в России.

Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25. Ч. II.

Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. I-II. М., 1959.

Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX – начало XX века). М., 1965.

Самаркина И. К. Община в Перу. М., 1974.

Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002.

Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979.

Akers Ch. E. A History of South America. 1854 – 1904. Lnd., 1912.

Alba Herrera C. A. Atusparia y la revolución campesina de 1885 en Ancash. Lima, 1885

Albert B. An Essay on the Peruvian Sugar Industry, 1880-1920 and the Letters of Ronald Gordon, Administrator of the British Sugar Company in Cañete, 1914-1920. University of East Anglia, Norwich, 1976.

Arenas G. Algo de una vida (para después de mi muerte). Lima. Sin año.

Aricó J. Marx y América Latina. Lima, 1980.

- Arrus O. F. El comercio exterior del Perú en el año 1914. Lima, 1915.
- Astiz C. A. Pressure Groups and Power Elites in Peruvian Politics. Ithaca-Lnd., 1969.
- Bardella G. Setenta y cinco años de vida económica del Perú. Lima, 1969.
- Basadre J. Chile, Perú y Bolivia independientes. Barcelona - Buenos Aires. 1948.
- Basadre J. Elecciones y centralismo en el Perú. Apuntes para un esquema histórico. Lima, 1960.
- Basadre J., Ferrero R. Historia de la Camara de comercio de Lima. Lima, 1963.
- Basadre J. Historia de la República del Perú. Sexta edición, Tomos I-XVI, Lima, 1968-1970.
- Basadre, J. Historia de la República del Perú. 1822-1933. Volúmenes I-XVII. Séptima edición corregida y aumentada. Lima: Edición Universitaria. 1983.
- Basadre J. La multitud, la ciudad y el campo en la historia del Perú. Lima, 1981. P. 221.
- Basadre J. Perú: Problema y posibilidad. (Segunda edición). Lima, 1978.
- Basadre J. Sultanismo, corrupción y dependencia en el Perú republicano. Lima, 1981.
- Basombrío C. El movimiento obrero. Historia gráfica № 1, 1909-1930: años de aprendizaje. Lima, 1985.
- Belaunde V. A. La crisis presente: 1914-1939. Lima, 1940.
- Benavides Correa A- El petróleo peruano o la autopsia de un clan. Lima, 1961.
- Blanchard P. The Origins of the Peruvian Labor Movement, 1883-1919. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1982.
- Bunge Guerrico H. Perú. Buenos-Aires, 1956.
- Burga M., Flores Galindo A. Apogeo y crisis de la República Aristocrática (Oligarquía, aprismo y comunismo en el 1895-1932. Lima, 1979.
- Burga M., Reategui W. Lanas y capital mercantil en el sur. Casa Ricketts, 1895-1935. Lima, 1981.
- Bürger O. Peru. Ein Führer durch das Land für Handel, Industrie und Einwanderung. Leipzig, 1923.
- Burgess E.W., Harrison F.H. Casa Grace in Peru. Wash., 1954.
- Business Imperialism- 1840-1930. An Inquiry Based on British Experience in Latin America. Oxford at the Clarendon Press, 1977.
- Caballero Martin V. Imperialismo y campesinado en la sierra central. Huancayo, 1981.
- Calderon Cousiño A. Short Diplomatic History of the Chilean-Peruvian Relations, 1819-1879. Santiago de Chile, 1920.
- Campesinado e indigenismo en América Latina. Lima, 1978.
- Capelo J. Sociología de Lima. Libro I- IV. Lima, 1896.
- Capitales, empresas y obreros europeos en América Latina. Estocolmo, 1981.
- Carey J.C. Peru and the United States, 1900-1962. University of Notre Dame Press, 1964.

Castro Pozo, Hildebrando. Del ayllu al cooperativismo socialista. Lima, 1973.

Chang-Rodriguez E. La literatura política de González Prada, Mariátegui y Haya de la Torre. Mexico, 1957.

Chirinos Soto E. Historia de la República Perú. Lima, 1977.

Chocuario J. S. El discurso de la revolución. Lima. 1895. Chirinos Soto E. Historia de la República. 1821-1978. Lima, 1977.

Cisneros O. G. Reseña económica del Perú. Lima, 1906

Cisneros C.B., García R. E. Guía ilustrada de Lima, El Callao y sus alrededores. Lima, 1900.

Collier R. Jaque al Barón. La historia del caucho en la Amazonía. Lima, 1981.

Contreras C. Mineros y campesinos en los Andes. Lima, 1987.

Costa Villavicencio L. Historia cronológica del Perú. Vols. 1-2. Vol. 1. Lima, 1966.

Cotler J. Clases, estado y nación en el Perú. Lima, 1978.

Cuadros Muñoz J. Economía y administración en la historia del Perú, 1821-1980: Orígenes del poder judicial. Lima, 1984.

Dávalos y Lissón P. Diez años de historia contemporánea del Perú, 1899-1903. Lima, 1930.

Dávalos y Lissón P. La primera centuria. T. 1- 2. Lima, 1919-1922.

Dellepiane C. Historia militar del Perú. Tomos 1-2. Lima, 1931, 1936.

Deustua J., Reñique J. L. Intelectuales, indigenismo y descentralismo en el Perú. (1879-1931) Cuzco, 1984

Diccionario enciclopédico del Perú ilustrado. Tomos 1 - 3. Lima, 1966-67.

Diccionario histórico-biográfico del Perú. Tomos I-II. Lima, 1931-1935.

Dulanto Pinillos J. Nicolás de Piérola. Lima, 1947

Dunn R. W. American Foreign Investments. N. Y., 1926.

El partido comunista peruano frente al problema petroleo. Lima, 1959.

El Perú frente al capital extranjero. Lima, 1985.

El pierolismo y compañía, el gobierno Pardo, la candidatura Leguía. Lima, 1908.

Enock C.R. Peru. Its Former and Present Civilization, History and Existing Conditions, Topography and Natural Resources, Commerce and General Development. Lnd., 1920.

Estados y naciones en los Andes. Hacia una historia comparativa: Bolivia - Colombia - Ecuador - Perú. Vols. I-II. Lima, 1986.

Falcón J. Mariátegui: arquitecto sindical. Lima, 1980.

Fernández-Baca J., Parodi Zevallos C., Tume Torres F. Agroindustria y transnacionales en el Perú. Lima, 1983.

Ferrero R. El liberalismo peruano. Lima, 1958.

Flores Galindo A. Arequipa y el sur andino. Ensayo de historia regional (siglos XVIII-XX). Lima, 1977.

Friedman D. The State and Underdevelopment in Spanish America: The Political Roots of Dependency in Peru and Argentina. Lnd., 1984.

Frisancho J. Del jesuitismo al indianismo. Cuzco. 1931.

Führer durch Peru für Kapitalisten, Industrieller und Einwanderer. Lima, 1902.

Garcia Calderon F. Le Pérou contemporain. Etude sociale. Paris, 1907.

Garcia Calderon F. Les Démocraties latines de l'Amérique. Paris, 1912.

Garland A. La industria azucarera en el Perú(1550-1895). Lima, 1895.

Garland A. Las industrias en el Perú. 2-a edición. Lima, 1900; Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1906.

Garland A. Las industrias en el Perú. Lima, 1896.

Garland A. Peru in 1906 and after with a Brief Historical and Geographical Sketch. Lima, 1908.

Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1905.

Garland A. Reseña industrial del Perú. Lima, 1906.

Garcia Salvatecci H. El pensamiento de González Prada. Lima, 197-.

Gerbi A. El Perú en marcha. Ensayo de geografía económica. Lima, 1941

Gonzalez M.J. Plantation Agriculture and Social Control in Northern Peru. 1875-1933. University of Texas Press. Austin, 1985.

Guiding the Invisible Hand: Economic Liberalism and the State in Latin American History. N. Y., Lnd., 1988.

Guiness G. Peru. Its Story, People and Religion. Lnd., 1909.

Harth Frantz E. La batalla de Lima, 17 de marzo de 1895. Lima, 1970.

Haciendas and Plantations in Latin American Yistory. N. Y., Lnd., 1977.

Historia del Perú. T.I – XII. Lima, 1980.

Historia general de los peruanos hasta 1970. Vols 1-3. Lima, 1973.

Idiaquez, Alejandro de. Le Pérou en 1889. Havre, 1890.

Jacobsen N. G. Mirages of Transition. The Peruvian Altiplano, 1780-1930. Berkeley, 1993.

Jepes del Castillo E, Perú. 1820-1920. Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972.

Iguñiz J. (ed.) La cuestión rural en el Perú. Lima, 1986.

Kamman P.Von der Landarbeiterbewegung zur Angestelltengewerkschaft. Soziale Protesbewegung im Tal des Chicama, Peru. 1909-1968. Frankfurt, 1990.

Kapsoli W. E. Las luchas obreras en el Perú. 1900-1919. Lima, 1976.

Kapsoli W. E. Los movimientos campesinos en el Perú. 1879 – 1965. Lima, 1977.

Kapsoli W. Peruanistas contemporáneos. Lima, 1988.

Klaiber J. S. J. La iglesia en el Perú. Lima, 1988. Klaiber J. L. Religion and Revolution in Peru. 1824 - 1976. Notre Dame – Lnd, 1977.

Klaren P.F. Modernization, Dislocation, and Aprismo: Origin of the Peruvian Aprista Party, 1870-1932. Austin, 1973.

Krujt D., Vellnja M. Estado, clase obrero y empresa transnacional: El caso de la minería peruana, 1900-1980. Mexico, 1983.

La guerra del Pacífico. V. I –II . Lima, 1979.

Land and Labor in Latin America: Essays on the Development of Agrarian Capitalism in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Cambridge University Press, 1977.

La oligarquía en el Perú. Mexico, 1970.

Las crisis económicas en la historia del Perú. Lima, 1986.

Latin America, Economic Imperialism and the State: The Political Economy of the External Connection from Independence to the Present. Lnd., University of London, 1985.

Lissón C. Breves apuntes sobre la sociología del Perú en 1886. Lima, 1887.

Long N. , Roberts B. Miners, Peasants and Enrepreneurs. Regional Development in the Central Highlands of Peru. Cambridge University Press. Lnd., N. Y., 1984.

Lynch N. El pensamiento social sobre la comunidad indígena en el Perú a principios del siglo XX. Cusco, 1979.

Macara P. Trabajos de historia. Tomos I-IV. Lima, 1977.

Mac-Lean y Estenos R. Sociología del Peru. Mexico, 1954.

Malpica C. Guerra a muerte al latifundio. Lima, 1962. Mallon F.E. The Defense of Community in Peru's Central Highlands: Peasant Struggle and Capitalist Transition, 1860-1940. Princeton, New Jersey, 1983.

Manrique N. El desarrollo del mercado interior en la sierra central. 1830 – 1910. Lima, 1978.

Manrique N. La guerra del Pacífico y la crisis de la fracción terrateniente de la sierra central del Perú (1879 – 1888). Lima, 1980.

Manrique N. Las guerrillas indígenas en la guerra con Chile. Lima. 1981.

Mariátegui, J. C. Ideología y política. Lima. 1980.

Marett R. Perú. N. Y., 1969.

Martin J. C. El gobierno de don Guillermo E. Lbilinghurst, 1912-1914. Lima, 1963.

Martin P.E. Peru of the Twentieth Century. Lnd., 1911. Martin L. The King of the Sun. A Short History of Peru. N.Y. 1974.

Macara P. Visión Histórica del Perú: Del paleolitico al proceso de 1968. Lima, 1978.

Mathew W. M. The House of Gibbs and the Peruvian Guano Monopoly. Lnd., 1981.

Matos Mar, José. Yanaconaje y reforma agraria en el Perú. El caso del valle Chancay. Lima, 1970.

Matto de Turner C. Aves sin nido. La Habana, 1974.

Maurtua V. M. La cuestión del Pacífico. Lima, 1919.

Melgar Boa R. Burguesía y proletariado en el Perú: 1820-1930. Lima, 1980.

Miro Quesada Laos C. Autopsia de los partidos políticos. Lima, 1961.

Miller R. Britain and Latin America in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Ind., N. Y., 1993.

- Montoya R. Luchas por la tierra, reformas agrarias y capitalismo en el Perú del siglo XX. Lima, 1989.
- Morillo E., Lozano B. La sublevación de Atusparia. Versión oral de Santiago Maguñá Chauca. Lima. 1984.
- Mujica Gallo M., Chirinos Soto E. Ramón Castilla. Nicolás de Piérola. Lima, 1964.
- Nationalism in Latin America. Lnd., 1971.
- Nueva historia general del Perú: un compendio. Lima, 1980.
- Ortega E. H. Manual de historia general del Perú. Historia revisionista. Lima, 1979.
- Parra P.V. Bautismo de fuego del proletariado peruano. Lima, 1969.
- Paz Soldán J. P. Diccionario biográfico de peruanos contemporáneos. Lima, 1921.
- Paz Soldan M. F. Diccionario geográfico y estadístico del Perú. Lima, 1877.
- Piel J. Grise agraire et conscience créole au Pérou. Paris, 1982.
- Pensamiento político peruano. Lima, 1087.
- Pike F. B. The Modern History of Peru. Lnd., 1967.
- Platt D. Latin America and British Trade: 1806-1904. Lnd., 1972.
- Prada González M. Páginas libres. Tomo I-II. Lima, 1966.
- Prada González M. Horas de lucha. Lima. 1972.
- Prusse-Spater, Peru. Eine Skizze seines wirtschaftlichen und statichen Lebens. Frankfurt a. M., 1913.
- Purser W.F.O. Metal-Mining in Peru. Past and Present. N.Y., Wash., Lnd., 1971.
- Quijano A. Nacionalismo, neoimperialismo y militarismo en el Perú. Lima, 1971.
- Quijano A. Nationalism and Capitalism in Peru. A Study in Neoimperialism. N-Y. - Lnd., 1971.
- Quijano A. Problema agrario y movimientos campesinos. Lima. 1979.
- Relaciones internacionales del Perú. Lima, 1986.
- Reseña industrial del Perú. Ministerio de fomento, Lima, 1902.
- Robinson D. Peru in four Dimensions. Lima, 1964.
- Roel Pineda V. Historia social y económica del Perú en el siglo XIX. Lima, 1986.
- Roel Pineda V. Esquema de la evolución económica. Lima. 1976.
- Roldan J. Perú, mito y realidad. Vol. 1. Lima, 1986.
- Romero E. Historia económica del Perú. Buenos Aires, 1949.
- Rowe L.S. Early Effects of the War upon the Finance, Commerce and Industry of Peru. N. Y. , 1920.
- San Roman J. V. Perfiles históricos de la Amazonía Peruana. Lima, 1975.
- Smith G. Livelihood and Resistance: Peasants and the Politics of land in Peru. Berkley, 1989.
- Stein W.W. El levantamiento de Atusparia. El movimiento popular ancashino de 1885: un estudio de documentos. Lima, 1988.
- Sulmont D. El movimiento obrero en el Perú (1900-1956). Lima, 1975.

- Sulmont S. D. Historia del movimiento obrero peruano (1890-1977). Lima, 1977.
- Tamayo Herrera J. Historia social del Cuzco republicano. Lima, 1981.
- Tamayo Herrera J. Nuevo compendio de historia del Perú. Lima, 1985.
- Tamayo Herrera J. Historia social e indigenismo en el altiplano. Lima, 1982.
- Tejada L. R. La cuestión del pan. El anarcosindicalismo en el Perú: 1880-1914. Lima, 1988.
- Thorp R., Bertram G. Peru 1890-1977: Growth and Policy in an Open Economy. Lnd., 1978.
- Thorp R. Economic Management and Economic Development in Peru and Columbia. University of Pittsburg Press, 1991.
- Torres M. Breve antología del pensamiento anarquista en el Perú: Informe de investigación. Lima, 1979.
- Ugarte G.A. Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977.
- Uhlich. I, Die Politik des deutschen Kaiserreiches und der Grossmächte in Peru von 1871 bis zum Beginn des I Weltkrieges. Dissertation. Berlin, 1971.
- Ulloa A. Don Nicolás de Piérola. Una época de la historia del Perú. Lima, 1981.
- United States Foreign Policy and Peru. Austin- Lnd., 1972. Urdanivia Gines J. Una revolución modelo. Lima, 1954.
- Urquiaga J. Indios. Puno, Perú, 1977.(1-е изд. – 1916).
- Valcarcel C. A. El proceso del Putumayo y sus secretos inauditos. Lima, 1915.
- Vasquez M. C. Hacienda, peonaje y servidumbre en los Andes peruanos. Lima, 1961.
- Vegas E. L. Perú y Ecuador en cinco siglos. Lima, 1986.
- Villanueva V. Cien años del ejercito peruano: frustraciones y cambios. Lima, 1971.
- Vivian C. Peru. Lnd., 1914.
- Walle P. Le Pérou économique. Paris, 1913.
- Werlich D.P. Peru. A Short History. Lnd-Amsterdam, 1978,
- Yepes del Castillo E. Perú 1820-1920: Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972.
- Zambrano AR. Rumi Maqui. Puno (Perú), 1985. P. 36-37.

Периодика

- Aportes. 1972. N 23. Paris.
- Campesino. 1969. N 2. Lima.
- Daily Consular and Trade Reports. Washington, 1906. Apr. 24. Department of Commerce and Labor. N 2231. Daily Consular Reports. 1905. April 13.
- Estudios andinos. Año IX. N 17-18. 1981.P. 44.
- Ibero-amerikanisches Archiv. Jahrgang. 9. Heft. 3/4, 1983. Journal of Latin American Studies. Vol. 8. Pt. 1. May, 1976; Vol. 14. Pt. 1. May, 1982 . Lnd.
- La Integridad. Lima, 22.12.1892.

La opinión nacional. Lima, 17.IX.1894.

La Prensa (Lima).1912. 25 Sept.

~~PauToday~~.Lima, 1909-1911.

Revista de Museo Nacional. Lima, 1973. Vol. 39

The Statesman's Year Book. Statistical and Historical Annual of the States of the World to the Year. Lnd.,1894 –1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Введение</u>	6
<u>Глава 1</u>	
<u>Перу после Тихоокеанской войны</u>	14
<u>Восстание Атуспарии</u>	18
<u>Возвращение военных к власти. Контракт Грейса</u>	45
<u>Глава 2</u>	
<u>Революция 1894-1895 гг.</u>	62
<u>Предпосылки и причины революции</u>	62
<u>Трудный путь к победе революционной коалиции</u>	99
<u>Глава 3</u>	
<u>Становление и развитие зависимого капитализма</u>	116
<u>Реформы Пьеролы</u>	116
<u>Рост фабричной промышленности и дискуссии о выборе пути</u>	126
<u>Экспансия американского капитала в горную промышленность Перу</u>	148
<u>Глава 4</u>	
<u>Подъём и начало кризиса сивилизма</u>	160
<u>Социально-экономические изменения и укрепление власти сивилистов</u>	160
<u>Начало кризиса политической структуры: судьбы реформизма Г.Биллингхурста</u>	172
<u>Библиография</u>	213

SUMARIO

<u>Introducción</u>	6
<u>Capítulo 1</u>	
<u>Perú después de la guerra del Pacífico</u>	14
<u>Rebelión de Atusparia</u>	18
<u>Retorno de los militares al poder. El contrato Grace.</u>	45
<u>Capítulo 2</u>	
<u>La revolución de 1894-1895</u>	62
<u>Causas y premisas de la revolución</u>	62
<u>El camino difícil de la coalición revolucionaria hacia la victoria</u>	99
<u>Capítulo 3</u>	
<u>El proceso de formación y desarrollo del capitalismo dependiente</u>	116
<u>Las reformas de Pierola</u>	116
<u>El crecimiento de la industria fabril y la discusión acerca de alternativas de desarrollo</u>	126
<u>La expansión del capital americano en la minería del Perú</u>	148
<u>Capítulo 4</u>	
<u>Auge y comienzo de crisis del civilismo</u>	160
<u>Los cambios económico-sociales y consolidación temporal del poder civilista</u>	160
<u>Comienzo de crisis de la estructura política: destinos del reformismo de Guillermo Billinghurst</u>	172
<u>Bibliografía</u>	213

Янчук Игорь Иванович

Перу на рубеже веков: 1884-1914 гг.

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л. Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 05.05.2008-04-29
Гарнитура Таймс. Объём – 13 п.л.
Тираж 200 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., д. 32а

